

МЕЩАНОВ ЮРИЙ

КНИГА III

ВОЛЬНИЦА

ОБРЕЧЁННЫХ

Последняя книга псевдоисторической трилогии «Рустовесье: хроника смуты».

После сражения на Багровых полях некоторым показалось, что война окончена и наступил долгожданный мир. Но они ошибались. Костёр войны не потух, вражда не угасла. Лишь накопились новые обиды и противоречия. Противники собрали силы и приготовились к новым походам. В предстоящей схватке будет окончательно решена судьба Рустовесской державы.

Глава 1 Солнечная весна

На протяжении трёх дней отряд Лютогоста неустанно преследовали княжеские ратники. Похоже, за них взялись всерьёз, желая истребить наконец ненавистных мятежников. Разведчики Трифона Кривина утверждали, что видели самого Чернека Озерова, которого признали по доспехам. Что же, это вполне могло быть правдой. Старый князь запросто мог решить самолично возглавить своих ратников, дабы одержать очередную победу. Мир на его земли это вряд ли принесёт, но подарит предельному владыке повод для гордости. Ещё бы! Взять в плен или убить самого Лютогоста Строгова, сына Лесьяра и брата Всеслава. Человека, который уже четыре года ведёт войну на землях Хладоручья, держит в страхе северные станы Густошумья и Суломатья — одного из самых опасных крамольников в Рустовесской земле. Лютогост усмехнулся. Как быстро меняется жизнь, переворачивая всё с ног на голову. Всего несколько лет назад он был воеводой Старшей дружины в войсках своего брата, законного державного князя Рустовесской земли, который подавлял мятеж предельных владык. Но вот уже четыре года как брат его скинут с престола, а сам Лютогост объявлен мятежником и изменником, подлежащем поимке и казни. Что же, пусть попробуют! Лютогост чётко уловил звуки приближающегося войска Озеровых. Около тысячи, определил он. Это совпадало с наблюдениями разведчиков. Ещё немного и они будут хорошо видны, замелькают среди весенних елей их прикрытые кольчугами и кожаными панцирями тела, покажутся щиты с серебряной молнией в красном круге.

— Всё, строимся, — сказал Лютогост.

— Может, до ладей успеем добраться? — поинтересовался мнением командира Трифон Кривин.

— Не успеем.

— Тогда предлагаю ближе к реке отойти, — Трифон махнул саблей туда, где за деревьями играла своими только что освободившимися ото льда водами река Мицальта. Лютогост осмотрел место предстоящего боя, оглянулся в сторону реки.

— Нет, здесь в самый раз будет. Я на себя основной удар приму. Всех лучников на левое крыло, пускай проредят княжеский отряд как следует. Трифон, ты со своими разведчиками главный удар нанесёшь, — Лютогост указал правой рукой на бурелом в центре их позиции. — Они вряд ли будут такого ожидать.

— Понял. Мне бы стрелков десятка полтора, чтобы прикрыли нас.

— Бери.

Бойцы быстро заняли назначенные им позиции. Лютогост вынул меч и оглядел свой отряд. Пять сотен воинов приготовились к бою — прикрылись щитами, выставили копья, вынули мечи и топоры. Уже доносились до слуха команды ратников Дома Озеровых. Некоторое время спустя, показались и сами вражеские бойцы.

Чернек, опасаясь обхода своих сил с флангов, оставил значительную часть воинов для прикрытия. Чтобы не обманывать его надежд, Лютогост подал знак, и лучники принялись гвоздить княжескую рать стрелами. Воины сошлись в лобовую и у подножия елей закипела жестокая рукопашная. В лесу невозможно держать общий строй, поэтому в таком бою важнее единоличное мастерство каждого воина, а не их общая выучка. В этом ратники Лютогоста намного превосходили своих противников. На сырую лесную землю изобильно падали убитые и раненные. Мятежники перемололи в бою несколько линий княжеской

пехоты, но всё же были серьёзно потеснены. Бурелом оказался у Озеровых почти за спиной, чем немедленно воспользовались разведчики Трифона Кривина. По начавшейся сумятице и дрогнувшим врагам, Лютогост понял, что в тылу княжеского отряда завязался нешуточный бой. Этим нужно было немедленно воспользоваться. Лютогост прикрикнул на своих бойцов и мятежники с новой силой навалились на воинов владыки Старогуля. Те не побежали, но стали отступать довольно быстро. Громкий властный голос отдавал команды, пытаясь остановить княжескую пехоту.

Их встреча не была невероятной, но всё же ожидать её в сумятице кровавого боя было сложно. Прямо перед Лютогостом вырос сам Чернек Озеров. Это он выкрикивал приказ своим людям. Их клинки скрестились за мгновение до того как они узнали друг друга.

— Князь Чернек?!

— Лютогост?!

Предельный князь был опытным воином, это сразу чувствовалось. Но возраст брал своё. Движения его были медлительны, он в основном оборонялся, нежели атаковал. У Лютогоста опыта рукопашных схваток было намного больше. Отцовский меч в его умелых руках обернулся нескончаемым потоком разящих ударов. Лишь часть из них Чернек сумел парировать, ещё часть принял на щит. С мощным размахом Лютогост прорубил предельному князю нагрудник и часть кольчуги. Убит тот или нет, Лютогост не понял — подоспели телохранители. Вступив в бой с ними, он лишь успел заметить как прикрыв тело своего господина щитами, они быстро удалились в чащу. За ними бросились бежать остатки княжеского отряда.

Лютогост запретил своим бойцам преследовать врага. Он дал команду немедленно грузить припасы и раненых на ладьи, уже стоявшие на воде. Берег Мицальты оказался намного ближе от места схватки чем ему казалось. Сжечь погибших и быстрее в путь. Всеслав прислал ему ясное указание, как можно скорее прибыть в острог Яблочный. Похоже, что наконец-то настало время для больших дел.

Большой зал в резиденции державных князей всегда поражал Петра Строгова своей величавостью. Вроде и не было в нём никаких замысловатых украшений, коими славились дворцы правителей Запада, Юга и Востока. Но присутствуя в нём, он всегда ощущал незримую мощь Рустовесского государства, подпиравшую эти могучие стены. Раньше. Так было до того, как копыта Юрьевых, Озеровых и Булатовых усадили его на державный престол, оставив от бывшего величия этого трона лишь пожухлый огрызок. Теперь здешние стены невыносимо давили на плечи юного державного князя, всякий раз как он заходил в Большой зал. Впрочем, не только стены давили на Петра. Даже небо порой казалось слишком низким, а воздух душным. Предельные князья перестали выплачивать налоги, от бывшего войска остались жалкие ошмётки, по всему Гужвоземью свирепствовали банды разбойников. Казна была пуста, имевшихся в ней средств с трудом хватало на покрытие текущих расходов. Крестьянские хозяйства беднели и разорялись, в некоторых станах случился голод. Более «успешные» были только на грани голодной смерти, ещё не переступив через черту. К тому же титул державного князя обязывал быть посредником в спорах предельных князей. Споров этих со времён обретения князьями вольницы стало невероятное количество. Не имея над ними никакой власти, Пётр тем не менее был вынужден выслушивать все эти взаимные распри и объявлять по ним государеву волю. На которую спорщикам, особенно не

получившим желаемого, было глубоко наплевать.

Отдельной головной болью для Петра стал его старший брат, Всеслав. Ровно как и обещал тогда, четыре года назад, во время их последнего разговора. В короткий срок он превратил захудалый острог Яблочный в добротную крепость, которую сделал центром своих владений. Конечно, формально никаких титулов Всеслав не принимал, так и оставаясь бывшим державным князем, лишённым каких-либо прав на престол. Но между тем он стал по сути негласным правителем всех прибрежных земель. Помимо этого он контролировал нижнее течение рек Рустовеси, Мицальты и Хили, держа под собой рыбный промысел, в том числе и тех поселений, которые поставляли рыбу на стол державного князя. Он обзавёлся собственным войском, которое назвал на чудной манер «армией». Оно было небольшое, уступая по численности силам Петра, но превосходно вооружённое и спаянное железной дисциплиной. А с прошлого года Всеслав стал брать пошлину со всех купеческих кораблей, заходящих в устье Рустовеси. Так что прибывая в Древгород, купцы лишь разводили руками: «Пошлина уже уплачена, вот бумага». Словом, государство Всеслава Строгова медленно, но верно пожирало государство Петра Строгова. Чувствуя за кем сила, в Яблочный на службу к Всеславу потянулись многие офицеры и писари. В крестьянской среде ходила молва, что «подлинный государь» уважает простой народ и не обдирает подвластных ему землепашцев до последней нитки. Правда в этих пересудах была. Подати в станах, которые подмял под свою руку Всеслав, были в два раза ниже, чем в остальном Гужвоземье.

По хорошему такое поведение следовало давно объявить нарушением условий мирного договора четыреста шестнадцатого года и начать войну. Именно на этом настаивал Корнил Шахов, новый воевода Старшей дружины, сторонник военного решения всех проблем. Впрочем, чего ещё ожидать от начальника тяжёлой конницы? Пётр исходил из другого. Пока у него нет достаточных сил для быстрой и решительной победы. К тому же налоги, которые исправно выплачивал в казну Всеслав, составляли более трети её денежных сборов. От всех этих мыслей Петру хотелось завывать. Он уже много раз проклинал тот день, когда согласился стать державным князем.

Самые искушённые в деле управления хозяйственными делами писари давно перебрались к Всеславу, который обеспечивал каждому паёк и неплохое жалование. Пётр Строгов сидел на троне своих предков и прилагал нешуточные усилия, чтобы понять, что именно пытается ему доказать своим бормотанием главный писарь Дворцовой управы. Из-за распада государства и недостатка средств, два года назад пришлось объединить её с чеканной управой.

Рядом у трона скучал его главный телохранитель Егор Михайлов. Здесь же были воевода Старшей дружины Корнил Шахов и Николай Строгов, исправник Дворцовой стражи. Как совершенно точно знал Пётр, его дядя получил очень хорошие деньги за участие в купеческом заговоре против Всеслава. Деньги эти он сумел сберечь и значительно приумножить, вкладывая их в торговые и ремесленные предприятия, которые защищал силами стражи. Более того, многим из купцов и ремесленников за соответствующую мзду, Николай Строгов обеспечивал снижение налогов. И без того нищая казна теряла деньги, а исправник Дворцовой стражи продолжал богатеть. Всё это было известно Петру, но сделать он ничего не мог. После гибели войска в битве на Багровых полях, Дворцовая стража оказалась практически единственной вооружённой силой на которую можно было опереться. И Николай обеспечивал её полную лояльность Петру, пока тот закрывал глаза на беззакония её начальника.

— Ну всё, хватит, — Пётр устал слушать бормотания главного писаря.

— Государь?

— Я понял к чему ты ведёшь. Говори прямо, на сколько придётся повысить налоги в этом году?

— Ещё на десятую часть, иначе казна недополучит денег и продуктов.

На обеде в Малой трапезной присутствовал только что прибывший из Удольчина предельный князь Солоплажа Харитон Волков. Шестнадцатилетний князь был не по годам крепок и силён. Свалившиеся на него беды, связанные с гибелью отца и проигрышем войны не сломали юношу, лишь заставив его собраться и быстро повзрослеть. Отказавшись от общения в Большом зале, он сразу потребовал у Петра личной беседы. Особого почтения высказывать не стал, лишь коротко кивнув головой с длинными русыми волосами. Серые глаза юного князя сверлили хозяина Древгорода твёрдым холодом. Харитон не собирался прощать Петру участие в Вежинском содружестве, в битве с воинами которого пал его отец Олег. Пётр пригласил гостя за стол.

Вместе с князьями за стол уселись Егор Михайлов, Корнил Шахов и Николай Строгов. Прислужники разлили по тарелкам ароматную уху из сома и сазана, расставили кадучки с солёными грибами. Утолив первый голод, Харитон приступил к разговору, ради которого и приехал.

— Государь, я проделал столь долгий путь не просто так, — голос Харитона был жёстким, с лёгкой хрипотцой, не лишённым впрочем ноток, характерных для совсем молодых людей. Пётр пожалел, что не умеет говорить так же твёрдо и без малейшего волнения. Юный князь тем временем поддел ложкой солёный гриб и отправил его в рот, лишний раз подчёркивая отсутствие должного почтения к собеседнику. — Я пришёл требовать у тебя справедливости.

— И в чём же заключается эта несправедливость по твоему мнению?

— Я каждый год обороняю западные границы Рустовесской земли от набегов киврийцев. Если государь помнит, то два года назад именно я разбил войско Вечерних королей, перешедших пограничную реку Лантину. И что я получаю взамен? Сваяльцы повадились нападать на мои владения. Но мало того, теперь Дом Юрьевых тоже претендует на мои земли. Недавно Хотен Юрьев прислал мне письмо в котором потребовал выплачивать ему подать в размере не менее половины от того, что раньше получал с Солоплажа державный князь.

— Всего лишь половину? — засмеялся Корнил Шахов, уплетавший вторую порцию ухи. — Тогда уважаемому князю очень повезло, что Юрьевы не требуют с него всю сумму.

— Скажи своему слуге, государь, — Харитон не отрываясь глядел на Петра, — что я пришёл говорить с тобой и мнение безродных выскочек меня нисколько не интересует.

— Помолчи, Корнил, — Пётр был вынужден осадить зарвавшегося воеводу.

— Спасибо. Так что государь ответит на мою просьбу?

Пётр молча стучал пальцами по столу. Что тут можно ответить? По мирному договору дела, относящиеся к Солоплажу решались победившими предельными князьями самостоятельно, без какого-либо вельможа державной власти. И теперь Хотен Юрьев решил поправить свой денежный достаток за счёт юного Волкова. Странно, что только сейчас такая светлая мысль посетила ум князя Юрьева. Пётр отвёл в сторону Егора Михайлова и дал

ему распоряжение. Спустя около половины часа главный телохранитель вернулся с отличным мечом, снабжённым богато украшенными ножнами. Пётр протянул меч Харитону Волкову.

— Бери, князь. Другой справедливости я тебе предложить не могу.

— Спасибо, государь. Я тебя понял, — ответил Харитон, принимая подарок.

Корнил Шахов как всегда бесцеремонно прошёл на женскую половину резиденции. Вера Строгова, жена державного князя, держала на руках свою годовалую дочь. Рядом с ней сидела Агата Михайлова, у ног которой дул в глиняную свиристелку её двухлетний сын Василий. Вошедший Шахов прервал их разговор. Красивую всё-таки жену себе раздобыл этот Михайлов! Если бы она была свободна, стоило обольстить именно её. Поначалу Корнил так и пробовал сделать, но Агата категорически отвергла все его поползновения. Потом воевода сообразил, что проще и выгоднее будет сделать своей любовницей вдову Лютогоста Элли. Та довольно быстро поддалась на его ухаживания, но вот выходить замуж за начальника Старшей дружины пока отказывалась, объясняя это тем, что нет доподлинных свидетельств о гибели её мужа. Тем более, что ходили слухи, что он вовсе не погиб, а жив и воюет где-то на севере. Между тем, отношения Элли с Корнилом продолжались и были очень прочными. Два года назад она родила от него дочку и сейчас у Элли появились подозрения о новой беременности. Вера Строгова недовольно поглядела на вошедшего.

— Посторонний мужчина должен испрашивать разрешения у хозяйки, прежде чем проходить на женскую половину.

— Ну я не такой уж и посторонний, госпожа, — Корнил как всегда вёл себя нагло и слегка вызывающе. — А где Элли?

— Я здесь, милый, — молодая женщина вышла к своему любовнику.

— Будьте добры не здесь! — категорически наказала Вера.

Корнил вышел со своей беззаконницей за двери женской половины. «Охальник», — услышал он за спиной голос Агаты. Прикрыв дверь, воевода обнял свою подругу за талию и припал устами к её губам. Элли позволила ему насладиться своим поцелуем и объятиями, но когда Корнил попытался залезть ей под платье, остановила его.

— Сдурел? Не здесь же!

— А где? Мы так давно не уединялись!

— Нечего всем выказывать наши отношения.

— Да кому всем? Все и так знают, сколько можно таиться? Все знают про нас с тобой и про нашу дочь. Мне надоело прятаться. Я сегодня же пойду к Петру и попрошу его одобрить наш брак.

— Опять ты за своё...

— Конечно, я же соскучился.

— Успокойся. Как мои сыновья? — Элли попыталась сменить тему разговора.

— Всё хорошо. Копьё они уже освоили, вот учу их меч держать. Они меня уважают. Они не будут против нашего брака.

— Посмотрим, — Элли как всегда отвечала уклончиво.

— В любом случае я соскучился и больше не хочу ждать.

— Я буду у тебя сегодня ночью, — Элли поцеловала Корнила и скрылась на женской половине.

Весеннее солнце, выползшее недавно из-за горизонта, ярко освещало верхушки елей, обступивших лесную полянку на которой они ночевали. Костерок погас ещё ночью и к утру перестал греть вовсе. Утренняя прохлада, усугублённая стывшим ветерком с Рустовеси, пробралась под одежду и стала неприятно ощупывать мышцы и кости. Миша Воробей проснулся и растёр глаза. Осмотрелся вокруг. Дубыня дрых сладким сном, подложив руки под голову и высунув язык. Жалко было его будить, но следовало собираться в путь. Миша толкнул мальчика ногой и тот нехотя пробудился.

Путники умылись в реке, смыв с лица остатки сна. Миша поглядел на проплывавшую вверх по течению купеческую ладью, судя по осадке, нагруженную припасами. «На Древгород пошла», — сказал Дубыня, грустно глядя вслед удалявшемуся кораблю. Миша зачерпнул в сложенные ладони речную воду и утолил жажду. Последние свои зачерствевшие сухари и запечённую в углях рыбу они съели ещё вчера утром. Поэтому холодный ком речной влаги растёкся по пустому желудку, заставив живот жалобно заурчать и забулькать.

— Пойдём, — сказал Миша поднимаясь.

— Долго ещё идти?

— Не очень. Может сегодня придём, может завтра.

— Поесть бы!

— Поесть всегда хорошо. А ещё лучше хорошо поесть, — Миша любил закручивать фразы подобным образом. Как ему думалось, это подчёркивало его отличие от не обученных грамоте простолудинов. — Пойдём!

Миша Воробей был внебрачным сыном одного из отпрысков Малого княжеского дома. Князь своего отцовства не признавал, но по достижении семилетнего возраста отправил незаконного сына в школу Мудрости при храме Сияя и Кипины, обучение в которой полностью оплатил. Время, проведённое в храмовом подворье теперь казалось ему самым счастливым в жизни. Не смотря на строгую дисциплину, за нарушение которой Мишу несколько раз жестоко пороли, оно вспоминалось теперь с тоской. В школе Мудрости обучали грамоте и интересным наукам, там были друзья, там он чувствовал себя нужным. В конце концов, там была крыша над головой и сытное пропитание.

Науки счёта плохо давались Мише. Больше ему нравились предметы вроде красноречия и истории, что аукнулось по окончании школы. Не имея родственных связей и высоких покровителей, пристроиться на хорошее место было очень трудно. Вернувшись в родной стан, он сунулся было к отцу, но тот предложил лишь помочь завербоваться в Железное войско Дома Волковых, что правили их пределом. Быть ратником Мише вовсе не хотелось. Тогда отец развёл руками и велел катиться на все четыре стороны.

И он покатился. Случайные заработки там и тут. Миша очень красиво говорил, умел писать сочинения, но ему не хватало усидчивости, необходимой для писаря и знания математики, нужной учётчику купеческих товаров. Один торговец так ему и сказал: «Чирикаешь ты, Миша, складно, как воробей. Но вот работник из тебя совсем негодный, так что порхай отсюда, пока я тебе клюв не сломал!» Пришлось опять катиться. Но с тех пор Миша взял себе прозвище «Воробей». С началом войны жить стало совсем тяжело. После поражения Всеслава Строгова громадные княжеские рати перестали бродить туда и сюда, но мир так и не наступил. Пришло время разбойных ватаг и небольших боевых групп, опустошавших земли похлеще прежнего. А он так и продолжал скитаться.

Несколько месяцев назад к нему прибился десятилетний Дубыня, сирота из разорённого войсками Юрьевых сельца на границах Гужвоземья. Миша был в Древгороде и неплохо заработал, подсобив одному купцу составить челобитную державному князю. По той челобитной купец решил свои проблемы и на радостях заплатил втрое выше оговоренной суммы. В тот же день Миша накормил побивавшегося в районе торгового мальчишка. Просто так, надо же хоть изредка делать добрые дела. С того дня Дубыня следовал за Мишей как хвост и уходить не желал, даже не взирая на угрозы. Впрочем, вместе было гораздо веселее. Дубыня намного лучше Миши умел ловить рыбу и охотиться. Стал помогать ему в работе с бумагами, когда таковая появлялась, носил их скромные пожитки.

Когда возможности подзаработать в Древгороде были исчерпаны, Миша решил пойти попытать счастья в остроге Яблочном, где обосновался бывший державный князь Всеслав Строгов. Почему нет? Говорили, что жизнь там весьма бурная. Зима закончилась, стало гораздо теплее. До Яблочного путь совсем простой — топай себе вдоль берега Рустовеси. Опять же, в реке рыба. Словом, не первый раз в жизни пускаться в путь, надеясь только на удачу.

Во второй половине дня, пройдя множество полей и лесов, они, наконец, увидели конечную точку своего путешествия. «Ух, вон оно!», — Дубыня едва не присел от удивления, указывая вперёд. Зрелище не поражало воображение чем-то невиданным, были крепости и города позначительнее Яблочного. Но острог был и вправду хорош. Новенькие деревянные стены, выкрашенные в зелёный цвет массивные ворота, знамёна державного Дома над башнями. На островках красовались укрепленные сторожевые вышки. На речном песке под стенами острога стояли купеческие ладьи. Невдалеке от стен был разбит военный лагерь. Ещё чуть поодаль располагалось торжище. «Ооооаааооо», — Дубыня никак не мог переварить увиденное, так и застынув с разинутым ртом.

— Ты чего, дурень? — Миша с трудом сдерживал смех. — Мы с тобой в Древгороде были, а он куда как больше. Да и покрупнее крепости нам попадались.

— Моооре... — с трудом придя в сознание прошептал мальчик.

До Миши дошло. Действительно, море! Он так увлёкся разглядыванием крепости, что совсем позабыл где она находится. Переведя взгляд от Яблочного, Миша тоже позволил себе полюбоваться зрелищем уходящей за край мира водной глади. И рекой, обращающей себя в неотъемлемую часть этой солёной стихии.

На следующий день им удалось заработать себе несколько пирожков, которыми угостил их алим за помощь в занесении новорожденных в родомогильную опись. Как понял Миша, жрец легко и сам мог это сделать, но ему сегодня было лень. А тут ещё так удачно подвернулся неожиданный помощник. Вообще Миша рассчитывал на полноценный завтрак в трапезной бейты, но алим лишь вынес оттуда четыре пирожка. Три Миша съел сам, один отдал Дубыне. На этом жрец распрощался с писарем, наотрез отказавшись дать странникам хотя бы временный приют и работу. Надо было думать о дальнейшем.

— Мишка... Воробей... Это ты? — неожиданно громкий окрик заставил Мишу вздрогнуть. Битый час они бродили по пристани, предлагая всем и каждому писарские услуги. Услуги никому не требовались.

— Ну... Я... — Неудачливый писарь оглянулся, ожидая увидеть какого-нибудь своего заимодавца или вообще сразу получить по морде. Вместо этого его сгребли дружеские объятия. — Яков?!

— Ха-ха-ха! Узнал? Узнал!!! А я гляжу, ты ходишь или не ты? Смотрю, вроде Миша

Воробей. Сынок твой? — Яков растрепал Дубыне волосы на макушке, отчего мальчик недовольно сморщился и сделал шаг назад.

— Да нет, подобрал бездомного. Помогает мне по мере сил.

— Я чернила смешиваю, перья точу и рыбу ловлю, — буркнул Дубыня, сверкнув глазами.

— О, как? Молодец! Писарем хочешь быть?

— Ратником.

— Дело тоже хорошее. Слушай, Воробей, а ты чего тут бродишь и как вообще оказался в здешних местах?

— Пришёл работу искать. Писарская доля...

— Да, такова наша писарская доля, — подтвердил Яков. — Мне повезло пока. К купцу устроился. Через час отплываем в Древгород, а оттуда в Густошумье двинем.

— Слушай, а меня твой купец не примет?

— Нет, — развёл руками Яков. — все места у него определены уже. Но слушай, так бросать тебя тоже не годится. Мы же и учились вместе, и даже служить довелось однажды... Как же тебе помочь?

— Дай денег в долг!

— Извини, здесь помочь никак не могу. Жалование купец только после продажи товара заплатит.

Миша с сомнением поглядел на монетницу друга, которая явно не пустовала. Яков заметил его взгляд, но быстро нашёлся.

— Мне жену с детьми содержать надо, так что прости.

— Может просто покормишь тогда в харчевне какой-нибудь? Помнишь, ты обещал меня угостить когда-то?

— Вот, придумал как помочь тебе! — Яков сделал вид, что не услышал вопроса. — Тут старший писарь в острожной управе друг мой хороший. Я сейчас тебя к нему отведу, он поможет.

«Нет!», — жёсткий, как треснувший по лбу камень, отказ заставил Мишу отшатнуться на шаг назад. Старший писарь, на вид лет тридцати пяти от роду, поглядел на просителя исподлобья и вновь повторил сказанное.

— Свободных мест в моей управе нет.

— Может ты мог бы что-то сделать Миша мой дру...

— Яков! — резко перебил писарь. — Ты знаешь нравы Всеслава. Господин не против если кого-то берут на службу по родственному или по дружбе. Если человек трудится как надо, то проблем нет. Но если человек невежествен и ленив, то его секут плетью и просто выгоняют. А вот того, кто привёл его наказывают образцово. Я полгода назад устроил сюда своего племянника. И он оказался совсем дремучий. Чуть канцелярию не загубил. Сам знаешь, Яков, как меня наказали.

— Как? — Миша не знал.

— Вот как! — писарь показал собеседникам левую руку, которую до того держал на боку, слегка за спиной. На руке отсутствовали мизинец и безымянный палец.

— О, боги! — Миша побледнел.

— В следующий раз мне отсекут те же пальцы на правой руке, а то и всю кисть. И кому нужен писарь безрукий? Вот твой друг трудяга? Почерк у него хороший? Может он без усталости расчёты производить целый день и в ведомости вносить без ошибок?

— Ну... У него талант есть, но другого рода. Почерк хороший, а вот к труду не особо пригоден, это правда. Правда, ты уж извини! — Яков повторил это попытавшемуся спорить Мише. — Но он умеет слова так закручивать, как мало кому дано! Может хронику написать или деяния славного человека.

— Да на кой кукиш мне его витийство сдалось? У меня тут по хозяйственному и ратному учёту работа кипит. Что мне с его хрониками и славными деяниями прикажешь делать? А хотя погоди, — писарь задумчиво отвёл глаза чуть в сторону, растирая щетину вокруг губ пальцами правой руки и шумно вдыхая воздух волосатыми ноздрями. — Может и получится чего. Пусть твой друг со мной идёт. Меня тут Всеслав давно расспрашивал...

Когда закончился утренний приём просителей, Всеслав Строгов выслушал доклады офицеров, отобедал с женой, детьми и особо приближёнными советниками, потом вновь занялся делами. Ближе к вечеру можно было немного отдохнуть. Ему сообщили, что его родной брат, Лютогост Строгов, должен прибыть с отрядом в самое ближайшее время. К встрече всё было готово, но бывший государь заново перепроверял ведомости о ратных пайках. Совершившие такое длительное путешествие воины не должны голодать.

Всеслав держал бумагу, стоя у раскрытого окна и пробегал её взглядом, когда в крошечном зале княжеского терема появились гости. Подняв глаза, Всеслав увидел вошедшего бойца личной охраны.

— Господин! С Вами желает поговорить старший писарь. Он привёл человека, который, по его словам, может быть очень полезен.

— Вот как? Это интересно, пускай войдёт.

С почтительным поклоном в терем вошёл старший писарь, приведший с собой какого-то парня лет двадцати пяти и мальчика лет десяти от роду. Писарь поклонился.

— Господин! Вы просили меня поискать человека, умеющего писать хроники. Вот этот добрый странник утверждает, что обладает нужными талантами.

— Славный государь, — Миша с поклоном вышел вперёд.

— Ну что ты такие крамольные вещи говоришь? Я уже четыре года как перестал быть державным князем, — поправил его Всеслав.

— Милостивый господин, — странник не растерялся, — позвольте представиться Вам. Я Миша Воробей, путешествующий писарь. А это мой подопечный, Дубыня. Он сирота. И я осмелился возложить на себя заботу об этом несчастном мальчике, ибо времена сейчас очень тяжёлые.

Пока Миша Воробей, используя самые витиеватые выражения, рассказывал о себе, Всеслав приглядывался к молодому человеку. Худощавого телосложения, в потрёпанной одежде. Мальчик, пришедший с ним был таким же. Судя по всему, оба давно не ели как следует и не мылись в бане. Всеслав, когда начал подготовку к продолжению войны, задумался о том, чтобы подобрать себе личного хрониста, дабы тот записывал предстоящие походы и сражения. Ему захотелось оставить книгу о своих деяниях, написанную очевидцем событий, а не на основе легенд и слухов, как это бывало обычно. Такой придворный летописец должен был обладать необходимыми талантами и желательно быть ничейным, дабы уменьшить угрозу доноса врагам о делах своего господина. Старший писарь несколько раз приводил соискателей, но их способности к сочинительству не устроили Всеслава. Этот чудаковатый бродячий писарь мог бы и подойти. Его следовало проверить.

Всеслав послал за своей женой.

Когда Миша Воробей закончил свой рассказ, в зал вошла женщина. Она не была красавицей, но и в привлекательности ей отказать было трудно. Тонкие черты лица, умный взгляд, красиво уложенные волосы. Судя по округлившемуся животу, она носила ребёнка. По тому как женщина приблизилась к Всеславу, стало понятно, что это его жена, Зима. Тот отдал супруге какие-то указания. Зима, согласно кивнув, удалилась.

«Ты и твой спутник наверняка голодны, — сказал Всеслав. — Я хочу угостить вас». Прислужники внесли небольшой стол, поставили на него каравай свежесдобитого хлеба, чашу с водой для Дубыни и пузатую кружку пива для Миши. Тот почувствовал как пол начал уплывать у него из-под ног. При виде такого угощения голова закружилась не на шутку, а рот наполнился слюной. Поблагодарив князя, Миша и Дубыня стали отрывать ароматные ещё тёплые куски и уплетать их за обе щеки. С лёгкой улыбкой Всеслав поглядывал на своих гостей. Когда Миша выпил своё пиво, князь лично подлил ему из кувшина ещё порцию.

Бродячего писаря серьёзно развезло от съеденного и выпитого. Теперь можно было устроить проверку. По указке Всеслава внесли ещё столик с листом бумаги, пером и чернильницей. «Ты говорил, что сочиняешь хорошо, — сказал князь, — у тебя четверть часа, чтобы описать события сегодняшнего дня в виде хроники». Миша был не в состоянии ничего выдумывать. Хлеб и пиво впитались в кровь, сейчас бы лечь и хорошенько выспаться. Он попытался возразить, но Всеслав указал на перо с бумагой и отвернулся к окну.

— А если я не успею за четверть часа?

— Полагаю, ты видел шесты с черепами и левую руку старшего писаря?

Шесты... Пять шестов с отрубленными головами, которые пустыми глазницами пялились в морскую даль. Их сложно было не заметить. И рука старшего писаря, лишённая за провинность двух пальцев. Миша Воробей уже пожалел, что заявился сюда, но начал сочинять. Пути назад уже не было. Двое стражников встали между ним и Всеславом, внимательно следя за действиями бродячего писаря. Как же быть? Все события сегодняшнего дня ему за четверть часа не расписать. Миша решил рискнуть, стал описывать складно и последовательно. Сколько успеет, столько и будет. Интересно, кто были те люди, чьи черепа сейчас висят на шестах, тоже хотели стать приближёнными к господину хронистами? Так... Не отвлекаться! Миша продолжал водить пером по бумаге.

«Всё, пришло время показать, что у тебя вышло», — голос Всеслава раздался как раз в тот момент, когда Миша перешёл к описанию общения со старшим писарем. Он бережно передал лист князю, стараясь не смазать свежие чернила. Всеслав принялся читать до половины исписанную бумагу. Воробей с ужасом следил как бегают по неровным строчкам зрачки грозного господина. Дубыня тоже напрягся. «Если что, выпрошу князя пощадить мальчишку, тот вовсе не виновен», — решил Миша.

— Годится! — неожиданно объявил Всеслав. — Беру тебя своим личным хронистом. Но для начала идите в баню вымойтесь и смените одежду. Нужно соответствовать новому положению.

— А... А...

— Что?

— А сколько будете платить? — Миша, оправившись от первого потрясения слегка осмелел.

— Для начала получите место за моим столом. А потом посмотрим как работать будешь.

О приближении ладей с отрядами Лютогоста, Всеслав был извещён заранее. Когда потрёпанные корабли были замечены со сторожевых башен на островках, дежурившие там бойцы выпустили подожжённую стрелу. На фоне яркого солнца она бледно описала небольшой круг и плюхнулась в воду. Через какое-то время показались ладьи. Ровные шеренги четырёхтысячной армии Всеслава, выстроились на берегу Рустовеси. Лютогост залюбовался этим зрелищем.

Всеслав первым сделал шаг вперёд, когда увидел спустившегося на песчаный берег Лютогоста. Братья крепко обнялись. Четыре года они не виделись друг с другом. С того самого дня как державное войско было разгромлено на полях Дворцовой управы, прозванными впоследствии Багровыми. Лютогост вёл войну на севере Рустовесской земли, а брат его укреплялся на юге. Лишь при помощи бывшего офицера Тайной стражи Трифона Кривина удалось наладить обмен зашифрованными посланиями. Так братья почти два года согласовывали свои действия. Но теперь пришло время объединить силы.

Всеслав показал Лютогосту своё воинство. Единообразно вооружённую пехоту и конницу, стрелецкие сотни. Отдельным отрядом была Гвардия Единобога, набранная из уроженцев заморских стран. Служили в ней только элаиты, поклявшиеся не складывать оружия пока над всем миром не утвердится власть Единобога. Здесь их чаще называли Заморской Гвардией. Лютогосту понравились эти суровые бойцы. «Подарок южного императора, — пояснил брату Всеслав. — Если займём Древгород, он ещё пришлёт не менее трёх тысяч».

Зима с немногочисленной свитой своих воспитанниц встречала гостей в самом остроге. С ней были дети — шестилетний сын Красимир и трёхлетняя дочь Ружана. Живот Зимы говорил о том, что скоро у Всеслава появится ещё ребёнок. Невестка приятно удивила Лютогоста. Вместо растерянной девушки, только учившейся быть главной на женской половине, коей Зима была раньше, сейчас перед ним была властная женщина, чьё слово было законом для воспитанниц. Наверняка в её ведении находится и часть хозяйственных вопросов, например по кухне. При том Зима сохранила и даже приумножила свою привлекательность.

Располагаясь в остроге, где прямо на улице выставили длинные столы, Лютогост заметил молодого человека, который ходил за Всеславом и делал какие-то пометки на смазанных воском дощечках. «Мой личный хронист», — пояснил брат. Был и другой, который тоже шатался за Всеславом будто собачка. Парень невысокого роста, светлые волосы его, аккуратно подстриженные, тем не менее торчали в разные стороны. По-детски наивное лицо дополнялось парой совершенно безразличных голубых глаз. Рот его был всё время приоткрыт, из-за чего оттуда периодически капали слюни. Станный молодой человек нервно потирал ручки.

— Это ещё кто? — поинтересовался Лютогост.

— А, это? Это Дрочка, пыточных дел мастер. Дрочка, подбери слюни, — сказал Всеслав и парень немедленно сделал как было велено. — Нет такого секрета, который бы он не узнал. Уже проверено.

— И сколько же ты платишь такому мастеру?

— Дело в том, что деньги ему совершенно неинтересны. Я предлагал ему жалование, а он ответил, что любит пироги с грибами. Кстати, ему нравится выпечка моей жены.

— То есть служит тебе за еду? — улыбнулся Лютогост.

— Выходит так.

— Дрочка, — обратился Лютогост к мастеру боли, — ты женат, дети у тебя есть?

Парень на некоторое время застыл, словно повторяя в уме услышанное. Затем слегка дёрнул головой, неподвижные голубые глаза его закрутились в разные стороны и он, будто с усилием вытягивая из себя каждое слово, заговорил:

— Нет. Нет, — голос его был тихим и при этом как-то странно шипел, словно лодка шуршала дном по речному песку, — заводить отношения с женщиной очень рискованно. Когда ты с ней сходишься, в тебе заводятся души твоих потомков. А потом она уходит. И тогда души не могут обрести жизнь, они начинают медленно умирать. Гниют прямо внутри, отравляя твоё сознание. Их агония всегда причиняет самую тяжкую боль. Но твоя боль ничто по сравнению с их страданиями. Потому что ты живой, а они тонут во тьме, так и не получив шанса увидеть свет...

— Так не расходитесь, живите себе вместе и рожайте детей.

— Душ много, — развёл руками Дрочка, — а женщина одна. Женщина столько всё равно не родит. Женщины столько не рожают.

— Ужас, — сказал Лютогост Всеславу. — Ну и помощники у тебя.

— Дело своё он знает. А что там у него в голове творится, не так важно. Ладно, все дела завтра обсудим, сейчас пируем и отдыхаем.

— Скажи общо хоть, что намечается?

— Общо если, то будем возвращать то, что потеряли. Время пришло. Пётр слаб, мы укрепились. Он почти готов начать против меня войну. Это для него единственный выход. Попытаемся казну вернуть.

— Пустая древгородская сокровищница? — припомнил Лютогост не раз слышанные им байки. — А она у тебя?

— У меня, но не здесь. В надёжном месте припрятана. В целости и сохранности.

— Так ты её не тратил?

— Нет. Место тут удобное, земли тучные, воды рыбные. Сумел на здешних источниках деньгу сколотить. Но Пётр этого не знает. Я слух пустил, что деньги у меня. К тому же с купцов теперь в наглую пошлину беру, нашему брату не остаётся. А купцы ещё слухи распускают, что я войско поднимать буду и власть возвращать. Он ударит вскоре. Главное, чтобы ему первому начать.

— Понятно... Вот! Совсем забыл. У нас перед самым отплытием сеча вышла. С самим Чернеком Озеровым. Пытался он нас к берегу Мицальты прижать и вырезать, но не вышло у него. Так я его лично раскромсал. Это ведь хорошо?

— Насмерть?

— Не знаю, — признался Лютогост. — Может и жив, но уж точно скоро не очухается.

— Хорошая весть. Чернек Озеров очень опасный враг. Нам бы его ранение очень сильно помогло. Ладно, пойдём к столам, о делах завтра!

Глава 2 Сыновнее послушание

Раны очень сильно болели и, не смотря на обилие лекарств со снадобьями, заживали с трудом. В пятьдесят семь лет тело воина уже не то, что в двадцать. Вновь и вновь Чернек Озеров убеждался в этой простой истине на своём собственном опыте. В молодости, если уж и достанет тебя враг, то раны затянутся как лужи, застигнутые внезапным морозом. А теперь? Теперь всё не так. Лежишь и от боли не можешь сомкнуть глаз. И шевелитьсяшний раз боязно. Разойдутся швы и потечёт кровь. Желтоватое пламя свечи стало раздражать. Осторожно набрав в лёгкие воздух, предельный князь Суломатья выпустил его тонкой струёй в сторону источника света. Язычок огня жалобно трепыхнулся и исчез, оставив после себя красный уголёк, окутанный нитями белого дыма. Мгновение спустя уголёк погас, а дым развеялся. Комната утонула во мраке, который дал успокоение начавшей болеть голове.

Покойный Лесьяр Строгов мог бы гордиться своим вторым сыном, Лютогостом. Упорный свирепый воин, мастер рукопашных схваток. Четыре года после поражения державной власти он вёл свою собственную войну, оставаясь неуязвимым для врагов. Сколько ратников Юрьевых, Озеровых и Булатовых полегло по вине его отряда? Сейчас и не считаешь. Наверное, тысячи. Чернек был готов поклясться, что именно Лютогост прорвался к нему в последней битве и нанёс эти ужасные раны. Лишь воля богов и вовремя подоспевшие охранники спасли пожилого князя от смерти. Лесьяр Строгов мог бы гордиться своим сыном. Как так вышло, что Чернек едва не скрестил мечи со своим другом и господином, а потом насмерть рубился с его сыновьями? Ведь всё могло быть иначе, если бы не воля богов.

Чернек осторожно повернулся на левый бок и взял с подноса деревянную чашу, наполненную водой. Очень хотелось пить. В любой войне есть свои преимущества, особенно если ты победитель. Разбив Всеслава Строгова, Чернек стал единовластным хозяином собственных земель. Теперь только он волен решать как ему владеть своим государством и никто не посмеет отобрать у предельного князя этого права. Самое главное примирить сыновей. Единственным и безоговорочным наследником Чернека был его старший сын Волк. Предельный князь много раз подтверждал свою волю и никому не позволял в ней сомневаться. Но младшие сыновья, Прохор и Орёл не хотели признавать воли отца. Чтобы не вышло ссор и споров, Чернек держал их рядом с собой в Старогулье, пока Волк водил отряды на войны, собирал налоги и управлял землями, набираясь необходимого опыта. Завтра Волк приедет со своей женой в столицу предела и Чернек соберёт сыновей, чтобы раз и навсегда поставить точку в опасных ссорах, грозящих перечеркнуть все достигнутые победы.

Князь смотрел в тишине как в приоткрытые ставни лезет серебряное лунное сияние. Примирить сыновей, вот что сейчас важно. Как так получилось, что дети Лесьяра держатся друг за друга, а его сыновья выказывают друг другу неуважение даже в присутствии отца? Впрочем, ладно. Он в своей жизни управился со множеством неурядиц. И с этой уж как-нибудь совладеет. Всё же родные сыновья, родная кровь. Чернек осторожно поднялся с постели и, придерживая рукой повязки на теле, подошёл к окну. Воздух на улице отдавал прохладной свежестью. Голова закружилась. «Ладно, — решил князь, — надо попытаться уснуть».

Разговор с сыновьями пошёл совсем не так как хотелось Чернеку. Предельный князь замышлял спокойно изложить им всю опасность раздоров, подвести к мысли о необходимости сохранения мира и единства в семье. Но Прохор с Орлом никак не хотели разделять тревог отца, твёрдо встав на своём. Чернек Озеров не ожидал такого единения своих младших сыновей. Очевиден был их сговор против старшего брата, которого они никак не хотели признавать своим господином. Неясно было лишь то, насколько серьёзной поддержкой смогли заручиться младшие братья в войске и стражах. Выяснить это сейчас было невозможно, поэтому Чернек терпеливо продолжал объяснять сыновьям какие угрозы несёт раздор Дому Озеровых. Прохор и Орёл на уговоры поддавались слабо. Братья считали державную власть окончательно поверженной, а потому не представляющей серьёзной опасности. Суломатье располагалось в глубине рустовесских земель и посему иноземное вторжение Прохора и Орла не страшило вовсе. Они просили отца разделить предел между тремя братьями. Вместо одного наследника, назначить трёх.

Волк вошёл в опочивальню к отцу, ведя под руку свою жену Валеску. Первая супруга Волка оказалась бесплодной и Чернек Озеров устроил их развод. Вместо неё предельный князь подыскал сыну более молодую супругу, которая полностью оправдала возложенные на неё надежды, родив владыке Старогуля внука и внучку. Валеска не отличалась излишней горячностью, всегда пряча своё подлинное настроение за строгим выражением лица. Но при том молодая женщина обладала привлекательностью, заставлявшей мужчин задерживать взгляд на правильных линиях её стройного тела. Сидевший в кресле Чернек Озеров, беседовавший со своими младшими сыновьями, первый заметил вошедших и сделал им знак рукой.

— Отец, — заговорил Волк, — мы только что прибыли и сразу пришли к тебе.

— Мой господин, — Валеска сделала изящный поклон.

— А где мои внуки? — поинтересовался Чернек.

— Я оставил их в остроге, ниже по течению реки Самал.

— Понятно, — Чернек насторожился, когда заметил, как услышав название острога, Прохор с Орлом странно переглянулись. — Валеска, ступай. У меня с сыновьями важный разговор. Женщинам при нём не место.

— Да, отец, — Валеска с поклоном удалилась.

Когда дверь комнаты закрылась, Чернек обвёл рукой своих сыновей. «Вы так долго не виделись, — сказал он, — порауйте меня, поприветствуйте друг друга». Братья неохотно обнялись, больше ради удовольствия отца, нежели по собственной воле.

— Привыкайте чтить старшего брата как меня. Ибо он мой единственный наследник.

— Отец, — заговорил Орёл, — давай отложим этот разговор на другое время. К чему это всё? Ты ведь жив, идёшь на поправку. Обговорим все условия в другой раз.

— Нет! — выкрикнул Чернек. — Мы всё решим здесь и сейчас. Раз и навсегда. И больше никогда не будем возвращаться к вашим глупым препирательствам, — предельный князь решил давить до конца. Иногда такое упорство приносило ему желанную победу, иногда толкало в пучину поражения. Но поделаться с собой он ничего не мог. Таков уж был характер Чернека Озерова.

— Хорошо, — голос Прохора был так же решителен. Чернек забыл, что сыновья унаследовали его характер. — Давай решим здесь и сейчас. Мы с Орлом требуем, чтобы ты назначил трёх наследников своих земель. Раздели Суломатье между нами тремя. Ты ведь

можешь. Кто тебе запретит? Ты победил державную власть и никто более не волен указывать тебе как распоряжаться своими землями. Объяви трёх наследников.

— Нет! Не за тем я всю жизнь воевал, всю жизнь защищал нашу страну и наш Дом, чтобы мои дети развалили итог всех моих стараний. Власть над Суломатьем унаследует Волк по праву старшего. Таков древний порядок.

— Да, таков древний порядок, — поддержал отца Волк.

— Не забывай, брат, — заговорил Орёл, — что по древним порядкам ты должен назначить братьям хороший оклад и дать им под командование какую-то часть войска. А что ты дашь нам? Казна пуста, войско уменьшилось. Мы сыновья предельного князя, а ты предложишь нам должности полковников? Денег мало, крестьяне разорены, а нам тоже нужно кормить наши семьи.

— Такова участь всех младших сыновей. Нельзя дробить земли, мы тут же станем лёгкой добычей для любого соседа.

— Какого соседа, отец? Внешние границы далеко, а Юрьевы и Булатовы нам вполне дружелюбны.

— Сейчас дружелюбны, а что будет через год или через десять?

— И всё же мы требуем разделить наследство на троих, — Прохор и не думал уступать, хотя при желании его отказ можно было посчитать мятежом и отправить на плаху. Может так и следует сделать?

— Нет! — Чернек решил заставить младших сыновей смириться с его решением. — Вы смирийте свою алчность и немедленно поклянитесь мне признать Волка вашим господином.

Предельный князь вскочил с кресла и вцепился в ворот кафтана Прохора. Голова закружилась, но он устоял на ногах. «Вы признаете Волка своим князем и прекратите раздоры! — кричал Чернек. — Вам всё понятно? Вам ясна моя воля?! Я волен приказывать и таков мой вам приказ!» Ярость предельного князя придала ему сил. Он легко тряс за шиворот молодого крепкого Прохора и оттолкнул Волка с Орлом, которые пытались его успокоить. Вот он, напор, который всегда ошеломлял его врагов и приводил к покорности подданных. Сыновьям придётся принять волю своего отца. Но почему так кружится голова и вдруг резко пошла на убыль силы из мышц? Чернек стал сползать на пол. Рубашка пропиталась чем-то тёплым и липким, кафтан Прохора и его руки были испачканы кровью.

— Отец, успокойся! У тебя разошлись раны.

— Что?

Чернек Озеров перестал кричать и наконец обратил на себя внимание. Знакомые ощущения. Боль разорванной плоти и обильно текущая из ран кровь. Смерть. Это пришла смерть, столько раз касавшаяся князя своими когтистыми лапами на поле сражения, теперь решила прибрать его в безопасной опочивальне. А он ещё думал, что его друг Лесьяр Строгов умер глупо! Судя по липкой красной луже, расплывшейся на полу, лекарь ему уже не поможет... «Клянитесь! — Чернек из последних сил сгрёб своих сыновей в охапку. — Я умираю. Клянитесь на моей крови, что будете верно служить старшему брату как служили мне. А ты, Волк, клянись быть честным господином своим братьям». «Но отец, давай не сей...», — попытался возразить Орёл. Но Прохор немедленно одёрнул брата. Тот больше не возражал. Братья поклялись выполнить волю своего отца. Спустя несколько минут, Чернек умер. Прибежавший лекарь ничем не смог ему помочь.

Ратники Старшей дружины, Железного войска и Поместной стражи застыли с копьями в руках в двух десятках шагов от погребальной ямы. Но на лицах бойцов не было привычного грозного выражения и готовности выполнить любое приказание. В глазах их скорее читалась растерянность. Многие испытывали искреннюю скорбь. Позади воинов толпились горожане. Ими владели те же чувства скорби, растерянности и неопределённости.

Есть привычный уклад жизни, который состоит из множества больших и малых вещей. И без них сложно представить себе завтрашний день. Когда умирает князь, правивший в твоих землях тридцать семь лет, невольно теряются даже самые крепкие и уверенные в себе люди. Что уж говорить о простонародье. Богатые и знатные, простые и бедные — все как один сняли шапки. Их жёны закутались в траурные платья. Что же будет дальше с многострадальными землями Суломатъя, лишившимися своего отца и кормильца?

Сыновья покойного предельного князя подошли к деревянному настилу с факелами в руках. После молитв, произнесённых мудрейшим Селиваном, они запалили костёр с трёх сторон. Пламя сначала нехотя перешло на щепки и ветви, потом разгорелось как следует. Вскоре запылали дрова и огонь, взбираясь выше, окутал тело предельного князя. Улада, вдова покойного, прикрыла рот ладонью и зарыдала в голос. Сделала шаг к костру, но сын, Прохор, остановил убитую горем мать.

Волк Озеров смотрел как плакала его мать на фоне погребального костра, в котором сгорало тело отца. Как вздрагивали её плечи, когда она пыталась успокоиться. Отец был одним из величайших князей их Дома. Человек, поставивший на колени державную власть, вернул в Рустовесские земли благую веру. Но победа в течение короткого времени принесла и другие плоды. Крестьяне, ремесленники и купцы разорялись, налоговые сборы неумолимо падали. Ратные и Малые Дома, понесшие огромные потери в войне, не могли отправить на службу необходимого числа воинов. Множество разбойных банд промышляло грабежами на реках и дорогах. Племенной союз приплавтов стал в открытую высказывать неповиновение. Излишнюю самостоятельность обрёл храм Юма и Живы. Ко всему этому добавились пограничные споры с Домом Булатовых. И всё это придётся решать ему, Волку. Хорошо хоть Орёл и Прохор смирили свою гордыню и по воле отца подчинились старшему брату. Каждому из них он дал поручение, которое те безропотно приняли и обещали исполнить. Уедут они завтра же. Осталось дожидаться, когда в Старогулье подойдут верные Волку отряды. Дня четыре, не больше того.

Когда мудрейший Селиван отвёл вдову от костра и отвлек её разговорами, Прохор с Орлом смогли переговорить. Огонь горел уже не так ярко, но жар давал очень сильный. Прогоревший настил с телом отца провалился в яму. Нужно подождать ещё немного и можно будет закидать могилу землёй.

— Похоже, наш брат успокоился, — еле слышно произнёс Прохор, стирая со лба пот тыльной стороной ладони.

— Да, — подтвердил Орёл, — свыкается с мыслью о том, что он теперь предельный князь. Ты узнал, каким путём идут его отряды?

— Через три дня будут проходить Орешкин овраг.

— Ого! — присвистнул Орёл. — Тот самый Орешкин овраг в котором мудрейший Вейкко...

— Да, да. Тот самый. В общем, выказываем всяческое почтение и готовимся. Если Волк не хочет делить Суломатъя на три части, то мы поделим его на две.

В резиденции предельного князя в Старогулье стало довольно пусто. Вдова Чернека Озерова уехала молиться пресветлым богам в храм Юма и Живы. Братья Волка, взяв с собой верные отряды, отправились выполнять поручения старшего брата. Решив вопросы, связанные с похоронами отца, Волк решил немного расслабиться. Через пару дней должны будут подойти верные ему войска и можно будет братья за дело. Офицеры воинских отрядов выказывали новому князю чрезмерное почтение, чем слегка настораживали. Но ничего, часть из них он заменит на своих доверенных людей. Главное, что братья поклялись ему в верности. А братьям он решил доверять. Они поклялись ему в верности над кровью умирающего отца. Семья крепка своим единством. Вот Строговы не смогли сохранить единство и проиграли войну. Но да леший с ними, со Строговыми. Эту ночь Волк Озеров решил полностью посвятить своей жене.

Валеска лежала на спине, густые мягкие волосы её были раскиданы веером по измятым подушкам и покрывалам. Правую ногу она вытянула прямо вдоль ложа и повернула чуть в сторону. Левую ногу жены, поднятую вверх, придерживал за бедро и колено Волк, нависая над ней и делая резкие отрывистые движения. Каждый раз, когда он входил в неё, женщина отзывалась сладостным стоном. Вообще, удовольствие жены мало заботило новоиспечённого предельного князя. В постели он всегда утолял только своё собственное любострастие. Но Валеска подыгрывала мужу, как и подобало поступать прилежной супруге. Вот и сейчас, отзываясь на грубые ласки Волка стонами удовольствия, Валеска думала о своём. Она соскучилась по сыну и дочери и не могла дождаться, когда они приедут. По словам мужа, дня через два-три она сможет обнять детей. Их привезёт отряд верных Волку ратников. Скорее бы пролетели эти дни! За размышлениями о детях Валеска прислушалась к звукам с улицы. Либо ей показалось, либо там действительно творилось что-то подозрительное. Женское чутьё заставило её насторожиться. Прислушаться бы получше, но это вряд ли возможно, пока опочивальня переполняется звуками их совокупления. Упросить мужа прерваться? Такое ему точно не понравится. Волк сделал слишком маленькую передышку после предыдущего соития и теперь никак не мог закончить начатое. Ощущение опасности становилась всё более явственным. Жена полнее принялась помогать мужу, подбадривая его ещё более страстными стонами. Наконец, Валеска почувствовала, что Волк наполнил её своим семенем и удовлетворился. Отдышавшись, она прислушалась снова. Кроме сопения разлётшегося рядом мужа никаких звуков не было. Показалось. Наверное, показалось. Но теперь она ощутила как напрягся её князь. Такое случалось лишь в минуту опасности.

Ничего понять Валеска не успела. Дверь в опочивальню с треском вылетела от чьего-то мощного удара. За секунду до этого, грубым резким движением руки, муж столкнул её с ложа. С визгом Валеска свалилась на пол и, дважды перевернувшись, откатилась к стенке. Волк скатился на другую сторону. Мгновение спустя, в то самое место где они только что лежали, вонзился дротик. Нападавшие ворвались в опочивальню, слегка оглушённые криком испуганной женщины. Один бросился на мужа, другой на неё. Лязг металла и ни с чем не сравнимый звук разрубаемой плоти, дополненный сдавленным хрипом. Склонившийся над Валеской бандит оглянулся. Лязг металла и звуки повторились. Упавшее тело открыло ей совершенно голого супруга с окровавленным мечом в руках. Он успел выхватить меч, успел!

«Бежим отсюда, меня предали! — Волк одёрнул супругу, неосознанно потянувшуюся к своим платьям. — Некогда! Прикройся вот». В руках Валески оказалась измятая простыня,

мокрая оттого, что они пол ночи щедро орошали её своим потом. Волк выхватил из крепления масляный светильник и бросил его в угол комнаты, поближе к окну и свежему воздуху. Густо разлившееся огненной лужицей масло принялось нехотя лизать светящимися язычками деревянную стену.

Волк потянул жену за руку. Второй рукой она пыталась обернуться в простыню, чтобы прикрыть наготу. В коридорах резиденции они столкнулись ещё с двумя бойцами, которых Волк также сумел зарубить, так как заметил их первым и напал неожиданно. Больше никого не было. Поместная стража, охранявшая резиденцию исчезла вместе с прислужниками, что указывало на заговор и предательство. Верных людей у Волка здесь было только десять человек. Где они? Наверняка все убиты. Супруги вышли на крыльцо. В лунном свете Волк углядел группу вооружённых людей. Человек семь. Многовато для него одного. Как быть? Волк сорвал с Валески простынь. Та попыталась возразить, но он прижал к её губам указательный палец, после чего тем же пальцем ткнул в направлении двигавшихся по двору людей. Те пока не шли куда-то конкретно, а просто чуть слышно переговаривались, возможно обсуждая свои дальнейшие действия. Валеска всё поняла и замолчала. «Встань прямо на крыльце, я буду рядом», — Волк указал мечом в черноту у лестницы. Ободряюще чмокнул жену в губы. Вернее хотел в губы, но задел ещё и нос. Пригнувшись, Волк юркнул в темноту. Остаётся только молить богов, чтобы жена поняла всё правильно и ей хватило храбрости выполнить то, что он задумал.

Указание было простым — убить нового предельного князя и его жену. Помочь тем было некому, верный Волку отряд попал в засаду и был полностью истреблён. Как и пообещали Прохор с Орлом, резиденция оказалась пуста. Поместная стража покинула её загодя. Бойцы медленно шли по двору, оглядываясь по сторонам. Было тихо, вроде бы никто не пытался бежать. Хотя совсем недавно они отчётливо слышали шум драки. Сейчас над княжескими хоромами стал заметно подниматься дым, подсвеченный огнём, пока ещё слабым. Пожар? Идущий впереди всех боец встал как вкопанный, остальные наткнулись на него, отдавив тому пятки. «Ты чего?» Тот лишь молча указал на крыльцо. Посмотревшие в указанном направлении ратники тоже озадаченно открыли рты, убрав сабли и мечи в ножны. На ступеньках, хорошо различимая в ночной темноте, стояла молодая статная женщина... Совершенно голая. Нисколько не смущаясь, она ровно держала спину, отчего её круглые белые груди казались ещё более манящими и привлекательными. Одну ногу женщина поставила на ступень выше другой, подчёркивая тем самым её стройность и непристойно открывая места наибольшего мужского вожделения. Левую руку она держала на поясе, а правой изящно поправляла распущенные волосы.

— Храбрые воины что-то хотят? — Валеска придала голосу нарочито сладострастный тон.

— Э... — единственно что смогли выдавить из себя переглянувшиеся воины.

В это мгновение из темноты отделилась тень, вихрем набросившись на стоявших в оцепенении бойцов. Не давая врагу опомниться, Волк принялся яростно орудовать мечом. Один упал на землю так и не поняв, что случилось. Другой с перерубленным горлом повалился следом. Ещё один согнулся пополам, получив колющий в живот. На этом успехи закончились. Оставшиеся четверо выхватили своё оружие и приняли бой. Ещё плохо соображали от неожиданности, но уже дрались, убегать никто не думал. Это плохо. У них оружие, снаряжение и численное преимущество, а Волк был один и совершенно голый. Но выбора нет, на кону его собственная жизнь, жизнь его жены и детей. Ещё один выбыл,

получив рану. Но оставшиеся трое уже наседали, действуя сообща. Похоже, это конец. «Господин, это вы?» — Волк узнал голос своих воинов. Трое его бойцов подоспели как раз вовремя. Вместе они быстро убили ещё двух, а оставшийся убежал.

— Вы целы? — ратник с удивлением оглядел нагого князя.

— Це... Уффф... Цел, да, — Волк старался отдышаться. — Хорошо, что вы подоспели. Иначе мне бы конец. Что происходит?

— Стража и прислужники просто взяли и ушли среди ночи. На нас напали тайком. Только мы трое уцелели. Хотели бежать, спрятались. Простите, господин, мы думали вас уже убили... Поэтому... Простите.

— Ладно. Где вы спрятались?

— На конюшне. Там осталось несколько лошадей.

— Значит туда! Нужно найти мой отряд.

— Господин, мы подслушали разговор. Ваш отряд уничтожен полностью.

— Что?! — Волк лихорадочно соображал. Отряд уничтожен. С отрядом ехали его дети, значит... — Про это пока ни слова! Моя жена пока не должна ничего знать, — шёпотом добавил Волк на ухо ратнику. Тот понимающе кивнул.

Дойти до конюшни они не успели. В открытые северные ворота резиденции шумно вошла большая группа вооружённых людей. Беглецы кинулись к другим воротам, схоронившись в темноте у стены казармы. В одной руке Волк держал меч, в другой ладонь Валески, уже успевшей вновь закутаться в простынку. Над княжескими хоромами уже поднималось пламя пожара. Ещё чуть-чуть и его всполохи будут освещать всю резиденцию и половину окрестных улиц.

Предельный князь со своими спутниками успели улизнуть в приоткрытые ворота. Но кто-то, судя по голосу, это был Прохор, успел заметить их. На приказание преследовать никто особо не отозвался, ратники принялись тушить пожар. Несколько мгновений спустя, Прохор с Орлом вбежали на стену резиденции. Им не составило труда признать убегающего голышом старшего брата и его жену, завёрнутую в ткань. Тем более, что зарево пожара становилось всё ярче.

— Катись к Мрозу, брат! — крикнул Прохор. — Суломатье наше! Это тебе от меня!

— Ты больше не князь! — добавил Орёл. — А это от меня подарок!

Каждый из братьев, с силой размахнувшись, метнул что-то со стены. Не далеко от Волка в пыль шлёпнулись два округлых предмета. Головы. Детские. Девочка и мальчик. Сопоставить одно с другим было не сложно. Братья уничтожили его отряд, захватили и убили его детей, своих собственных племянников. Валеска вздрогнула и сделала шаг к предметам. «Что это?» — спросила она. Не разглядела значит. Волк резко развернул жену в другую сторону, пока она не признала в страшных подарках головы своих детей. «Ничего, бежим!»

Улицы уже наполнялись растревоженными пожаром горожанами. Это позволило беглецам оторваться от преследования. Оставалось раздобыть лошадей и покинуть город.

— У стражников, которые сторожат Юго-Западные городские ворота, всегда есть осёдланные кони. Кстати, мы совсем близко. Тут за углом, — как бы невзначай заметил один из телохранителей Волка.

— Это очень хорошо. Только там целый отряд стоит. Как быть? — свергнутый князь задумался. Он так и продолжал бегать по городу нагим, распугивая своим видом попадавших на их пути жителей, не признававших в этом забрызганном кровью голом

человеке с мечом сына великого Чернека Озера.

— Как быть? — повторила за мужем Валеска. — Так и будем! — молодая женщина сняла с себя простыню, немало удивив своим оголением мужа и особенно его телохранителей.

— Ты уверена? — уточнил Волк.

— Чем на меня глазеть, лучше к драке готовьтесь, — Валеска без излишнего смущения пошла к воротам. Волк и его люди приготовились.

Скучающие на своём посту стражники всегда мечтают как-нибудь повеселить себя. Разное сгодится: разговор интересный, случай какой примечательный, на людей посмотреть. Увидеть же красивую женщину рады все, не только стражники. Но если эта женщина ещё и голая... Такое слишком невероятно, чтобы позволить себе надеяться. Лицемерие обнажённой Валески не долго радовало глаз незадачливых стражников. Между её появлением и их смертью прошло совсем мало времени. В ту ночь встреча с нагой женщиной на улицах Старогуля неминуемо предвещала гибель. Что в последствии породило множество слухов про блуждающую в ночи красавицу, отнимавшую жизнь у любого, кому не посчастливится её увидеть.

Все восемь стражников были убиты. В схватке с ними погиб один из телохранителей Волка. Быстро захватив коней и одежду, князь со своей женой и двумя уцелевшими бойцами поспешили убраться из предельного города. Коня было три, поэтому Валеска уселась сзади своего мужа. Из-за двойной нагрузки их конь скакал медленнее. Как только стражник в башне над воротами понял, что нападавшие убегают и не будут пытаться его убить, он протрубил в сигнальный рог. После чего стал пускать вдогонку стрелы. Не очень удачно, все они падали мимо. Лишь однажды Волку показалось, что стрела летела прямо в них с женой, но он ошибся. Валеска лишь крепче охватила мужа.

Удостоверившись, что преследования нет, Волк приказал скакать помедленнее. Сейчас надо отъехать с дороги и хоть что-то на себя надеть. Где-то здесь должен быть лесной ручеёк, Волк помнил о нём. А жена приятно удивила князя. Он не ожидал от хрупкой женщины такой выдержки, храбрости и сообразительности. Надо подготовить её к вести о гибели детей. Ничего, он соберёт войско, найдёт союзников. Всё будет хорошо. Они наживут новых детей. Вот, кстати, поворот к ручейку. Валеска навалилась грудью на спину Волка, повесила голову и почти не держалась.

— Держись крепче, любимая! — сказал ей Волк.

— Князь! — чуть отставший телохранитель со страхом окликнул своего господина. — Ваша жена...

Стрела пробила Валеске спину и вонзилась в сердце. Простыня, в которую она себя завернула, полностью пропиталась кровью. Женщина умерла мгновенно. Даже странно, как она удержалась в седле. Волк сломал стрелу, взял покойницу на руки, медленно положил её на сырую землю, а сам опустился рядом с ней на колени. Супружеское ложе, нападение, драка, бегство... Осознание произошедшего внезапно обрушилось на князя. Отец мёртв, его дети мертвы, его жена мертва. Братья предали князя, все его воины погибли. Он остался один. Как быть? Что делать теперь? Сырая прохлада, витавшая у лесного ручья, стала неприятно холодить кожу. Комары тучами слетелись на его разгорячённое тело. На Валеску никто из них не садился, тело женщины начало остывать. Болезненное ощущение необратимости случившегося смешалось с новым чувством: такое прощать нельзя. Он жестоко отомстит за убийство своей жены и детей, за свой позор. Нужны союзники. Но кто?

В самом Суломатье поддержки у Волка похоже нет. Юрьевым плевать, Видогост Булатов лишь злорадно посмеётся, когда узнает. Пётр Строгов искренне посочувствует, но ничем не поможет. Волковы из Солоплажа? Но это вообще смешно. Есть лишь один человек к которому Волк Озеров может обратиться и получить помощь в священном деле мести. Конечно, он запросит высокую цену за свою помощь, но это сейчас совершенно не важно. Волк поклялся могилой своего отца, кровью своих детей и своей жены, что отомстит чего бы это ему не стоило.

— Князь, — осторожно обратился к Волку телохранитель, — лучше убираться отсюда, скоро рассвет.

— Да, поедем, — Волк отошёл от жены и принялся одеваться. Захваченная у стражников одежда пришлась ему почти впору.

— А... Куда поедем?

— Отъедем подальше, похороним Валеску. Потом направлюсь к Всеславу Строгову. Попрошу его о справедливости. Он человек чести, он мне поможет.

Глава 3 Ответное нападение

В очередной раз за ночь насладившись телом своей любовницы, Корнил Шахов блаженно раскинулся на ложе, запрокинул голову и смотрел как на потолке плещутся отблески ленивого свечного огонька. Он очень любил в минуты отдыха, как сейчас, поразмышлять о своих делах. Покойный отец мог бы гордиться достижениями своего младшего сына. Ещё бы! Худородный Дом Шаховых за последний век так плотно перемешался с Ратными Домами и даже крестьянами, что в среде Малых княжеских Домов их уже редко воспринимали как равных. Братья Корнилы смирились с этим и записались в Младшую дружину Строговых, за службу в которой всадник получал во владение поместье. Корнил Шахов был вынужден поступить также. Но он был слишком честолюбив, чтобы смириться с вечной ролью рядового конника. Он понял, что бог даёт ему шанс, когда обезумевшие от крови ратники Видогоста Булатова принялись убивать пленных воинов державной рати. Чудом сумев бежать, Корнил Шахов направился в Древгород, где поступил на службу к Петру Строгову. Отчаянно нуждаясь в людях, Пётр брал тогда всех подряд. Младший сын Лесьяра Строгова вернулся в столицу как защитник благой веры, поэтому Корнил быстро отказался от элитства и вновь принял покровительство древних богов. С той поры и началось восхождение младшего сына мелкого князька на вершину власти. Пользуясь безграничным доверием нового державного князя, Корнил получил такого высокого благодетеля, о котором его отец и братья могли только мечтать. В короткий срок Корнил Шахов восстановил Старшую дружину и стал её воеводой. Конечно, она была лишь бледной тенью той тяжёлой конницы, что ходила в бой под командованием Лютогоста. Но всё же это была Старшая дружина, а он был её начальником. Поступившие туда на службу представители знатных Домов были вынуждены ему беспрекословно подчиняться. Дисциплину он поддерживал жесточайшими наказаниями дружинников, зачастую лично избивая тех, кто не выказывал достаточной преданности. Пётр Строгов знал об этом, но не вмешивался. Они были нужны друг другу. Безродный воевода был никем без молодого князя. А молодой князь был никем без дружинников воеводы. Тем более, что Петру Строгову нужен был хоть какой-то противовес Дворцовой страже, ставшей фактически личным войском его дяди Николая Строгова.

Итак, в двадцать пять лет Корнил Шахов достиг того, чего не снилось его отцу даже в шестьдесят. Но рубеж ли это для молодого амбициозного воина? Нет. Корнил понял это уже давно. Воевода это всего лишь должность. Как на неё назначили, так и снимут. Значит, нужно закрепляться на достигнутых вершинах и карабкаться дальше. Чтобы утвердиться при дворе, нужна была женщина. Не важно в каком качестве, главное, чтобы достаточно знатная. Почти сразу же выбор Корнилы Шахова пал на Элли Строгову, жену Лютогоста. Отданная замуж в семнадцать лет по политическим соображениям, жившая с мужем без любви и в частой разлуке, испуганная его безвестным исчезновением на поле брани. Вовлечь Элли в любовную связь оказалось проще, чем думалось поначалу. Молодая женщина охотно откликнулась на ухаживания неожиданно отзывчивого и заботливого воеводы. Корнил Шахов лишь помог ей разжечь огонь любви, который она сама потом и поддерживала с огромным увлечением. Любовница из высшей древгородской знати серьёзно укрепила влияние и значение Корнилы Шахова при дворе, ещё более возросшее, когда Элли прижила от него дочку. Сложнее было наладить дружбу с сыновьями Лютогоста. Но воевода в общем

и целом справился с этой нелёгкой задачей.

Осмотрительный Пётр, не желая давать кому-то общее командование войском, держал рать под своим личным началом. В том, чтобы подмять под себя всё войско Строговых, видел свою дальнейшую цель Корнил Шахов. Случиться это могло только по причине — крупной военной кампании, которая, судя по всему, назревала. Воевода понимал, что в мирной обстановке возможности продвигаться дальше наверх у него не будет. Как не было бы её, не погибни воинство Всеслава на Багровых полях. Со своей стороны Корнил делал всё возможное для начала войны. В личном разговоре он получил одобрение Петра на то, чтобы возглавить поход против Яблочного острога. Завтра днём состоится общий военный совет, где это решение предстоит утвердить. И если удача улыбнётся Шахову, то после победы над Всеславом в его руках окажется вся военная сила Дома Строговых. И тогда можно будет подумать о том, чтобы бросить вызов самому Николаю Строгову, исправнику Дворцовой стражи, чьё своеволие и бесконтрольность давно уже раздражают Петра. К тому же, по слухам, в сундуках исправника скопились солидные запасы золота и серебра, часть из которых при его низвержении можно будет присвоить. Но это потом, а сейчас нужно решать насущные вопросы.

Элли прижалась к своему любовнику всем телом, уютно устроившись под боком. Перебирала пальцами его волосы, целовала и шептала всякие нежности. Корнил Шахов не любил Элли. Но она была молода, стройна и достаточно красива. С ней было приятно спать. К тому же она занимала важнейшее место в его стремлении пробиться на самый верх. Завтра состоится совет, поэтому сегодня ночью нужно поговорить с ней.

— Милый, хороший, — еле слышно шептала Элли, — я так тебя люблю. Я так счастлива с тобой.

— Я тоже люблю тебя, голубка моя, — Корнил поцеловал любовницу. Момент для завязки разговора вышел идеальным. — Ты знаешь, солнышко, я говорил сегодня с Петром.

— С Петром? — переспросила Элли. — О чём вы говорили?

— О тебе. Я так больше не могу. Я устал таиться. В общем, Пётр одобрил наш брак. Когда я вернусь из похода, то женюсь на тебе. Это решённый вопрос. Даже не спорь.

— Но это... Ты так... Я тоже, — на лице Элли смешались удивление, страх и радость. Она одновременно и хотела стать женой Корнила и боялась этого шага. — Я бы тоже хотела этого. А что за поход?

— Мы выступаем в поход против Всеслава. Он должен быть уничтожен, а его острог захвачен. И когда я вернусь с победой, то мы сможем наконец пожениться. К тому же ты будешь окончательно освобождена от клятв своему мужу.

— Освобождена... Но как? Что это означает?

— Я поведу войско. Будет битва. Я убью его.

— Но... Убьёшь? Он что, жив?

— Жив, — Корнил решил действовать жёстко, не щадя чувств Элли. Так проще будет заставить её согласиться. Он заметил эту черту её характера и пользовался ей уже не первый раз. — Оказывается, он разбойничал на севере государства. А теперь укрылся в остроге у своего брата.

— Лютогост жив?! Он был жив всё это время? Значит слухи не ввали... Три года я делила с тобой ложе, а он был жив? — Элли растерянно села на кровати и в глубокой задумчивости обхватила колени руками.

Корнил поразился неосведомлённости своей любовницы. И ведь все женщины таковы.

Никто из них особо не интересуется делами государства. Кому надо уже давно знали, что Лютогост воюет против предельных князей на севере. Кончено, Корнил приложил определённые усилия, чтобы Элли ничего не узнала о судьбе мужа. Но если бы захотела, то проведала бы. Сейчас самый лучший момент, чтобы склонить мнение Элли в свою пользу.

— Не волнуйся, Элли, — Корнил обнял беззаконницу, поцеловав её спину, потом шею. — Будет битва. Я убью его, — от этого слова женщина вздрогнула как от удара плёткой. — Я убью его, — повторил воевода. — А когда вернусь, женюсь на тебе. И никто не сможет нам помешать быть счастливыми. Я люблю тебя, слышишь? Я тебя люблю, а не он. А ты меня любишь?

— Да, я люблю тебя. Люблю... А ты сможешь победить? — с надеждой спросила Элли. — Лютогост свирепый воин, он был во множестве битв. Я за тебя боюсь! Михайло пару недель назад вообще своего сына Василия в родовой острог отправил. Они с Агатой из-за этого поругались очень сильно. Может он не верит в победу?

— Твой Михайлов дурак и трус, а его жена вообще истеричка. Он просто ей нервы трепать решил, вот и увёз от неё ребёнка. Я одержу победу. Убью Лютогоста и мы поженимся!

В Большом зале собрались все ближайшие помощники Петра Строгова. Сам молодой державный князь сел на престол своих предков, поставив офицеров и военачальников перед необходимостью самостоятельно выбирать себе место у его подножия. Это сразу заметил Корнил Шахов. А князь молодец, ничего не скажешь. За столом он проигрывал многим из своих офицеров ростом и значительностью. А тут хочешь говорить, ещё попробуй вылезти вперёд. Заговорил — изволь смотреть снизу вверх. Молодец, князь!

— Вопрос по которому мы здесь собрались, это война, — поставленным голосом громко произнёс Корнил Шахов, беря инициативу на себя. Пётр посмотрел на своего воеводу. Начинать военный совет должен был сам державный князь и опережать его было неуважением. Но так было необходимо, пусть офицеры, да и сам Пётр привыкают к новому командующему ратью Дома Строговых. Корнил повернулся к трону, извинительно поклонился, — Наш государь всё вам расскажет, господа.

— Да... Всё верно, — Пётр растерялся от неожиданного напора Корнила Шахова. — Я призвал вас, чтобы обсудить вопрос войны. Войны с моим братом.

После этих слов молодой державный князь внимательно оглядел своих подданных. Полковники Железного и Поместного войск согласно закивали. Воевать они не хотели, но если будет решение, то не их уровень противиться приказам государя. Николай Стогов, дядя державного князя, сложил на груди руки и слегка покачивая головой, глубоко задумался. Война в его сребролюбивые замыслы никак не укладывалась. Егор Михайлов тоже стоял с глубокой задумчивости. Но его волновали семейные неурядицы. Прожив пять лет со своей женой, Агатой, он так и не научился ладить с ней по хорошему, бросаясь в разные крайности. Егор то ходил счастливый, когда отношения с красавицей были полными любви, то смурной, когда над домашним очагом шли дожди. Сейчас у главного телохранителя был мрачный период семейной жизни. В такие дни он частенько приходил к своему государю, чтобы просто поговорить с ним и пожаловаться на нелёгкую судьбу. В последний раз у него вышла серьёзная ссора с женой и он отослал своего двухлетнего сына в родовой острог, в котором правил его престарелый отец. Отослал, просто, чтобы позлить Агату. Вчера он

выпрашивал у Петра разрешения поехать с женой навестить сына. Жёну он планировал оставить в остроге под присмотром отца. Пётр сказал, что одобрит поездку после завершения войны с Всеславом. Видимо, об этом сейчас и думал Егор Михайлов. Затс стоявший рядом с ним Корнил Шахов был полон решимости. Того гляди прямо здесь схватится за меч и начнёт им размахивать.

— А без войны мы никак не обойдёмся? — поинтересовался Николай Строгов, исправник Дворцовой стражи. — Зачем она нам нужна?

— Нет, — ответил Пётр. — С вольницей моего брата пора покончить. Он забыл на каких условиях ему было позволено жить в Яблочном остроге.

— Всё же война, — попытался возразить Николай, — дело дорогостоящее. А наша казна и так с трудом пополняется. Поход может её окончательно опустошить.

— Именно поэтому я и хочу начать войну именно сейчас. Пока у меня есть хоть сколько-то денег. Захватив Яблочный, я получу золото и серебро, которое хранится в сундуках моего брата. Я смогу вернуть контроль над устьем Рустовеси, торговлей и рыбным промыслом. Верну себе приморские станы.

— Понимаю, — задумчиво проговорил Николай, — но бывший государь не раз водил войска на поле боя. Бил опытных полководцев. А я так понимаю, нам нужна только победа, причём быстрая. Как её достичь? И вообще, кто поведёт войско?

— Моё войско поведёт Корнил Шахов, воевода Старшей дружины.

— Корнил? — переспросил дядя.

— Да, войско поведёт Корнил Шахов. Есть возражения?

— Не мне, исправнику Дворцовой стражи, спорить о том, кто поведёт рать на войну. Но всё же... Могу я поинтересоваться у воеводы как он собрался победить Всеслава? Всё же у него больше опыта в походах.

— Очень просто, — надменно улыбнулся Корнил. — У меня будет серьёзное преимущество. В войске у нашего государя десять тысяч воинов. У Всеслава около четырёх тысяч.

— Пфффф... — смеясь развёл руками Николай. — Десять против четырёх это конечно хорошо...

— Особенно, когда удар внезапный, — перебил его Корнил Шахов.

— Да, — подключился к разговору молодой державный князь, — я придумал хитрость. Сейчас писарь под мою диктовку напишет ультиматум Всеславу. Я потребую от него вернуть украденную казну, прекратить брать пошину с купцов, распустить отряды и выдать Лютогоста Дому Юрьевых. Гонец с письмом отправится в путь, а следом пойдёт моё войско, отставая всего на один дневной переход. Пока Всеслав думает, пока то да сё, Яблочный уже окажется обложен моими ратями.

В Большой зал вызвали писаря и он принялся за работу. Пока Пётр вместе с Корнилом Шаховым составляли текст ультиматума, Николай Строгов стоял в сторонке и размышлял. За годы прошедшие после разгрома Всеслава он занял очень удобное положение в сложившемся послевоенном балансе. Выказывая полную лояльность новому государю, Николай наладил тайные отношения со своим свергнутым племянником. Это позволяло ему получать выгоду с них обоих. Сундуки его наполнялись сокровищами, а влияние росло. Часто торговые и ремесленные люди приходили со своими проблемами не к державному князю, а к его дяде. И он помогал им. Постепенно Николай стал владельцем многих земель в окрестностях Древрограда. На некоторых из них он даже построил остроги, ставшие его

личными крепостями, не подвластными никому. Самое главное, что Николая всё устраивало. Если же равновесие изменится в пользу одного из братьев, то придётся заново договариваться с победителем. И ещё неизвестно какие условия он выдвинет. Как быть? Сокрушительная победа Петра была ему не нужна, так же как и его поражение. Пусть повоюют между собой, ослабят друг друга. Если повезёт, то никто не выйдет победителем и он сможет сохранить свои позиции. Может даже выступит посредником на переговорах о мире. Решение пришло само собой, нужно предупредить Всеслава о готовящемся нападении. Благо, связи с ним были хорошо отлажены.

Пасмурная прохладная погода держалась второй день. Затянутое серыми облаками небо то и дело проливалось на землю мелкий противный дождь. Однако дороги пока были относительно сухими. Двух хмурых дней было всё же маловато, чтобы превратить их в непролазную грязь, как бывало по осени. Войско двигалось походным порядком, когда разведчики передового отряда привели к Всеславу разоружённых посыльных. Ещё не так давно княжеские посланцы могли спокойно передвигаться по основным трактам в одиночку. Всякое конечно бывало. Могли и убить и ограбить. Но в общем и целом они возили гербовые бумаги в одиночку. Сейчас не так. Снаряжать в дорогу меньше десяти бойцов означало просто их отправку на верную смерть.

— Кто такие? — спросил захваченных Всеслав.

— Мы от державного князя, Петра Строгова, — ответил старшина отряда, на боку которого висел на ремне расшитый восьмиконечными звёздами небольшой мешок. — Приказано вручить князю Всеславу... Ну то есть Вам, — старшина узнал хозяина Яблочного острога.

— Ух, в каких приметных мешках наш брат послания отправляет! — раздался смех подъехавшего Лютогоста. — Я бы за такое плетью сёк!

— Это точно! — улыбнулся Всеслав. — Ну так вручай, старшина, раз прислали.

Посланник развязал верёвки на мешке, извлёк берестяной туес, запечатанный смолой и с почтением вручил его Всеславу. Миша Воробей, следовавший за своим господином безмолвной тенью, сделал какие-то пометки на смазанных воском деревянных дощечках. Он начал работать над книгой о походах изгнанного государя, поэтому получил от Всеслава право всегда быть рядом и делать необходимые для хроники записи. Князь велел забрать у посланников их коней и отправить пешими в обоз. «Потом вас отпустят, не переживайте», — сказал он удивлённому старшине. Прочитав послание, Всеслав передал бумагу брату.

— Значит ультиматум, — задумчиво произнёс Лютогост, ознакомившись с требованиями. — Всё как ты и говорил. Выходит, не более чем через день можно будет и войско встретить.

— Да, примерно так.

— Эх, скорее бы! Соскучился я без правильной битвы. Когда вот так, в чистом поле, сила на силу. Ведь четыре года приходилось украдкой воевать. Выбирать, где послабее, бить и отступать, пока не поймали. Зря ты мой отряд в Яблочном оставил. Я с этими молодцами весь север Рустовесья в страхе держал.

— Я надеюсь обойтись без большой битвы, — ответил Всеслав. — Ратники Петра нам самим очень понадобятся. Попусту лить кровь было бы очень неосмотрительно.

— Опять что-то задумал? — прищурившись, поглядел на брата Лютогост. — Ты ведь просто так в поход не пошёл бы, верно?

— Верно, — загадочно улыбнулся Всеслав.

— Ладно. Скажи мне лучше вот что. Ты доверяешь нашему дяде Николаю? Я о том, что он ведь предал тебя и меня. Пока мы проливали свою кровь в битве, он взял у купцов деньги и позволил им выступить против твоей власти. А теперь вдруг предупреждает о том, что Пётр войско в твои владения двигать собирается. С чего вдруг такая забота о твоих интересах? Ведь если бы не его предупреждение, то у Петра вполне бы могло получиться.

— Ха! — усмехнулся Всеслав. — Ты всерьёз думаешь, что я полагаюсь только на дядю? У меня есть достаточно осведомителей, которые постоянно снабжают меня важными новостями. Мы бы всё равно узнали о подготовке к походу. Просто дядя дал мне подробный план войны, так как лично присутствовал на военном совете. Его интерес прост. Он процветает, пока Пётр слаб, а я сижу в Яблочном. Если эта ситуация изменится, над его благополучием нависнет угроза. Вот он и предупредил меня. Его корысть в том, чтобы мы с Петром обескровили друг друга, а он остался на своём месте. И пока всё идёт по его замыслу. Нам важно сломать его планы.

— Но как?

— Пока не знаю...

— Но если мы одолеем Петра, что ты сделаешь с дядей?

— Придётся простить и обласкать, — удивлённое лицо Лютогоста заставило Всеслава от души рассмеяться. — На первое время. Пока Древгород не окажется под нашей полной властью. Поэтому тебе тоже придётся его обнять и поприветствовать. Сделаем вид, что его проступков вроде как и не было.

В разговор братьев вмешался один из офицеров конной разведки. Он подскакал к Всеславу и без лишних церемоний громко промолвил: «Государь, мы вступили в бой с разведчиками Петра. Часть из них смогла бежать. Часа через три встретим основное войско».

— Значит, три часа... Скорее всего они построятся на Федотовских холмах. Самое удобное место. И отсюда как раз недалеко.

— Три часа, так три часа. Будем готовы, — подытожил Лютогост.

Корнил Шахов горел нетерпением. Войско Всеслава и Лютогоста, как докладывала разведка, было уже близко. Один из разъездов даже схватился с передовой группой мятежников и полёг почти полностью. Корнил объезжал боевые порядки, отдавая приказы и делая замечания. Настроения воинов ему не нравились. Унылые лица, отсутствие расторопности в исполнении команд, безразличие в глазах. Не так должны вести себя бойцы княжеского войска перед вступлением в сражение. В битву, которая принесёт ему, Корнилу Шахову, славу и власть. Воевода не скупясь рассыпал ругательства и удары плетью, натравливал на ратников младших офицеров. Правда, настроения последних ему тоже не нравились. Старшины и урядники исполняли волю Шахова, но делали это так вяло, будто говорили начальнику войска: «Да отвяжись ты уже от нас!» Выбить бы двум или трём из них зубы для того, чтобы привести в чувства остальных, да времени нет. На тракте показалось войско мятежных братьев Строговых.

Всеслав и Лютогост ехали на своих боевых конях во главе походной колонны, когда

вдали открылся вид приречных холмов, застеленных квадратами копейщиков, лучников и конницы. Державное войско их младшего брата Петра. Около десяти тысяч, прикинул на глаз Всеслав, разведка не врала. Десять тысяч против его четырёх. Изгнанным князем овладело знакомое ощущение. Вот твоё войско, вот враг, которого нужно разбить. Сжать крепче рукоять меча, указать его острием в сторону супротивников и послать воинов в атаку. Но что-то в этом осязании было не так как всегда. От выстроившихся квадратами полков младшего брата не веяло враждебностью. Всеслав почувствовал это, но не смог бы объяснить даже самому себе. Пелена туч медленно распоролась и в брешь потёк ослепительный свет летнего солнца. Лучи его осветили холмы с войсками, его собственную колонну ползшую по тракту. Войско Петра стояло стеной и дорога проходила как раз через центр его боевых порядков. Дорога, освещаемая солнцем. Знак Единого бога. То, о чём свергнутый государь молил его все эти годы.

— Ты что, уснул, брат? — Лютогост дотронулся до плеча Всеслава. — Пора разворачивать наши ряды.

— Нет. Идём как шли, колонной.

— С ума сошёл?

Всеслав посмотрел на Лютогоста взором не брата, но командира, чья воля не подлежит пререканию. Может из-за этого, может из-за того, что тоже ощутил что-то необычное, Лютогост повернулся к следовавшим за ними офицерам и приказал не ломать походной колонны. Спаянная железной дисциплиной малочисленная армия, не моргнув глазом, продолжила свой путь.

Наблюдавший за врагом Корнил Шахов недоумевал. Что это, безумие или какой-то хитрый замысел? Быть может Всеслав решил покончить с собой и утянуть в могилу всё своё воинство? В любом случае на размышления времени особо не оставалось. Мятежники близко, близок час его воинского торжества. Корнил громко выкрикнул команду, побуждавшую лучников наложить стрелы. Те повиновались. «Лучники, давай!» — раздалось над Федотовскими холмами. Всеслав невольно зажмурился, ожидая чёрного потока смертоносных стрел. Но резкий выкрик Корнила оказался всплеском одинокой рыбы на утренней глади пруда, который ни сколько не нарушил его спокойной безмятежности. Стрелки как один опустили луки. «Стреляйте, что за херево вы тут удумали, сволочьё?» — Корнил Шахов крутился в седле, выкрикивая команды и ругательства, которые никто не слушал. «Копейщики, в бой! Старшая дружина на изготовку!» Бесплезно. Никто из бойцов и офицеров даже не поглядел на своего военачальника. Все как один заворожено наблюдали за сверкающей отполированными кольчугами и шлемами колонной, невозмутимо взбиравшейся по тракту на холм, во главе которой двигались под державным знаменем два брата, Всеслав и Лютогост. Корнил Шахов схватил плётку и замахнулся на ближайшего к нему офицера, полковника Младшей дружины. Но рука его застыла в воздухе, перехваченная надсотником Старшей дружины. Корнил впился взором в лицо своего заместителя. «Убирайся, отсюда, воевода, — сказал ему надсотник. — Скачи как можно быстрее, пока коня не загонишь. А потом найди нового и не останавливайся. Не ровен час ратники тебя прирезать решат». Корнил Шахов задохнулся гневом от услышанного, но чутьё подсказало, что офицер прав. «Ещё свидимся, выродок! — бросил Корнил, пришпоривая коня. — Я ещё со всеми вами поквитаюсь!» «Буду ждать с нетерпением», — махнул ему рукой надсотник.

Всеслав и Лютогост приблизились к стене копейщиков, занимавших центр рати. Не сговариваясь, бойцы Железного войска начали расступаться. Уже через несколько

мгновений образовался коридор, через который невозмутимым потоком пошла колонна воинов опального князя. Войско Петра рассыпалось и беспорядочными толпами, в коих смешались конные и пешие, рядовые и офицеры, пристроилось в хвост армии Всеслава. «Да здравствует истинный государь! — раздались крики, которые словно огонь были подхвачены тысячами новых голосов. — Государь! На Древогород! Ураааааа!»

Женщины и девицы из свиты супруги державного князя в ужасе ахнули. Молодые парни из личной охраны разинули рты и переглянулись. Егор Михайлов положил ладонь на рукоять сабли и заслонил собой Петра Строгова. Десятки пар глаз изумлённо вытаращились на ворвавшегося в Большой зал воеводу Старшей дружины, начальника державного войска. Корнил Шахов, в истрёпанной грязной одежде, замызганных сапогах, с лицом, покрытым дорожной пылью и слипшимися от пота волосами произвёл на князя и его окружение самое ошеломляющее впечатление.

— Всё! — выкрикнул он тяжело дыша. — Околеванец настал! Крамола и гибель!

— Что случилось, Корнил? — с недоумением вопрошал Пётр. — Ты потерпел поражение?

— Я потерпел поражение?! — гневно прокричал Корнил. — Поражение терпят в битвах. А битвы не было. Всё войско, все как один, перешли на сторону твоего брата, государь. Предатели, твари! Ничего... Ничего, я всех ещё на виселицу отправлю. Нет. Я сам им мозговницы порублю!

— Немедленно успокойся и объясни, что происходит.

— Происходит вот что. Четырнадцать тысяч войска идут сейчас на Древогород. Я их на сутки наверное опережаю, не более того.

— Ты куда собрался, дядя? — Пётр обратился к Николаю Строгову, который под шумок стал пробираться к выходу.

— Я... Ну, — исправник Дворцовой стражи резко остановился, как застигнутый врасплох школьник. — Ежели сюда идёт войско врага, то мой долг подготовить город к обороне. Или будут иные указания?

— Иные указания? — задумчиво повторил Пётр. — Нет. Готовь стражу к обороне стен.

Час спустя Петром овладело неподдельное беспокойство. По прошествии четырёх часов он уже без тени сомнения жалел, что так запросто отпустил своего дядю из Большого зала. Вместо подготовки стражников к защите города, Николай Строгов заперся в своём богато обставленном тереме, окружил себя плотным кольцом бойцов и отказался кого-либо принимать. Даже самого Петра Строгова, своего державного князя. Предательство, явное. За такое дяде следовало срубить голову, но кроме трёх десятков бойцов личной охраны у Петра не было войск. Можно было попробовать собрать ополчение из горожан. Но слухи о скором возвращении Всеслава уже пошли гулять по концам и слободам. Простодушные горожане не скрываясь радовались этим толкам. К тому же для ополчения нужно оружие. Арсенал же взяли под охрану воины Дворцовой стражи.

«Как же быть?», — едва не со слезами на глазах обратился державный князь к воеводе. Пётр говорил не как государь со своим подданным, а как мальчишка, молящий о совете и защите у взрослого мужа. Корнил Шахов, успевший помыться и сменить одежду понял, что древние боги вновь дают ему шанс. Если сейчас предложить Петру решение, то можно получить не только покровителя, но и завладеть его умом, получить влияние на этого

юношу. Главное быть уверенным в себе и недопускать и тени нерешительности. Слабые тянутся к сильным.

— Нужно уходить из города пока не поздно.

— Уходить? Но...

— Да, берите охрану, жену, ребёнка, самых верных людей, денег сколько сможете, еды. И уходим. Думаю, в Густошумье.

— Но если мне попробовать ещё раз поговорить с дядей, — растерянно начал Пётр, — может...

— Не может! Сейчас он просто сидит в своём тереме и ждёт, что будет. Но сила на его стороне. А что помешает Николаю приказать страже схватить вас и вашу жену, чтобы выдать Всеславу в обмен на его прощение? Я скажу, ничего не помешает.

— Тогда уходим. Немедленно, — последний довод был для Петра самым убедительным.

Николай долго колебался, где именно встретить Всеслава с Лютогостом. Сначала полагал встретить их построением Дворцовой стражи у княжеской резиденции. Но там для такого стечения народа места маловато. Тем более, наверняка горожане навалятся. К тому же им тогда придётся пройти через весь город. А вдруг братья заподозрят неладное, захотят перестраховаться, ввяжутся в стычку. Слишком много этих самых «вдруг» да «если». Наконец, Николай Строгов укоренился в мысли, что надо сделать всё как можно более открыто. Решил выйти со всеми своими людьми на тракт, за посад.

Подошедшие к Древгороду воины армии Всеслава и примкнувшие к ним ратники державного войска увидели выстроившихся ровными шеренгами пехотинцев и конников Дворцовой стражи. Все две тысячи бойцов. Развевались над ними красные знамёна с восьмиконечными серебряными звёздами, наполнялся воздух бодрым треском барабанов и гудением труб. Во главе стражи восседал на боевом коне Николай. Толпы горожан молча наблюдали за происходящим. Всеслав, за спиной которого маячил Лютогост и шла колонна в четырнадцать тысяч войска, подъехал к дяде. Николай, свидетельствуя своё глубочайшее уважение, быстро слез с коня, и пешком пошёл к племяннику. На его удивление Всеслав тоже оставил седло. Какое-то время они молча разглядывали друг друга, понимая, что за ними наблюдают тысячи. «С возвращением!» — вымолвил наконец Николай, после чего они крепко обняли друг друга. Наивному восторгу горожан и ратников не было предела. Он ещё более усилился, когда так же крепко и дружелюбно Николай Строгов обнялся с Лютогостом.

Конные бойцы личной охраны вытянулись длинной цепочкой вдоль небольшого обоза, везшего женщин, детей и провиант с поклажей. Вернее сказать, что в обозе было всего две телеги. На одной женщины с детьми, на другой продукты с вещами. Егор Михайлов неумолимо рыскал взад-вперёд, проверяя своих бойцов и раздавая ободряющие замечания. Корнил Шахов ни на шаг не отходил от угрюмого Петра, разъясняя ему как и где именно они раздобудут деньги и людей для продолжения войны. Тот только кисло кивал головой посматривая изредка на свою жену Веру и их дочь Раду. Практически вся свита жены осталась в Древгороде, с ними поехали только две девицы, что были родом из Густошумья, а также Агата Михайлова и Элли Строгова, увязавшаяся после мучительных внутренних метаний за своим любовником и утащившая за собой детей. Вера с Элли ехали в повозке,

вместе со своими детьми. Агата и девицы следовали за повозками на лошадях.

Они свернули с тракта и ехали сейчас по небольшой дороге, проходящей мимо пустошей, заброшенных местными крестьянами тридцать лет назад. Теперь на бывших хлебных и картофельных полях выросли густые берёзовые рощи. Очень удобно, решил про себя Егор Михайлов. Если что, можно будет спрятаться от преследователей. То, что по их следам направился крупный конный отряд Всеслава, сомнений не было. Он сам видел его воинов несколько часов назад, когда с тремя всадниками проверял нет ли погони. «Погоня есть», — коротко сообщил он Петру Строгову. Тот в ответ лишь безвольно повесил голову.

Запах близкой реки и свежий ветер с неё, немного повысили настроение удручённым изгнанникам. Ровно до того момента пока передовая группа охранников не замерла на дорожке. Вслед за ней остановился и весь отряд. «Что случилось?» — Егор Михайлов в мгновение ока оказался впереди всех. К берегу Рустовеси причалила боевая ладья под знаменем Дома Строговых. Около неё стояла группа воинов с луками и копьями в руках. «Чтобы их Мроз побрал! — выругался Корнил Шахов. — Что они здесь делают?» Вопрос был задан просто в воздух. Очевидно, что приплывшие на ладье воины ждали именно их. Как быть?

— Захватим ладью! — предложил Егор Михайлов.

— Ты совсем дурак, — начал было Корнил Шахов, — думаешь... Хотя ты прав, нужно захватить ладью! Ратники, вперёд!

Но никто из личной охраны Петра даже не пошевелился. Егор приучил своих людей слушаться только его приказов, либо приказов державного князя. Удовлетворившись унижением Корнила Шахова, Егор, с согласия Петра, повёл конников вперёд. Неожиданно с ладьи сошёл одетый в доспехи воин, в котором Егор признал одного из офицеров Дворцовой стражи. «Стойте, — выкрикнул он, подняв вверх ладонь правой руки. — Нас прислал Николай Строгов. Мы вывезем вас в Густошумье!» Егор успел остановить своих конников и кровопролития не случилось.

Оно началось спустя некоторое время, когда к берегу реки по другой тропе вышел отряд конников Всеслава. Егор со своими людьми бросился на них. Стражники помогали перетаскивать вещи и припасы на ладью. Корнил Шахов, прикрывая себя и Петра щитом, буквально силой затащил молодого князя на борт — тот не хотел уплывать без Веры и своей дочери. Наконец, они тоже оказались на ладье. Потеряв половину охранников, Егор Михайлов всё же заставил нападавших отступить. Но они не бежали, а лишь отошли, затаившись за берёзами. Нужно было спешить.

Что про Агату, оставленную прятаться от стрел в роще, все забыли, она поняла, когда ладья стала отчаливать от берега. Свою лошадь Агата отдала Вере и её ребёнку, чтобы они быстрее добрались до спасительной воды. Вера горячо благодарила подругу и обещала немедленно послать за ней, но обещание своё не сдержала. За спиной послышался топот копыт княжеских конников, а ладья, оттолкнувшись вёслами, двинулась на середину реки. Молодая женщина бросилась бежать, возможность спастись у неё вполне была. Копыта стучали далеко, а берег Рустовеси и ладья были близко. Запыхавшись, она всё же добежала до воды. Резко остановилась, так что носки её сапожков столкнули в воду прибрежную пыль. «Ээээээй, а как же яааа?!» — крикнула Агата. Лишь всплески воды у берега и ритмичное шлёпанье вёсел по ребристым волнам были ей ответом. На песчаной отмели ходили серыми тенями рыбы. Ветер трепал её мягкие каштановые волосы и шуршал листьями камышей. На противоположном берегу Рустовеси покачивались сосны. Сзади, чуть поодаль, слышались

стоны раненных в жестокой схватке мужчин. На ладье произошло какое-то непонятное шевеление. Неужто сейчас развернутся и заберут её? Агата напрягла глаза, пытаясь понять что там происходит.

Так и застали её конники Всеслава, одиноко стоящей на песчаном берегу и смотрящей за уплывавшей ладьёй. Оценив происходящее, воины быстро поняли, что кроме стремительно удалявшегося корабля и раненых, интерес здесь представляет только одинокая красивая женщина. Агата тоже это поняла, ещё раньше самих воинов. Жизнь приучила её быстро соображать и быстро находить выход. Если выход был, конечно. Правитель при котором служил её муж сбежал вместе с мужем и «подругой». Она снова никто. Значит нужно узнать, сможет ли она кем-то стать в этих новых обстоятельствах.

Агата быстро окинула оценивающим взглядом бессовестно пялившихся на неё воинов. Внимание женщины привлёк один. Он был молод, достаточно красив. В спокойных уверенных движениях его угадывалась привычка отдавать приказы. На стальных звеньях кольчуги на правом предплечье у него имелся выкрашенный в ярко-зелёный цвет железный квадратик. Агата слышала, что в новой армии Всеслава такие значки носят офицеры. Звание его было для неё загадкой, но в этой группе он был явно старше всех. Больше ни у кого подобных значков она не заметила. С ратными людьми нужно вести себя уверенно и даже немного нагло. Это она знала точно, столько лет прожив в городах, наполненных служилым войсковым людом. Ещё важно сразу же показать, что ты очень важный человек. Настолько, что твоё значение способен оценить лишь вышестоящий начальник. Слегка надменно задрав носик, Агата шагнула едва ли не под копыта коней. Воины невольно сдали назад.

— Офицер, — громким спокойным голосом обратилась Агата к коннику с зелёным квадратиком на предплечье. — Кому вы служите и за кого воюете?

— Что? — лицо её собеседника едва ли не вытянулось от удивления.

— Можете отвечать мне не таясь. Я дочь древнего Дома, мой муж очень знатный человек. Так кому вы служите?

— Мы служим Всеславу, сыну Лесьяра из Великого Дома Строговых.

— Очень хорошо. Потому что именно для вашего господина у меня есть очень важные срочные известия. Прикажите вашему человеку отдать мне коня и немедленно сопроводите к Всеславу Строгову.

Расчёт Агаты удался. Не ожидавший подобного приказного тона офицер сначала смутился, потому велел отдать женщине коня, а затем вызвался лично проводить её к своему господину.

Прошло менее получаса и Агата, сопровождаемая офицером, оказалась перед глазами Всеслава Строгова. Князь произвёл на молодую женщину очень положительное впечатление. Крепкий статный мужчина высокого роста, уверенный в себе и внушающий такую же уверенность в подчинённых. Он мельком посмотрел на Агату и тут же потребовал от офицера подробный доклад о случившемся. Лишь после того как офицер доложил о том, как проходило преследование, Всеслав спросил его: «Кого ты привёз?» Агата легко покинула седло и низко поклонилась, слегка коснувшись пальцами руки носок княжеского сапога. Всеслав оценил изящную гибкость спины своей пленницы.

— Государь, я Агата Михайлова, по рождению Лоскутова, жена Егора Михайлова, начальника личной охраны Петра Строгова. У меня есть очень важные сведения касательно планов вашего брата. Я готова о них рассказать лично вам, без свидетелей.

— Хорошо, Агата Михайлова, — ответил Всеслав, оглядывая приятные мужскому глазу

стройности молодой красавицы, её плечи, грудь, бёдра и ноги, — я подумаю, где нам можно будет поговорить.

— Я бы предпочла именоваться Лоскутовой.

— Пусть так.

Всеслав подозвал своего брата, Лютогоста и объявил ему, что отряд расположится на привал. Они какое-то время спорили. «Я отвезу вот эту женщину в Вешневодье», — услышала Агата слова Всеслава. Братья опять заспорили. Глава Великого Дома Строговых, бывший и, похоже, будущий державный князь, полководец, человек о котором знают все в Рустовесской земле... У Агаты слегка закружилась голова от дерзости задуманного. Почему нет? Он, конечно, не так наивен как её бывший любовник Деян Булатов. Но он тоже мужчина. Агата не сомневалась, что знает мужскую натуру очень хорошо. «Этот мужчина станет моим», — поклялась она себе.

Глава 4 Время медлить

Вешневодье было очень маленькой крепостью, построенной Николаем Строговым на свои собственные деньги на землях, которыми оборотливый исправник завладел в последние годы. Военного смысла в её постройке не было никакого. Расположенное на берегу старицы древней реки, окружённое лесами и полями, Вешневодье использовалось им для отдыха. Стремясь как-то расположить к себе Всеслава, исправник Поместной стражи помимо прочих подношений, подарил вернувшемуся князю этот острог. Всеслав ещё не бывал в Вешневодье и случайное пленение Агаты Михайловой давало ему повод заодно посмотреть подарок.

Агата, Всеслав и три десятка его конников, оказались у ворот острога уже поздним вечером. С озера тянуло сырой прохладой, в траве распевались на все лады кузнечики. Над елями бледным пятном отсвечивала луна, постепенно наливавшаяся серебром. Вокруг неё в чернеющем небе всё ярче проявлялись звёзды. Их отряд был замечен ещё на подходе. Послышался шум открываемого засова, ворота без скрипа отворились и к Всеславу вышел офицер Поместной стражи. Князь объявил ему, что Вешневодье теперь является личным владением Дома Строговых, а весь отряд стражников завтра утром должен быть готов отправиться в Древогород. Никаких возражений и споров не последовало.

Всеслав занялся размещением своих людей и осмотром острога. Агату он оставил в главном тереме и велел ей подождать. Молодая женщина уселась на скамью, прислонившись спиной к бревенчатой стене. В светлице приятно пахло деревом, чистыми полами и плавленным воском от зажжённых свечей. Прислужница подала Агате гребень и та принялась задумчиво расчёсывать волосы. День заканчивался совсем не так как начинался. Ещё утром она вместе с Петром, его женой Верой, своим мужем и охраной убегала от преследовавшего их Всеслава. Вечером все её спутники продолжали свой драп, а она стала трофеем грозного князя. И всё почему? Потому, что они забыли о ней. А вспомнив, даже не стали пробовать за ней вернуться, спокойно наблюдая с середины реки, как её окружили конные воины. Хотя не так уж и спокойно они наблюдали. До уха Агаты чётко доносилось не терпящее иных истолкований «навались на вёсла!» И она ещё могла понять мотивы раздавленного внезапным предательством Петра. Или чем руководствовался этот помешанный на своём возвышении мерзкий и жестокий Корнил Шахов. Почему плевать на неё хотела влюблённая в Корнила простодырка Элли Строгова. Но Вера! Та самая Вера, которая была ей близкой подругой ещё со времён прибытия Агаты в Миргород. И почему не спас её тот, кто перед богами и священным пламенем клялся защищать её всеми силами, даже ценой собственной жизни, её муж Егор Михайлов? Неужели Вера так решила отомстить ей за смерть брата, Деяна Булатова, а Егор нашёл в случившемся удобную возможность избавиться от надоевшей жены? Вот значит как... Отомстить и избавиться, говорите? Ну ничего, поглядим кто кого обставит в этой игре. Агату Михайлову можно обманом оставить на берегу реки, в надежде, что её изнасилуют княжеские ратники. Можно просто бросить её и думать, что проблема решена навсегда. Но с Агатой Лоскутовой такое никто провернуть не сможет безнаказанно.

Ум, красота и способность разбираться в людях, тонко чувствовать их слабости и силу, уже позволили Агате избежать той участи, на которую её обрекли Вера и Егор. Она оказалась здесь, рядом с человеком за которым теперь будет сила. Теперь нужно как-то

найти подход к этому человеку. Агата стала размышлять. Сойтись с Всеславом Строговым, вовсе не то же самое, что искутить Деяна Булатова. И помогать ей здесь никто не станет, она сама по себе. Тем интереснее будет совершить задуманное. Именно поэтому мужчины так любят охоты и терпеть не могут торжища. На охоте всё зависит от тебя самого и твоей удачи. В торговые ряды же идут на всё готовенькое. Зря Егор так обошёлся с женой. Лучше бы отправил её в свой родовой острог вместе с сыном. Нет, он захотел позлить её и увёз сына отдельно. А потом бросил её на берегу Рустовеси. И за что так? Ведь Агата не изменяла ему ни разу за всё время их супружества.

От мыслей про Веру и Егора Агату отвлек внезапно появившийся Всеслав Строгов. Молодая женщина спустила ноги со скамьи и отложила гребень в сторону. Всеслав сел напротив и некоторое время молча разглядывал красавицу. Как вести себя с этим мужчиной, чтобы воплотить задуманную месть? Можно попробовать переспать с ним прямо сейчас. Пожалуй, это бы ей удалось. Заснуть в объятиях державного князя вечером того же дня, как тебя предал муж, было бы великолепной местию супругу. Но чутьё подсказало Агате, что с того не будет никакой пользы, кроме маленькой сиюминутной радости от измены мужу-предателю. У Всеслава есть молодая жена, с которой он по слухам вполне счастлив. Да и наверняка на пути князя постоянно попадаетесь значительное число разных женщин, которые не против разделить с ним ложе. К нему нужен другой подход, не только через постель, но через отношения. К тому же Агата столько дней провела в седле без возможности помыться, что не учитывать это обстоятельство никак нельзя.

— Ну что расскажешь, Агата Михайлова? — прервал наконец своё молчание Всеслав Строгов.

— Прошу Вас, государь, называйте меня Агатой Лоскутовой, — ответила молодая женщина, как бы невзначай пряча свой обручальный браслет под рукавом, что не укрылось от глаз Всеслава.

— Хорошо, — улыбнулся он, — значит Лоскутова. Расскажи всё, что тебе известно о планах моего брата Петра. Ты ведь именно этим посулом смогла убедить моего офицера сопроводить себя именно ко мне? — красота и смекалка Агаты весьма приглянулись Всеславу. Хотя нет ничего страшнее, чем сочетание этих качеств в женщине.

Агата выложила Всеславу всё, что знала. Рассказ этот доставил ей большое удовольствие. Вот вам, мои добрые друзья, первая моя благодарность за то, что бросили меня одну на берегу Рустовеси, а сами поплыли куда подальше. Будут и ещё подарки. Теперь Всеслав знал о планах Петра почти всё. Князь довольно потёр руки и закивал головой. Сведения действительно были очень важными. Теперь нужно было решить что делать дальше. Не с Петром, Древгородом или дядей Николаем, это Всеслав уже знал. Нужно было решить, как поступить с Агатой Михайловой, которая очень хочет, чтобы её называли Лоскутовой. Особого политического веса за ней нет. Её муж всего лишь начальник охраны у его брата. Её Дом древний, но слишком малый и бедный, чтобы играть сколь-либо заметную роль. К тому же Гармский острог, родовое владение Лоскутовых, находится в Крайнесточье. А это пока цель не первого порядка. Что с ней делать? Отпускать на все четыре стороны бессмысленно, ибо пойти Агате некуда. Отослать к свёкру? Она этого не просит, хоть в том остроге её сын. Размышляя, Всеслав наблюдал как следят за ним чёрные глаза красавицы, как играют в них искорки ума и наблюдательности. Она наверняка догадалась о чём он сейчас думает. Догадалась, но не пытается никак повлиять на его решение. Это приятно.

Всеслав, умевший находить в людях полезные качества и знавший, как правильно их

использовать, встал перед выбором. В текущих политических и военных раскладах Агата Лоскутова ему не нужна. Отпускать же её просто так ему не хотелось. Его собственное золотое правило гласило, что если человек не нужен сейчас, то это вовсе не значит, что он не будет нужен никогда. Тем более, что отправить красавицу было некуда. Отправить в Древгород в свиту к Зиме? Нет, это не то. Агата занимала слишком видное место в свите у жены Петра Веры. Значит, оставить её можно только здесь, в Вешневодье. Но кем она здесь будет? Статус пленника или заложника никому настроения не повышает. К тому же придётся оставлять кого-то, чтобы присматривал и за Агатой и за крепостью. Лишних надёжных людей у него нет. Оставить её как любовницу, конечно очень заманчиво, но открытым останется вопрос, кто будет приглядывать за ней и за острогом. К тому же Всеслав не считал себя в праве изменять Зиме после того, как она прикрыла его, израненного, своим телом после поражения в битве на Багровых полях. К супруге он испытывал самые искренние нежные чувства. Поразмышляв ещё немного, князь нашёлся как быть.

— Скажи, Агата, я могу тебе доверять?

— Конечно, государь.

— Тогда я хочу просить тебя о помощи.

— Всё, что будет в моих силах.

— Этот острог, в котором мы сейчас находимся, он был подарен мне исправником Дворцовой стражи, моим дядей Николаем Строговым. Он стоит в центре небольших земельных владений, кои мой дядя оттяпал себе за время моего отсутствия. Теперь же он отдал их мне. Место хорошее, земли тоже хорошие. Но у меня нет надёжного человека, чтобы он мог управляться с ними. Не будешь ли ты так любезна, стать управителем этого маленького стана?

— Государь, это большая честь для меня. Такое высокое доверие. Но как к такому отнесутся местные жители? Ведь бытует мнение, что женщина не может править наравне с мужчиной.

— Ну... О разных вещах бытуют разные мнения, — усмехнулся Всеслав. — Моя жена спокойно управлялась с Яблочным во время моих разъездов и походов. Здесь и крепость меньше и владения меньше. Все мужчины, что у меня есть, скоро понадобятся мне на поле брани. Вот уж где точно нет места женщинам, так это в кровавых битвах. Так ты согласишься или отказываешься?

— Нет, вовсе нет. Я согласна, государь, — Агата встала на ноги. — Теперь же, с Вашего позволения, я хочу помыться в бане.

— Баня занята. Там моются мои ратники. Нам завтра рано утром выступать в поход. Очень много дел и забот ждут моего личного участия. Сегодня тебе придётся лечь спать без мытья. Выбирай любую комнату в тереме и занимай её. Теперь не только этот терем под твоей заботой, но и весь острог с прилегающими землями.

— Но с утра мы с Вами...

— ...Не увидимся, — договорил за неё Всеслав. — Я уеду ещё до рассвета. Очень много дел и забот.

— Навещайте меня здесь, государь, — красавица сделала изящный прощальный поклон.

Всеслав, его конники и местный отряд покинули Вешневодье ещё до восхода солнца. Агата их отъезда не видела. Вместо уведённых воинов, он оставил в остроге десяток своих бойцов. На столе в горнице молодая женщина обнаружила государеву грамоту, текст

которой, снабжённый всеми необходимыми подписями и печатями удостоверил, что Агата Лоскутова, назначается управителем острога Вешневодье и прилегающими к нему земельными владениями, собственником которых является державный князь Всеслав Строгов. Грамоту Агата свернула и убрала в особую шкатулку.

Расспросив прислугу, Агата узнала, что в Вешневодье Николай Строгов часто являлся с молодыми девушками. Побродив по терему, она легко нашла несколько сундуков с женскими одеждами, многие из которых пришлись ей впору. Находка была весьма кстати. Брюки и блузка с плащом, в которых она сюда приехала, нуждались в хорошей стирке. Ходить же в одеждах простолюдинок можно, но не по статусу для управительницы личных владений Всеслава Строгова. А вдруг кто заявится?

По пути в баню, Агата остановилась у раскрытого колодца. Повозившись некоторое время с застёжкой, сняла с правого запястья обручальный браслет, который пять лет назад повесил ей на руку Егор Михайлов. Коловший дрова прислужник открыл рот и медленно отложил топор в сторону. Новая госпожа собиралась выкинуть свой браслет в колодец. Вещь довольно ценная. Так что как только она уйдёт, сразу нужно будет нырнуть за ним или ещё как-то попробовать достать. Агата держала браслет прямо над водой, глядя на собственное отражение. Нужно только разжать пальцы и эта женщина на дне колодца, над головой которой плывут пушистые облака, исчезнет, разбитая ударом драгоценного металла о гладь воды. И браслет её пойдёт на дно, что будет знаком завершения очередного периода в жизни, за которым идёт новый период. Но что-то заставило Агату не делать этого. Она спрятала браслет и пошла в баню. Разочарованный увиденным прислужник вновь принялся колотить дрова.

Волк Озеров в сопровождении двоих охранников появился в Древгороде спустя неделю после утверждения там Всеслава Строгова. Город жил своей обычной жизнью, ничем не отличаясь от тех времён, когда Волк был заложником Всеслава несколько лет назад. Лишь обычную Дворцовую стражу сменили воины иноземной наружности, которых именовали Заморской гвардией. Долго напрашиваться на встречу не пришлось. Узнав, кто прибыл, Всеслав немедленно приказал пропустить Волка и его спутников в княжескую резиденцию.

Слезая с коня, Волк Озеров заметил самого князя, его жену Зиму с детьми, Николая Строгова, исправника Дворцовой стражи, нескольких знакомых ещё по времени своего пленения офицеров. Искал глазами Лютогоста, но не нашёл его. Если его нет рядом с Всеславом, то это хорошо. Брат державного князя был не слишком дипломатичен и сдержан, а Волк сейчас был не в том настроении, чтобы терпеть издёвки. Поклонившись Всеславу и поприветствовав отдельно его жену, Волк наткнулся на вопросительный взгляд хозяина Древгорода.

— Чем я обязан столь неожиданному визиту предельного князя Суломатья? — поинтересовался Всеслав. — И почему предельного князя сопровождает столь малая свита?

— Государь, — Волк решил не тянуть кота за хвост, — я приехал, чтобы просить принять меня к тебе на службу.

— Ну... Ты ошибаешься, Волк. Я не государь. На то есть решение князей Вежинского содружества, подписанное и заверенное всеми его участниками, — Всеслав лукаво ухмыльнулся, желая посмотреть, что на это его возражение ответит гость.

— Если тебе угодно называться по другому, пусть так. Моя просьба от этого не

изменится. Я прошу тебя взять меня к себе на службу.

— Я был бы очень рад взять на службу такого опытного воина как ты, Волк, но расскажи мне, почему ты прибыл ко мне с такой просьбой?

Собравшиеся во дворе резиденции офицеры и служилые люди удивлённо переглядывались и шептались. Даже девушки из свиты Зимы тоже что-то там щебетали. Не отвечать на вопрос Всеслава было нельзя. Но рассказывать при всех этих людях о случившемся Волк не мог себя заставить. «Я всё готов объяснить наедине», — сказал он. Всеслав не стал возражать, сразу сойдя со своего кресла и жестом приглашая Волка следовать за собой. Но между ними вырос офицер охраны. «Князь, — обратился он к Волку, — сдайте мне ваш меч и кинжал». «Это вовсе не обязательно, — сказал офицеру Всеслав. — Не нужно оскорблять нашего гостя недоверием». «Ничего, я не обижаюсь», — ответил Волк, снимая пояс с ножнами.

Всеслав привёл Волка в пустующий Большой зал. Там изгнанный владыка Старогуля поведал всё, что с ним приключилось. Как умер от ран Чернек Озеров, пытаюсь примирить сыновей. Как Прохор и Орёл, братья Волка выказывали на похоронах всяческое почтение, замышляя при этом недоброе. Поведал Волк и о том, как убийцы, подосланные братьями пытались прикончить его ночью в резиденции. О своём бегстве с женой. О том как видел головы своих детей, которые метали в него братья со стен. Рассказ о гибели жены Валески дался Волку особенно тяжело. Мужчины не плачут и он не плакал, но по его лицу и голосу было всё понятно.

— Ты, наверное, подумаешь, что я прошу тебя вернуть мне отцовский престол. Но это не так. Я лишь прошу тебя дать мне возможность отомстить моим братьям за то зло, что они мне причинили. За жену мою и за детей.

— А тебя не смущает, что раны от которых умер твой отец Чернек Озеров, нанёс ему мой брат Лютогост?

— Лютогост ранил моего отца в честной битве. У меня нет никакой злобы на воина, сражающегося на поле брани. Но мои братья совершили против меня гадкое. Мне нужна лишь месть.

— Что же, — задумчиво ответил ему Всеслав, — я могу помочь тебе в деле мести. Но не просто так. Мне очень нужны надёжные верные люди. И я могу принять тебя только с условием, что если месть свершится, ты продолжишь свою службу.

— Да, конечно, — не раздумывая согласился Волк.

— Подожди, это ещё не всё. Ты станешь военачальником в моей армии. Ты примешь элаитство. Ты поклянёшься мне в верности. И последнее, ты откажешься от любых притязаний на трон Суломатя. Если эти условия тебя устраивают, то я приму тебя.

— Твои условия тяжелы, государь... Но я согласен.

Всё обернулось не так, как рассчитывал Николай Строгов. Вместо того, чтобы увязнуть в кровавой борьбе с Петром и ослабить друг друга, его племянник Всеслав вернулся в Древгород сохранив и приумножив свои силы. Теперь город наполнен его войсками, его соглядатаями. Горожане ходят радостные и всячески славят «законного государя». Сам Всеслав развил какую-то непонятную деятельность, перекраивая устоявшееся годами устройство войска. Самое ужасное в этом было то, что ему никто не возражал. Николай хотел пообщаться с Всеславом, но опасался лишний раз показываться ему на глаза и

поднимать серьёзные темы в беседах. Как-никак племянник может припомнить ему предательство, службу у Петра и непомерное присвоение денег, проводимое исправником с помощью Дворцовой стражи.

Надежда на то, что Всеслав забыл исчезла в одно мгновение. Однажды на пиру он провозгласил, что назначает Николая командующим Гвардией Единого. Под одобрительные возгласы собравшихся тому пришлось принять столь щедрое предложение. Затем оказалось, что по новой задумке Всеслава стража должна иметь боевой опыт. Поэтому все две тысячи бойцов, что были под рукой у Николая он переводит в крепости у Мирлийских гор. А вместо них в Древгород придут бойцы, которые уже там отслужили. Пока же замена не произойдёт, порядок в городе будут поддерживать гвардейцы.

Всё. Это был конец. Николаю захотелось выхватить кинжал и перерезать себе горло прямо здесь, за столом. В ту ночь он не спал вовсе. Во вторую тоже. Но как ни странно, ничего особенного не случилось. Всеслав не поднимал никаких неудобных вопросов. Заморские гвардейцы хоть и были настоящими фанатиками элаитства, но дисциплина у них была железная. Приказы Николая они выполняли неукоснительно. Однако бывшего исправника Дворцовой стражи не покидало ощущение, что он стал заложником. Гвардия выполняет лишь указы по службе. Но если будет нужно, то они спокойно арестуют своего командующего и посадят на цепь. А потом так же дисциплинированно будут его сторожить.

Утренние лучи застали Николая Строгова не в постели. Он стоял перед Всеславом, который даже прислал за дядей отряд гвардейцев. Вот и ответ на вопрос, кого на самом деле слушаются эти заморские головорезы. Вроде командует ими Николай, но при этом они спокойно являются к нему в терем по приказу Всеслава. Князь улыбаясь посмотрел на своего дядю.

— Совсем ты службу позабыл, — сказал Всеслав, крутя в руках свёрнутую в трубку бумажку. — Воин встаёт ещё до рассвета. А уж ратный начальник и подавно.

— То на войне, — попытался отшутиться Николай, — а у нас мир.

— Мир... Давно ли в Рустовесской земле был мир? Ладно, это всё просто разговоры. Вот, гляди, почитай.

Николай взял из рук Всеслава бумагу. Это был список купцов и ремесленников. На лбу командующего гвардией выступил пот. Большинство из списка были теми, кто участвовал в заговоре против державной власти в четырёхста шестнадцатом году.

— И что это за список? — осторожно поинтересовался Николай.

— Ты наверняка помнишь, что я готовлюсь к большой войне. А для большой войны нужно собрать много средств и запасов. Вот эти вот люди выступают против того, чтобы я ввёл купечество и ремесленников в число служилых сословий. Почему, интересно? Ведь на их личном благополучии это никак не скажется. Но читая список я понял. Почти все из них выступили против меня в своё время. А значит они до сих пор считают себя моими врагами. Именно поэтому они не хотят служить государству. Не хотят, чтобы их боевики были переведены в Путевые отряды.

— И... Что ты хочешь?

— Я хочу, чтобы ты арестовал этих людей. Прямо сейчас. Бери гвардейцев и приступай. Или у тебя есть на этот счёт возражения?

— Вовсе нет, — растерянно ответил Николай. — Пойду выполнять...

В полдень толпа горожан собралась на площади у лобного места. Глашатай сначала зачитал указ державного князя Всеслава Строгова, повелевающий считать купцов и

ремесленников служилими государевыми людьми. Все они должны были купить особые грамоты на право заниматься своими делами. Там же говорилось о запрете купцам содержать личные отряды боевиков. В течение трёх месяцев со дня оглашения указа, все боевики должны были перейти на службу в державные Путьевые отряды. А купцам повелевалось нанимать бойцов только оттуда. Взойдя на лобное место Всеслав обратился к горожанам только с одним вопросом: справедливо ли то, что он задумал учинить в отношении купцов и ремесленников? «Справедливо, государь, справедливо!» — тут же отозвались тысячи голосов. Николай Строгов не мог понять одного, что же случилось с Всеславом во время ссылки в Яблочном остроге. Тот князь, каким он его запомнил, не стал бы обращаться к толпе с подобными вопросами. Полтора десятка купцов и ремесленников, арестованных Николаем, представили людям как крамольников, воспротивившихся указу Всеслава. И тут же глашатай зачитал приказ государя о их казни.

После её завершения, Всеслав поднялся на окровавленный помост и вновь заговорил с людьми.

— Жестоко ли я поступил с этими людьми? — он указал на тела и отрубленные головы. — Конечно, жестоко! Но не осталось у нас иного выбора. Бедная земля наша доведена мятежниками, предателями и бандитами до крайнего истощения. Мягкость и милосердие уже не смогут спасти её. Остаётся лишь последнее средство, крайнее средство. Так и только так будет с каждым, кто бросит вызов державной власти.

Толпа одобрительно загудела. Всеслав неожиданно обратился к Николаю, призывая его подняться на лобное место.

— Мой дядя, Николай Строгов, много лет верой и правдой служил моему отцу, Лесьяру Строгову. Служил и мне. Пока в один прекрасный день не вознамерился предать меня. Предав меня, он служил моему брату Петру. Но и его он тоже предал.

— Нет, что ты, Всеслав! — Николай Строгов в ужасе сорвался на истерический крик. — Я верен тебе! Верен!

— Вот как? И в случае надобности ты отдашь за меня жизнь?

— Отдам жизнь даже не раздумывая!

— Даже не раздумывая, вот как? Это очень хорошо. Казните его!

Рослые гвардейцы навалились на Николая как раз в тот момент, когда он потянулся к рукояти меча. В два счёта они разоружили его, сняли плащ и положили голову на плаху. Три взмаха топора навсегда вычеркнули исправника Дворцовой стражи Николая Строгова из земной жизни.

Конница Лютогоста шла за ними по пятам уже несколько суток. Пётр сбился со счёта. Охрана понесла большие потери, еда заканчивалась. Ладыя Поместной стражи везла их в течение двух дней вверх по течению Рустовеси, после чего их высадили, дали в дорогу денег и попрощались. Ладыя скрылась из виду, а они остались. В окрестных селениях удалось раздобыть повозки и лошадей. А вскоре оказалось, что беглецов преследует Лютогост, который ведёт конную сотню. Час назад уставшие и голодные беглецы заперлись в остроге, что находился в месте, где воды Тумавеси соединялись с волнами Рустовеси. Это была граница Гужвоземья. Дальше лежали владения Дома Юрьевых. Начальник гарнизона принял их весьма радушно, предложив им еду, кров и ночлег. Теперь нужно было думать, что делать дальше. Пётр пытался. В конце концов он державный князь и все ждут его решения.

Егор Михайлов без аппетита ковырялся ложкой в остывшей гороховой похлёбке. Всякое бывало в жизни. Но как он умудрился посадить на ладью своего князя, его жену, ребёнка, жену Лютогоста с детьми, залезть на борт сам, а свою собственную супругу забыть. Как?! Он увидел, что Агата осталась на песке только когда ладья уже стала править к центру реки. Видел, как Агату окружили конники Всеслава Строгова. Егор был готов броситься ей на выручку, приказал капитану разворачиваться обратно, но тот отказался. Пётр был склонен вернуться за Агатой, но тут вмешался этот дерьмец Корнил Шахов. Он убедил князя, что шансов забрать жену Егора уже нет и рисковать нельзя. Когда Егор выхватил саблю и бросился на офицера Дворцовой стражи, командовавшего ладьёй, Корнил помог скрутить строптивного начальника охраны. Агата осталась на берегу. Что с ней сейчас? Скорее всего конники просто её изнасилуют и убьют. Если только среди них не найдётся офицера, который мог бы их урезонить. Если она цела, то что думает? Наверняка решит, что Егор бросил её специально. Он знал жену и понимал, о чём она подумает. Сначала отобрал у неё сына, а потом бросил саму. Вот, что она решит! Остывшая гороховая похлёбка наконец привлекла его внимание. Егор ещё некоторое время размешивал её деревянной ложкой, а потом принялся хлебать.

Из всех присутствовавших только Корнил Шахов не раскисал и не терял уверенности. Вера с Элли и детьми забились в угол и тихо о чём то трепались. Егор Михайлов молча ел похлёбку. Пётр впал в жуткое уныние. Только он, Корнил, может повлиять на государя, убедить его, что борьба только началась. И так оно и есть. Если Пётр решит драться, то у Корнилы будет шанс завоевать себе высокое положение. Если же он выберет сдачу, то дни Корнилы сочтены. Своего брата Всеслав ещё может и помилует, а вот бывшего низкородного воеводу, да ещё и любовника его невестки он точно повесит. А если не повесит Всеслав, то зарубит Лютогост. Выбор не велик. Корнилу уже почти удалось убедить Петра, что никакой мир не возможен, только война до победного конца. Пётр уже кивал головой, когда голос подала Элли.

— Почему же невозможно? — сказала она с почти детской наивностью. — Я помогу заключить мир.

— Это как? — спросил Пётр.

— Нас ведь преследует мой муж, Лютогост. Я смогу уговорить его заключить мир. Мы поедem к нему с мальчиками. Вы ведь не боитесь, — обратилась Элли к сыновьям. Кузьма и Фёдор охотно закивали головами. — Вот. Они не боятся. Мы поедem и я на коленях выпрошу у него милосердия... Для всех нас. Хватит проливать кровь.

Корнил Шахов был в бешенстве. Мерзкая дубовая дурилка. Что эта шлепохвостка городит?! Мир... Какой ещё мир, какое прощение!!! Если бы Корнил дал волю чувствам, то, вскочив, он мог бы запросто перевернуть всю комнату и раскидать десяток молодцев, такая им овладела ярость. Но он не стал спорить. Лицо его сохранило совершенно непроницаемое выражение. Спорить здесь бессмысленно, переубедить никого не получится. Элли уверена, что уговорит мужа простить их всех. Пётр поверил, что это выход. Нужно решать по другому.

— Ты права, любовь моя, — Корнил подошёл к Элли. — У тебя всё получится. Я провожу тебя и детей за ворота.

— О... Милый, — Элли расплылась в совершенно неуместной улыбке и полезла целоваться. Корнил осторожно отстранил её от себя. — Ты проводишь нас? Да, действительно, зачем терять время? Так что, Пётр, ты отпустишь меня?

— Да, само собой, конечно, Элли. Езжай.

На конюшне Корнил смог убедить Элли временно оставить их дочь у местных жителей. Женщина согласилась, что являться к мужу с ребёнком от другого мужчины крайне неосмотрительно. Одна из ремесленных семей, проживающих в остроге взяла дочь Корнила себе. «Ненадолго», — пообещал Корнил, дав им денег. Любовница долго прощалась с ребёнком, обнимала и даже плакала. Двухлетняя девочка сильно испугалась, но её успокоили. Корнил Шахов выехал с Элли и её сыновьями через южные ворота. Где-то там примерно в одном дневном переходе расположился отряд Лютогоста. Элли надеется вымолить у мужа жизнь для всех них, по наивности не подозревая, что того, кого она называет любимым, муж в живых точно не оставит. Свой выбор она сделала сама.

Пётр велел всем ложиться спать. Беглецы уже начали укладываться, когда в комнату с шумом ворвался Корнил Шахов.

— Всё, уходим, срочно, — выкрикнул он. — Гарнизон с собой уводим, я офицеров предупредил.

— Что случилось? — Пётр с недоумением смотрел на Корнила.

— Никакого мира не будет. Элли решила вернуться к мужу. Сыновья её уговорили. Лютогост же их отец! А нам срочно надо бежать. За рекой уже Густошумье, туда княжеская конница не сунется. Будем воевать.

— Значит Элли вдруг решила вернуться к мужу? — спросил Егор Михайлов, оглядывая Корнила, одежда которого была забрызгана кровью. — С чего бы вдруг?

— Мне по чём знать? Поняла, что любит его, наверное. Особенно когда сыновья ныть начали. В любом случае нам надо немедленно убираться!

Конники подошли к острогу рано утром. Жители его были на месте, но гарнизон в полном составе ушёл в Густошумье. Как сказали обитатели, увёл их державный князь Пётр Строгов. На дороге недалеко от южных ворот всадники обнаружили три тела. Лютогост отправился посмотреть. Посередине дороги лежал обезглавленный женский труп. Голова была уложена на груди, будто покойница держала её в руках. Слева и справа от неё были два мальчишеских тела, также державших свои головы на груди. Лютогост взял женскую голову и дыхание его перехватило от ужаса и гнева. Он узнал свою супругу Элли.

Успокоить брата было очень сложно. Вернувшийся из похода Лютогост был в ярости. Он требовал у Всеслава дать ему войско и обещал спалить всё Густошумье, а если понадобится, то и другие пределы, если в них посмеет укрыться Пётр со своими приспешниками.

— Мы обязательно найдём его и накажем, — увещевал брата Всеслав. — Мы вернулись в Древгород, чтобы восстановить власть нашего Дома над Рустовесьем. Но нужно действовать осторожно. Пока время медлить. Мы покараем всех наших врагов.

— Я мог успеть. Я бы успел, — упрямо твердил Лютогост, — если бы тебе не взбрело в голову вести эту девку в Вешневодье. Из-за этого я потерял сутки. Тогда бы Элли могла выжить! И мои сыновья!!!

— Послушай, если бы я знал, как всё обернётся, я бы не стал делать остановки. Но мне не дано видеть будущее и не дано изменять то, что произошло. Прошу тебя, успокойся. Ты очень мне нужен.

Успокаивать Лютогоста пришли супруга Всеслава Зима и Волк Озеров. Волк, только что сам потерявший жену и детей, сказал, что хочет поговорить с Лютогостом. Всеслав не

возражал. Зима тоже вызвалась сама. Устав от этой суеты, Всеслав решил отправиться на пристани Древгорода, чтобы осмотреть купеческие склады. С ним поехал десяток телохранителей.

Горожане приветствовали князя. Он в ответ махал им рукой. Всеславу было необходимо, чтобы Пётр сумел сбежать в какой-нибудь из пределов. Так появлялся отличный повод для войны. Причём не только для Всеслава. Но говорить об этом Лютогосту сейчас нельзя. Не поймёт. Именно для того, чтобы дать Петру сбежать, Всеслав приостановил преследование почти на сутки, а не за тем, чтобы проводить Агату в Вешневодье. То был лишь повод. Если бы глупая Элли не сбежала вслед за своим любовником, то всё было бы замечательно. Интересно, кто её убил?

Над головами горожан сверкнул острием дротик. Всеслав успел среагировать лишь в последний момент, машинально отмахнувшись от угрозы. Резкая боль прошила левую руку. Разорванный на предплечье кафтан окрасился кровью. Телохранители немедленно прикрыли Всеслава щитами, но вроде угрозы больше не было. Метавший бросился бежать через торговые ряды, разнося на своём пути прилавки и переворачивая корзинки с пирожками и прочими яствами. Кто-то из торговцев подставил беглецу подножку и тот повалился на пол, застигнутый преследовавшими его горожанами и гвардейцами.

Глава 5 Очевидный выбор

Всеслава быстро сопроводили в резиденцию и усадили на скамью. Тут же появился лекарь, который принялся прочищать рану, останавливать кровь и накладывать повязки. Зима пришла к мужу быстрее всех, тут же принявшись суетиться вокруг него, заполнив комнату обычными в подобных случаях женскими причитаниями. Смочила в воде платок и протёрла испарину на его побледневшем лице. Всеслав наблюдал за тем, как она легко двигается, не смотря на круглый живот. Ей ведь совсем скоро рожать. Придворный хронист, Миша Воробей, с поклоном войдя в комнату, резко остановившись удивлённо выдал:

— Что с Вами, государь?

— Что со мной? — переспросил Всеслав. — С коня упал, ногу сломал.

— Аааааа... — впавший в ступор хронист переводил взгляд с крепких княжеских ног на окровавленную руку.

— Ну что, «аааа», сам не видишь? Ранили меня. В руку. В левую. Зачем глупые вопросы задаёшь?

— Вовсе нет, господин, — тут же нашёлся Миша, — я испрашиваю о подробностях. Ибо Вы сами велели мне писать историю о Вашем правлении. Или этот случай не упоминать в хронике?

— Упоминать надо. Пока просто сам не знаю что к чему.

«Брат, ты как? — в комнату вошёл Лютогост. — Рука? Значит всё хорошо». Вместе с ним явился Волк Озеров. Похоже, они вполне хорошо поладили, отметил Всеслав. Лютогост, видя ранение брата, не сохранил на своём лице ни намёка на только что имевшую место быть подавленность и уныние, связанные с гибелью жены и детей. Не кричал и не требовал больше дать ему войско. Покушение на жизнь Всеслава он воспринял как личный вызов и был готов всячески помогать.

— Кто? — единственное, что он спросил.

— Пока не знаю. Убийцу задержали, Трифон Кривин его допрашивает.

Через какое-то время появился сам вновь назначенный исправник воссозданной Тайной стражи. Виновато развёл руками.

— Молчит. Вообще ни слова не сказал. Я всю морду ему расквасил, а он даже звука не произнёс.

— Всё ясно, — ответил Всеслав. — Зовите Дрочку. Как раз для него работа.

Прошло не меньше получаса, прежде чем Трифон Кривин отыскал пыточных дел мастера. Светловолосый парень с голубыми глазами был совершенно безразличен к понуканиям и крикам. Ругаться на него было бесполезно. Лишь заметив Всеслава, он открыл рот и, капая слюнями, вожделенно изрёк: «Ооооо, госудаааарь!» «Так, — сказал ему Всеслав, — Дрочка, для тебя есть работа. Бери свой сундучок и ступай за исправником, он отведёт тебя к человеку, у которого ты должен узнать секрет». Услышав про сундучок и секрет, Дрочка тут же оживился. Глаза его закрутились в разные стороны и засверкали осмысленностью. Он начал потирать ручонки и слегка подпрыгивать. Правда, со стороны это больше походило на нервные конвульсии. Дрочка так быстро бросился исполнять поручение, что Трифон Кривин едва за ним поспел. Миша Воробей тоже отпросился попристутствовать на допросе. За всю свою жизнь он ни разу не присутствовал на подобных мероприятиях и поэтому решил восполнить пробел. «Пригодится для написания

хроники», — решил он.

Трифон Кривин привёл их в древгородскую темницу. За решёткой в одном из помещений находился прикованный к стене человек, метавший дротик в князя Всеслава. Лицо его было разбито, из рассечённых губ и сломанного носа текла кровь. С лёгким пренебрежением человек посмотрел на вошедших. «Вот, Дрочка, — сказал Трифон Кривин, — у этого человека есть секрет. Его нужно выведать». Миша Воробей встал в уголке подальше, чтобы не мешаться. Дрочка тем временем с вожделенным причмокиванием открыл принесённый сундучок и стал извлекать из него свои страшные инструменты. Хронист подивился тому, в каком они были хорошем состоянии. Многие даже отсвечивали сталью. Далеко не все воины содержали своё оружие в подобном порядке. Что было ещё более удивительно с учётом того, насколько неопрятен был сам обладатель сундучка. Лишь напоминания Всеслава заставляли его посещать баню. Тем временем Дрочка взял в руки какой-то причудливо изогнутый ножичек и подошёл к человеку. «У всех есть секреты, — тихим убаюкивающим голосом произнёс Дрочка. — Где в твоём теле спрятан секрет про нашего государя?» Лезвие ножичка аккуратно вошло в плоть прикованного. Темница наполнилась ужасающим воплем. Мишу бросило в пот...

Зима присела рядом с Всеславом, положив ему на плечо голову. Он приобнял её здоровой рукой, но потом слегка отстранил. Негоже показывать супружеские нежности на людях. Прислужница по распоряжению Зимы принесла квас. Все принялись пить. Всеслав, которого мучило от потери крови, отказался. Просто наблюдал, как хлебают из деревянных кружек его приближённые. С улицы доносились команды, это офицеры натаскивали на плацу новобранцев. Волк Озеров отмахнулся от густо жужжавшей пчелы, залетевшей в открытые ставни.

— Брат, — обратился Всеслав к Лютогосту, — ты не скучаешь по временам, когда водил в бой Старшую дружину?

— Скучаю, конечно. А что?

— Хочу, чтобы ты возглавил полки тяжёлой конницы в моей новой армии. Лучше тебя с этим делом никто не справится.

— Значит теперь Старшей дружины не будет?

— Будет тяжёлая конница. Более многочисленная, чем Старшая дружина. Но на её создание нужно время. Ты этим и займёшься. Согласен?

— Конечно же! Если в бой, то хоть сейчас.

— Сейчас рано. Нам сначала нужно будет посетить Солоплаж и предельного князя Харитона Волкова.

— Ай, — прервала разговор мужчин Зима, хватаясь за живот. — Ой!

— Ты что, любимая?

— Ай... Да что? О... Было у меня уже такое. Похоже, началось, рожаю!

Прибежавшие прислужницы и воспитанницы быстро увели госпожу на женскую половину. Лютогост и Волк проводили их печальными взглядами, после чего понимающе переглянулись друг с другом. Всеслав почувствовал себя рядом с ними неудобно. Жена, которая рожает, дети которые живы и здоровы. А они лишились будущего. Того, что делает мужчину сильным и уверенным в себе. Надо будет подыскать им невест.

Появившийся Трифон Кривин выглядел весьма удивлённо.

— Не знаю, государь, где Вы нашли этого Дрочку, но это невероятно. Он разговорил убийцу меньше, чем за полчаса. Я не ожидал такого!

— Что известно?

— Убийцу подослали Булатовы. Он офицер личной охраны Видогоста. Как раз такими делами промышляет. Когда Вы вернулись в Древгород, Видогост с войском у Солёных топей был. Как только узнал, сразу послал убийцу. Тот пытался ближе пробраться, но не смог. Решил из толпы попробовать.

— Значит, Булатовы, — удовлетворённо произнёс Всеслав. — Отличный повод нам подарил Видогост!

— Так что, в поход пойдём? — спросил Волк.

— Пойдём. Но позже. Сейчас надо в Солоплаж визит совершить. Кстати, а где Миша Воробей? Пусть запишет всё.

— В нужнике он, выворачивает его сильно. Очень его ваш Дрочка впечатлил за работой. По правде говоря, я и сам не ожидал подобного.

— А Дрочка где сейчас?

— В темнице пока. К Вам прислать?

— Не надо. Он теперь будет свои инструменты мыть и в сундучок раскладывать. Дело он сделал, пусть гуляет. Распорядись, чтобы его накормили.

Пётр Строгов был очень ласково принят при дворе Хотена Юрьева. Его спутников разместили в резиденции предельного князя и сразу же дали место за столом. Сам Пётр со своим телохранителем Егором Михайловым направился в Большой зал. Стоя у подножия престола владык Густошумья, Пётр задумался о том, насколько похожи все эти Большие залы в Рустовесской земле. Начиная с державного в Древгороде, заканчивая залами в станových острогах. Вход, прямоугольный зал, трон на противоположном конце от входа... Конечно, хозяева пытались как-то разнообразить убранство, чтобы выделиться. Но и разнообразие это было однотипным — знамёна, щиты, оружие на стенах и выкрашенный разными цветами пол. От размышлений Петра отвлек Хотен Юрьев, спустившийся к юноше с трона.

— Приветствую моего государя, — произнёс он громко, обнимая Петра как родного сына. — Что заставило тебя посетить мои скромные вольные земли?

— Мятеж, — сухо ответил Пётр. — Мятеж и предательство!

— Ужасно, ужасно. В коварное время мы живём. При отце твоём не было таких ужасных событий, такого коварства и лжи. Да упокоят пресветлые боги его душу! Так что же ты хотел в вольном Густошумье?

— Хочу просить дать убежище мне и моим спутникам. А также военную и политическую помощь.

— Лесьяр Строгов был моим другом. Сын его, мой законный государь, мне тоже друг. Поэтому можешь гостить в моих землях столько, сколько нужно. Но вот о какой именно помощи ты говоришь?

— Помогите собрать Вежинское содружество и предоставьте мне войско для возвращения в Древгород.

— Содружество, войско, Древгород, всё это означает войну. Война это расходы, кровь. Зачем мне это?

— Но вы были одним из гарантов выполнения условий мира! Сохранение моей власти и есть важнейшее условие. Без этого начнётся пересмотр итогов войны. И поверьте, мой брат

Всеслав наверняка захочет вернуть утраченное могущество.

— Пётр, мой добрый друг, — заулыбался Хотен, — не надо пугать меня страшилками. Митрофан, — обратился предельный князь к старшему писарю, — принеси сюда письмо.

Митрофан вернулся, держа в руках свиток. Поклонившись, протянул его Петру. Молодой князь осмотрел сломанную печать Дома Строговых, развернул грубую хрустящую бумагу. Документ удостоверял, что написан он державным князем Всеславом. Из текста следовало, что новый государь Рустовесской земли не имеет никакого желания пересматривать итоги мира четырёхста шестнадцатого года. Напротив, он обещает блюсти все права и привилегии, кои были получены предельными князьями. Дочитав, Пётр усмехнулся и вернул свиток писарю.

— Вы верите, что мой брат действительно остановится на достигнутом и не будет никак покушаться на ваши вольности?

— Вот письмо, вот подписи. У Всеслава нет сейчас достаточно сил, чтобы покушаться. Ему не победить Вежинское содружество.

— Одно условие мира он уже нарушил, изгнав меня из Древгорода. Думаете, ему что-то помешает замахнуться на интересы предельных князей?

— Оставим эти бесплодные споры, — Хотен Юрьев по дружески положил руку на плечо Петра. — Ты предлагаешь мне войну, а твой брат сулит мне мир. Что выбрать? Я как вольный владетель своих земель выбираю мир. Пойдём, покажу тебе кое-что.

Хотен Юрьев увлёк Петра за собой. Вслед за ними шли начальник Поместной стражи Густошумья и Егор Михайлов. Телохранитель Петра осторожно приглядывался к встречным, придерживая качающуюся на поясе саблю. От этих Юрьевых ожидать можно всё, что угодно. Особенно с учётом отказа предельного князя оказать содействие в возвращении Петра на престол. Им ничего не стоит схватить его сейчас и отдать Всеславу.

Владыка Густошумья провёл гостей через двор резиденции, который был заполнен бойцами Старшей дружины. «А воинов-то поубавилось, — отметил про себя Егор, — раньше больше было». Кровавая междоусобная война и разорение земель затронули все пределы. Множество представителей знатнейших Домов полегли на полях сражений. А ведь именно из них и формировалась тяжёлая конница державного и предельных князей. Скрип открываемых дубовых дверей темницы вернул мысли Егора к вопросам безопасности его господина. Зачем их ведут в темницу? В случае чего, он не спасёт Петра от гибели или плена, но заставит дорого заплатить любого, кто покусится на него. Здешняя темница, в отличие от заключенницы Древгорода была не столь обширна и глубока. Сделана она была из дуба, а не из камня. Тем не менее и в ней чувствовалась безысходность кандалников, обречённых княжеской волей на заточение. Спустившись по ступенькам, они достигли самой глубокой темницы. Холод смешивался здесь с ужасающей вонью, от которой желудок был готов извергнуть всё содержимое под ноги. Оказавшись в руках начальника Поместной стражи факел, рассеял тьму. В камере на протухшей соломе сидел человек. Вернее сказать, существо, похожее на человека. Густые слипшиеся волосы, грязная борода почти до колен, чёрные лохмотья тряпок, бывших, по видимому когда-то одеждой. И вонь. Невыносимая вонь. Человек болезненно отвернулся от режущего глаза света и замахал руками.

— Знаешь, кто это? — спросил у Петра Хотен Юрьев.

— Конечно, нет.

— Ха! — усмехнулся Юрьев и в улыбке его засквозила жестокость. — Перед тобой Ростих, сын Велерада из Большого Дома Клыкковых. Владыка Камнеграда и предельный

князь Хладоручья. Мои воины взяли его в битве на Багровых полях. С тех пор он мой гость. Упорный он правда. Четыре года с него требую, чтобы он назвал меня наследником своих земель. А он отказывается. Слышишь, Ростих? Твои земли и так мои! Никто мне не помеха! Твой Дом уничтожен, и некому защитить Хладоручье от моих ратей.

— Пусть так, — тяжело заговорил кандальник. — Но ты... Не мой наследник. Эти земли Дома Строговых... И только законному державному князю я верну их...

— И вот так уже четыре года к ряду, — развёл руками Хотен Юрьев, обращаясь к Петру. — Значит, ты хочешь, чтобы я вернул тебя на трон?

— Похоже, сие не входит в Ваши планы, князь, — понимающе кивнул Пётр.

— Не входит. Но ты можешь остаться у меня гостем. Я дам тебе убежище.

— Я буду жить здесь? — Пётр указал на решётку, за которой сидел Ростих Клыкков. Егор Михайлов крепко сжал рукоять сабли, приготовившись к драке. — Или в соседней камере?

— Ха-ха-ха! — Хотен Юрьев залился громким смехом, разошедшимся эхом по всей заключёнице. — Ну что ты!? Сын моего друга и господина Лесьяра Строгова достоин того, чтобы жить в моей резиденции и есть со мной за одним столом. Если он, конечно, не враг мне. Ты ведь мне не враг?

— Мы друзья.

— Вот и славно! А ты здесь сиди, — уходя, прикрикнул на Ростиха Клыккова предельный князь Густошумья.

Харитон Волков прохаживался по лагерю, в котором расположился его отряд. Тысяча воинов, конных и пеших, устроили укреплённую стоянку недалеко от бродов через Лантину. Двадцать три года назад на этих самых бродах предельный князь Суломатья Чернек Озеров разгромил вспомогательный отряд вечерников. Совсем рядом находился могильник, где похоронили трупы захватчиков. Чуть дальше, на опушке леса была братская могила, в которой нашли последний покой воины Дома Озеровых, погибшие в том сражении. Тогда страна была едина, все князья и племена боролись с общим врагом. Такие памятные места громких побед прошлого навевали на Харитона грустные мысли. Он невольно сравнивал сияние былого величия с горьким унынием нынешних междоусобиц.

Но не интерес к событиям прошлого заставил Харитона Волкова привести войско на это место. Здесь он условился встретиться с Всеславом Строговым. Письмо от князя он получил совсем недавно. На лесть, которой были наполнены его строки, Харитон постарался не обратить внимание. Хотя ему было приятно, что Всеслав очень уважительно отозвался об отце Харитона, Олеге, павшем в битве на Багровых полях, отметив их дружбу и союз. Также новый-старый хозяин Древгорода благодарил предельного князя Солоплажа за решительную победу над войском Вечерних королей, вторгшихся в Рустовесье два года назад. Это было приятно, но главное заключалось в другом. Всеслав предлагал восстановить союз Волковых и Строговых. А без этого союза Харитону было не удержать власть над землями его отца. По крайней мере не сохранить их целиком. Так что союз очень нужен. Главное, не соглашаться сразу же на все условия и выторговать себе побольше привилегий.

Отряд Всеслава прибыл на следующее утро. О его приближении доложили разведчики. Когда на противоположном берегу реки показались конники державного князя и между стволами деревьев растеклись копыта и знамёна, Харитон Волков сел на коня. Державный князь ехал впереди своего отряда. Рядом с ним были крепкие воины в алых плащах — личная

охрана. Среди охраны Харитон заметил двух взрослых мужей, явно старших офицеров. Один наверняка был Лютогостом, братом Всеслава и одним из самых легендарных воинов Рустовесского государства. Из ныне живущих, конечно же. Лично с Лютогостом Харитон никогда не встречался, но припас для него благодарственные слова. Его рейды по северным станам Густошумья, очень мешали Юрьевым нападать на владения Харитона. Также среди этой массы закованных в сталь вооружённых мужчин, предельный князь Солоплажа заметил человека, явно не похожего на других. Одет он был как служитель одной из управ, в руках его не было оружия. Зато на поясе странного всадника болталась сумка с писарскими принадлежностями. Он довольно спокойно объезжал отряд Всеслава, разглядывал издали лагерь Харитона. И никто не делал ему замечаний, хотя шнырявший туда-сюда труженик чернил и пера явно мозолил ратникам глаза.

Замутив копытами своих коней воды Лантины, Всеслав и его воины перешли реку. Поравнявшись с Харитоном, державный князь широко улыбнулся.

— Поприветствуем друг друга как родичи? — Всеслав спустился на землю. Слегка растерявшийся Харитон последовал его примеру.

— Я... Рад видеть Вас, государь... — но слова молодого Волкова были прерваны Всеславом, заключившим юношу в крепкие объятия. Про его брата Лютогоста ходили легенды, но и сам Всеслав был очень крепок. Харитон едва не задохнулся в его железных руках. Воины Волковых и Строговых радостными криками одобрили дружеское приветствие своих властителей.

— Может, пока мои воины ставят лагерь, ты пригласишь меня поговорить в твой? Кстати, предлагаю устроить общий лагерь. Пусть твои люди разберут часть частокола, устроим общую стоянку.

— А... Да, конечно! Сотник, — обратился Харитон к одному из офицеров, — разберите южные ограждения. Устроим общий лагерь.

Оставив воинов заниматься их делами, Харитон повёл Всеслава в свой шатёр. С державным государем отправились двое старших офицеров, которых юный предельный князь заметил ещё на бродах. В шатре у Харитона Волкова было не слишком чисто прибрано, из-за чего ему стало неловко. Но Всеслав тактично не обратил внимания на беспорядок. Гости уселись на досках.

— Для начала позволь представить тебе моих спутников, — заговорил Всеслав, обводя воинов рукой. — Это мой брат Лютогост, начальствующий над тяжёлой конницей, мой первый помощник и советник. А это Волк, сын Чернека из Дома Озеровых. Он перешёл к мне на службу, стал военачальником в моей армии.

— Приветствую, — сухо сказал Харитон с нескрываемой враждебностью глядя на Волка. Это заметил Всеслав.

— Да, князь Озеров был моим врагом в прошлой войне. И он рубился в последней битве на стороне Вежинского содружества. Но времена изменились. Та война осталась в прошлом, теперь нас ждут новые походы.

— В той битве погиб мой отец, — заметил Харитон.

— В той битве победители учинили страшную резню над безоружными пленниками. Но всем известно, что устроил её Видогост Булатов. А твой отец погиб в битве, с оружием в руках.

— Ладно, мы не будем ворошить прошлое, — Харитон решил сменить тему разговора. — Взаимные претензии есть у всех. Давайте перейдём к главному.

— Справедливо, — одобрил Всеслав. — Оставим обиды и пустой трёп женщинам. Я приехал сюда, дабы предложить тебе возобновить союз между нашими Домами. Времена нынче тяжёлые. А в такие времена лучше держаться вместе. Я знаю, о чём ты говорил с моим братом. Пётр предложил тебе опираться в своих бедах на собственные силы. Я же предлагаю опираться на общие, — договаривая свою мысль, Всеслав достал свиток с гербовой печатью.

— Хм, — согласно кивнул Харитон, с любопытством глядя на свиток — времена и правда тяжкие. Но любое соглашение подразумевает условия.

— Верно. Став моим союзником ты получишь мою полную помощь против Вечерних королей, киврийцев, сваяльцев и Юрьевых. В конце концов Строговым и Волковым делить нечего. Твой отец был моим союзником. И ты будь со мной. Вот князь Озеров воевал на стороне Вежинского содружества, но теперь он мой союзник. Тебе же вообще ничего не мешает. К тому же очень престижно быть союзником государя. Это сразу повысит твоё влияние. И ещё, как я говорил, нас ждут войны и походы. А это возможность прославиться.

— Всё это правда, — ответил Харитон. — Но любой договор носит взаимный характер. Что потребуется от меня?

— Во-первых, ты признаешь меня законным государем Рустовесской земли. Во-вторых, десятая часть налогов, собираемых с Солоплажа пойдёт в государственную казну. В-третьих, твоё войско будет участвовать во всех моих походах. В-четвёртых, купцы и ремесленники твоей земли будут переведены в служилое сословие. Они должны будут купить особые грамоты на право заниматься своими делами. Их боевики перейдут на службу в государственную Путевую стражу. В-пятых, ты позволишь мне набирать рекрутов в твоих землях.

— Хох, — покачал головой Харитон Волков, — условия серьёзные.

— Ну так и мы с тобой большие люди. У таких людей только серьёзные дела могут быть.

— А что за свиток Вы держите в руках, государь?

— Сначала обговорим условия нашего союза. И если он состоится, я посвящу тебя в свои дела.

— Союз... — Харитон глубоко задумался. — Я принимаю Ваше предложение, но только с условием, что Дом Строговых гарантирует мне сохранение власти над Солоплажем.

— Конечно, — не раздумывая подтвердил Всеслав. — Волковы уже более двухсот лет правят этими землями. Зачем что-то менять?

Всеслав Строгов и Харитон Волков пожали друг другу руки в знак возобновлённого союза их Домов. После этого Всеслав протянул юноше свиток. Тот с интересом развернул гербовую бумагу и принялся читать. Это был манифест о переводе предела Хладоручье в разряд коронных земель. То есть находящихся под прямым управлением державного князя. Теперь вместо сыновей Дома Клыковых, практически полностью истреблённых в междоусобной войне, в Камнеград будут назначаться по два человека, не имеющих права наследования своих должностей. Один будет руководить военными силами, другой заниматься мирными делами — судом, хозяйствованием, сбором налогов. Дочитав, Харитон Волков поднял удивлённые глаза на Всеслава.

— Но ведь этот манифест означает...

— ...войну, — договорил за него державный князь. — Я же сказал, что впереди нас ждут походы и битвы.

Слегка выцветшее знамя беспокойно трепетало под порывами горячего южного ветра. Осталось совсем немного и он будет сменён своим северным братом-врагом, рождённым на остатках Великого ледника. Принесёт осень, дожди, зиму, морозы и снегопады. Но это потом. Пока ещё знамя колеблется на южном ветру. Чёрный глаз в золотом круге на красном поле, утверждённый на вершине одной из восточных башен Миргорода, заставил Мирину Булатову не отрываясь завороченно любоваться им. Последний год жена предельного князя Крайнесточья обрела привычку прогуливаться по крепостным стенам. Ей нравилось, что гуляя по стене она возвышалась над городской суетой, которая оставалась там, внизу. Здесь же были лишь молчаливые ратники, несшие караул. Небо отсюда казалось ближе и ярче. Но самое главное, с высоты крепостных стен открывались виды на окрестные земли, отсюда можно было полюбоваться водами Лумы и Сувы, соединяющимися прямо под городскими укреплениями. И здесь можно было слегка отдохнуть от повседневной суеты. Так же любил гулять по стенам Древгорода её покойный отец, державный князь Лесьяр Строгов. Теперь она понимала эту причуду своего отца.

Мирина безмятежно наблюдала за знаменем её Дома, возвышающемся над башней. Вот с неё наверное вид ещё лучше, но бойница слишком узкая и такого обзора не выйдет. Видя любовь своей жены к высоте и стенам Видогост решил сделать ей подарок. Он приказал разобрать свою старую резиденцию, что стояла напротив предельной, и выстроить на её месте высокую деревянную башню. Работы были уже почти завершены. Поволоку облаков разрезал солнечный луч, заставив женщину на мгновение прикрыть глаза и наклонить голову. Внизу раскинула свои воды Сува, на поверхности которой суетились рыбацкие лодочки и небольшие купеческие кораблики.

— Так и знал, что ты здесь! — Видогост, муж Мирины подошёл к супруге и обнял её за талию.

— Надо нам с тобой вместе гулять. Тебе понравится... Что-то случилось? — Мирина очень хорошо знала мужа и читала его как книгу. Сейчас от неё не утаилась его обеспокоенность.

— Да. Офицер, которого я послал убить Всеслава не справился. Только ранил его слегка. Офицера казнили.

— Думаешь, он что-то рассказал?

— Не знаю. Может быть. В любом случае, ничего не получилось.

— Что теперь? — Мирина пытливо посмотрела в глаза Видогоста. Ветер, дувший с юга трепал над ними знамя и развевал её локоны. В башне менялся караул, старший стражник прикрикнул на младших.

— Выбора нет. Всеслав на престоле державных государей не позволит мне править своим вольным княжеством. Я отдал приказ собирать войско. Мне не дали убить Всеслава тогда, четыре года назад, значит я сделаю это сейчас. Путь к победе лежит только через ворота Древгорода.

Глава 6 Вынужденный друг

С моря дул плотный солёный ветер. Дым от горящей рыбацкой деревеньки уходил прочь, расплываясь рваными клочьями среди поросшего молодыми берёзами поля. Отряд воинов направлялся к своей ладье. Вендель, младший сын одного из киврийских вождей, мрачно оглядел своих людей. Безбородые юнцы и дряхлеющие никому не нужные старики, вот основа его воинства. Проклятые рыбаки оказали отчаянное сопротивление, убив пятерых его людей. Теперь под началом Венделя осталось двадцать мечей. Самое обидное, что взять в деревне оказалось практически нечего. Судя по всему, её уже не раз грабили морские разбойники. Так что немного сыра, мяса, рыбы, четыре мешка зерна, шесть мешков картошки, маленький бочонок пива и две козы — вот за что расстались с жизнью его отчаянные мореходы. Какой-то мальчишка успел запалить сигнальную вышку и теперь нужно скорее грузить добычу на ладью, поднимать паруса, опускать вёсла и скрываться в море. У Венделя был маленький скалистый островок, на котором он устроил поселение для своего отряда. Это всё, что оставил ему старший брат после смерти отца, милостиво позволив прозябать на этом холодном сыром камне, совершая набеги на нищие земли Рустовесского государства. Кто пойдёт под руку такого ничтожного вождя? Только сопливые щенки и дряхлые мечники, которым боги не даровали счастья пасть в битве в более молодом возрасте.

Жаль, что в деревне не оказалось ни одной сколь либо привлекательной женщины. Им пришлось попользоваться каких-то тощих беззубых пугалищ, измождённых тяжёлым трудом и постоянным недоеданием. А его брат сейчас ест до отвала, спит с красотками и выводит в море флот числом до двух сотен парусов. От досады за своих погибших и злости за ничтожность награбленного, Вендель приказал сжечь эту деревеньку дотла. Чтобы в следующий раз не смущала взор во время рейдов. Пусть прибрежные падальники поживятся трупами этих нищих рыбаков. Конечно, на юге, ближе к предельному городу Удольчину поселения были побогаче и добыча пожирнее. Могла попасться и купеческая ладья. Но те края лучше защищались рустовесскими ратниками и боевиками купеческих союзов. К тому же туда Венделю соваться было запрещено. Те места были в поле интересов его брата и других вождей, настоящих, а не таких голозадых изгнанников. Попадись он там хоть даже за рыбалкой, его бы просто казнили не разбираясь.

Отряд шёл медленно, люди устали. Зайдя в ельник, росший почти у берега, Вендель позволил себе немного расслабиться. До ладьи оставалось рукой подать. Над верхушками елей морской ветер нещадно рвал белые облака, превратив большую часть из них в лохмотья. В нескольких местах лохмотья уже треснули и расплзались, обнажая ярко-голубое небо. Пахло морем и смолой. Сюда же примешивалась вонь от его воинов, но к ней он давно привык. Сам вонял ничуть не лучше.

За ельником была песчаная полоса, на которой лежало несколько валунов. За ними на отмели виднелась их ладья. Киврийцев уже ждали. Между людьми Венделя и ладьёй, на самом краю волн стояло не менее полусотни бойцов. Большинство были копейщиками, полтора десятка мечников и несколько лучников. Откуда их здесь столько? Вендель выхватил меч. Его примеру последовали остальные. Рустовесцы тоже приготовились к бою. Копейщики сомкнули щиты, выставив вперёд стальные наконечники. Мечники встали по флангам, лучники наложили на тетивы стрелы.

«В бооооой!» — Вендель первым из своих людей ринулся в атаку. Два десятка бойцов последовали за ним, из-под ног их брызгал во все стороны песок. Сзади, там где заканчивались ели и начинался берег, остались валяться брошенные мешки с зерном и картошкой, бочонок пива, круги сыра. Одна коза, испуганная неожиданным шумом, удрала в ельник. Другая, встав боком, с интересом уставилась на людей. Стрелы поразили троих морских разбойников. Киврийцы с разбегу врезались в строй копейщиков, но поломать его не смогли, не хватило сноровки и слаженности. Шестеро из них повалились со щитов на песок, пронзённые жалами копий. Оставшиеся ногами и руками пытались поколебать стену щитов, рубили подставившихся мечами. Но с флангов уже ударили меченосцы. Бой был кровавым и коротким. Весь отряд Венделя, изрубленными пунцовыми ошмётками остался лежать на морском песке.

Но ему и здесь не повезло. Все его соратники пали в бою, а Вендель уцелел. Лишь несколько неглубоких ран остались на его теле, словно насмешка богов противопоставила эти жалкие царапины увечьям, покрывшим трупы его людей. Они лежали раскинув руки, на животах и спинах, лицами в песок или глазами в небо. Лишь Вендель остался один, окружённый полусотней рустовесских воинов. Старший из них с лёгкой издёвкой приблизился к неудачливому капитану, играясь тяжёлым мечом. Вендель бросился на офицера, но смотритель не стал парировать сталью взмах его клинка. Удар ногой в живот вышиб из Венделя весь воздух. Болезненно скривившись, он согнулся и медленно повалился на забрызганный кровью песок. Дешёвенькая кольчуга от такого не страховала. Беспольный меч выпал из ослабших рук. Перед глазами заплясали глумливые снежинки. «Эээ... Сын... Кхэээ... Вождя... Я сын вождя», — сам не зная зачем выкашливал слова Вендель. Умножить свой позор вымаливанием пощады? Почему нет, боги и так отвернулись от него. А здесь, в этих суровых бедных землях они и вовсе решили над ним посмеяться. Да и вряд ли эти ратники говорят на его наречии. Перережут горло и дело с концом.

— Ты сын вождя? Какого именно вождя? — смотритель наклонился к Венделю и заглянул прямо в глаза.

— Вилфрида...

— Вилфрида Крепколобого? — оказалось, офицер сносно говорил на киврийском.

— Мы зовём его Вилфрид Флотоводец, — Вендель слегка пришёл в себя после удара. — Вернее, звали. Он умер.

— А ты его сын? Родной?

— Да.

Смотритель встал в полный рост и обратился к своим людям: «Этого свяжите, отдадим его князю Харитону». Ратники тут же навалились на Венделя. В руках одного была верёвка. Сын покойного вождя пытался сопротивляться, но ему несколько раз прописали кулаком по морде, чтобы не дёргался.

Пётр Строгов пришёл на женскую половину резиденции князей Юрьевых, чтобы повидать дочку. Годовалая Рада, названная так в честь покойной матери Петра, сверкая глазками, вцепилась в отцовскую штанину и отчаянно пыталась залезть на скамью. Непрерывно щебеча что-то на своём. Вера сидела рядом с мужем и довольно улыбалась. Пётр здесь, дочь была с ними, сейчас их жизням ничего не угрожает. Что ещё надо, чтобы женщина была спокойна? Пётр взял Раду и усадил себе на колени. Девочка с интересом

принялась разглядывать отца, норовя ухватить его за нос. Вера засмеялась. Но потом вдруг стала серьёзной. Придвинулась ближе к мужу и заговорила ему на ухо:

— Слушай, а ты уверен, что Элли с детьми действительно сбежала к Лютогосту?

— Уверен, — Пётр в этом сильно сомневался, но не хотел лишний раз беспокоить жену.

— Скажи мне правду, я же вижу, когда ты врёшь! — Вера слишком хорошо чувствовала Петра, её было не обмануть. — Мы много разговаривали. Она постоянно твердила, что любит Корнила. А Лютогоста побаивалась. А тут вдруг он пошёл её проводить и она удрала. Как так?

— Ой... Честно, я тоже не думаю, что она сбежала. Егор ещё тогда обратил моё внимание, что одежда его и клинок были испачканы кровью. Боюсь, что он сделал что-то плохое.

— Это ужасно! — Вера неосознанно прижала к себе Раду, на глазах её выступили слёзы — Я так дружила с Элли, а теперь она мертва! Агата пропала. Обещай мне, что не будешь оставлять меня вместе с Корнилом. Это ужасный человек.

— Обещаю, что не буду. Я уже попросил Егора, чтобы он приглядывал за ним. Он не причинит тебе зла.

— Но если Элли с детьми мертвы, это означает, что мира не будет?

— Да. Теперь нам с Всеславом остаётся лишь встретиться на поле битвы. Поэтому мне нужен Корнил Шахов. Он негодяй, но способен организовать толпу в войско.

— Но у тебя пока нет войска!

— Оно будет. Пока я под защитой Дома Юрьевых, Всеслав на меня не нападёт. Но я готовлюсь к войне.

Чтобы хоть как-то успокоить жену, Пётр обнял их с дочерью и прижал обеих к себе. Весело смеясь, Рада стала ковырять пальчиками рукоятку его кинжала. Пётр двумя пальцами взял Веру за подбородок, притянул к себе и принялся целовать. Губы супруги были нежны и отзывчивы. Почему им просто не жить вместе, никого не трогая и никуда не вмешиваясь. Наслаждаться друг другом, растить общих детей и смотреть как они растут? Увлечённые поцелуем, они не услышали, что с улицы доносится тревожный гул боевых горнов. Рада возилась между родителями, поочерёдно дёргая отца и мать за одежду. В эти мгновения Вера чувствовала, что она самый счастливый человек в Рустовесье. Все любимые сейчас рядом с ней. Рядом с молодыми Строговыми кто-то осторожно покашлял, заставив их прервать целования. Егор Михайлов с извиняющимся видом смотрел на своего господина. Смущённая Вера взяла на руки Раду и принялась плести ей косичку, словно бы она этим только и занималась. «Князь Юрьев немедленно требует нас к себе», — сказал Егор.

Спустя несколько минут они явились в Ратный зал резиденции. Хотен Юрьев в окружении старших офицеров был там. Здесь же Пётр заметил и Корнила Шахова. Предельный князь Густошумья выслушивал доклад начальствующего над разведчиками. Тревожное гудение горнов за окнами не прекращалось. В Ратный зал с улицы доносился шум, свойственный наспех поднятому воинству — выкрики офицеров, топот сотен ног, гул голосов, позвякивание оружия, ржание коней. Отдав необходимые распоряжения и отправив офицеров исполнять их, Хотен Юрьев обратил внимание на Петра:

— Мой добрый друг Пётр, сын Лесьяра! Знаешь ли ты, что происходит?

— Я догадываюсь, но лучше Вам всё же пояснить.

— Сваяльцы. С тех пор как они предали меня и Вежинское содружество в битве на Багровых полях, война не прекращается. Их отряд вновь появился недалеко от города.

— Я могу помочь в его обороне? — Пётр решил первым предложить своё участие. Ему будет нужна поддержка Дома Юрьевых в борьбе против Всеслава, а значит дружбу необходимо всячески скреплять.

— Как хорошо, что ты сам заговорил о помощи! У тебя ведь полсотни бойцов?

— Восемьдесят шесть. Мы готовы вместе с Вашими ратниками оборонять город.

— Отлично, замечательно! Поднимай свой отряд. Кстати, сваяльцы ещё не подошли к стенам. Я предупреждён заранее. Биться будем на реке.

Восточные ворота скрипнули и на тракт потекла позвякивающая оружием колонна войск. Старшая и Младшая дружины, Железное войско, Поместное войско и ополчение, после тяжёлых потерь прошедших лет ставшее обязательной составной частью всех княжеских ратей. Без наспех вооружённых копьями горожан и крестьян воинства предельных князей уже не могли обходиться. Конница двигалась впереди, за ней шла пехота. Смешанный отряд Петра Строгова находился в хвосте колонны. Вёл его Корнил Шахов. Сам же изгнанный державный князь ехал рядом с Хотеном Юрьевым. Потревоженные жительницы Белошумья вышли на улицы, провожая обеспокоенными взглядами своих защитников. Пётр разглядывал чёрные остовы домов, поросшие травой — остатки разграбленного и сожжённого сваяльцами посада. Это случилось четыре года назад, когда их войско покинуло поле битвы, а остальным силам Дома Юрьевых пришлось оставаться. Всеслав и его союзники были уничтожены. Но пока шло сражение и решалась судьба побеждённых, сваяльцы успели разграбить многие станы Густошумья, по которым они отступали в свои земли. На их пути лежала столица предела, которую они тоже атаковали. Прорваться в город не смогли, Поместная стража и горожане стояли насмерть. Но зато разграбили и сожгли посад. С тех пор шла непрерывная война. В прошлые столетия усмирять непокорных сваяльцев приходили ратники со всех уголков Рустовесской державы. Теперь не так. Юрьевы бились с ними один на один, что и обусловило затяжной характер противостояния. Ни одна из сторон не имела сил добиться решающего успеха.

Рустовесь в этих краях была не так полноводна как на юге, у Древгорода. Но тем не менее это была значительная река. Через час с лишним пути войско ведомое Хотеном Юрьевым оказалось у стоявшего на берегу маленького острога. Задачей гарнизона этой небольшой крепости было принять на себя первый удар сваяльцев, задержать их и подать сигнал о нападении. Так происходило уже много раз и сегодняшний день не стал исключением. На берегу стояли лодки и лады. Группа воинов штурмовала крепость, она была малочисленной и довольно плохо вооружённой. Более крупный отряд строился ниже по течению, явно ожидая княжеской рати. Эти были с доспехами и большими щитами. Большинство держало в руках излюбленное оружие этого племенного союза — боевые топоры. Над воинством врага развевались чёрные знамёна с ликом лешего, который показывался из тьмы лишь зелёными глазами и окровавленной пастью. С правого фланга находился конный отряд. Пётр, указывая рукой на всадников обратился к Хотену Юрьеву:

— Но ведь племенные союзы не имеют конницы.

— Ах, — улыбнулся тот, — ты путаешь. Племенным союзам запрещено иметь боевые отряды всадников. Но они всегда могут их создать, если ослушаются. Вот сваяльцы никого больше не слушают и поступают по собственной воле. Ну что, — обратился князь Юрьев к своим офицерам, — вновь пришло время битвы!

Войско Юрьевых развернулось в боевые порядки и оцетинившись копьями поползло в сторону сваяльцев. Петру и его людям было приказано оставаться в резерве. Пожав плечами

изгнанный державный князь стал наблюдать за полем боя. Враги обменялись порциями стрел, вырвавшими из их рядов несколько десятков бойцов. Сваяльцы, не дожидаясь пока к ним подойдут Юрьевы, сами ринулись на них в атаку. На берегу Рустовеси, около острога закипела кровавая сеча. На удивление Петра, Хотен Юрьев выставил вперёд не Железное войско, а обычное городское ополчение. Свирепые сыновья лешего, размахивая своими топорами, сломали построения ополченцев и принялись беспощадно рубить их. Тем временем сваяльская конница налетела на княжеских всадников. Конники Юрьевых стремились ударить грудь в грудь, как привыкли. Но сваяльцы действовали иначе. Они метали во врага дротики и стрелы и быстро убегали, лишь при необходимости отмахиваясь от наиболее быстрых конников своими саблями и топорами. Как только Юрьевы отходили обратно, сваяльцы вновь на них набрасывались. И этот кровавый хоровод похож был нескончаем.

Тем временем из леса показались новые воины под чёрными знамёнами. Не тратя время попусту, они накинулись на Юрьевых. Предельный князь похоже не ожидал такой увёртки. Он как раз собирался бросить Железное войско на помощь ополченцам, терпящим жестокий урон. Теперь же пришлось разворачивать тяжёлых копейщиков против нового отряда. Поддержку ополченцам теперь могли оказать только лучники, которые уже растратили солидную часть своего боезапаса. Железное войско сошлось с новым отрядом. Исход сражения вновь оказался под вопросом. Сваяльцы и Юрьевы убивали и умирали не в силах нанести решающего удара. Однако Пётр заметил как свирепые лесные воители постепенно давят ополченцев. Ещё немного времени и оборона их рухнет окончательно, заполнив поле у берега реки сотнями убегающих людей, переставших быть войском. Неведомо откуда пришедшее понимание озарило разум Петра Строгова. Он понял где сейчас у сваяльцев самое слабое место. Молча вынул меч и приказал своим воинам следовать за ним. Это случилось настолько внезапно, что Егор Михайлов даже не успел отговорить своего князя. Находящийся неподалёку Корнил Шахов лишь довольно улыбнулся и прикрикнул на замешкавшихся бойцов: «Вы слышали князя, шваль поганая, в бой!»

Конные и пешие воины Петра Строгова врезались во фланг того сваяльского отряда, что теснил ополченцев. Натиск был настолько неожиданным, что сваяльцы попятились. Это придало сил ополченцам и они, сомкнув ряды, тоже атаковали врага. Завязалась кровавая рукопашная схватка. Вокруг Петра теснились, убивая друг друга ополченцы Юрьевых, его собственные люди и сыновья лешего. Задрезав, впила в его щит пущенная сваяльским лучником стрела. Пётр бил мечом пеших врагов. В это мгновение кто-то подрубил ноги его коня и заржавший испуганный зверь рухнул в людскую кашу. Увидев, что его князь упал, Егор Михайлов сам немедленно соскочил с коня и оказался рядом, готовый прикрыть своего господина. Но Пётр был невредим. Он поднялся и тут же схватился со сваяльскими ратниками. Егор встал рядом. Видя, что князь бьётся на равных рядом с ними, воины очень приободрились. Сваяльцев начали оттеснять к воде и лесу. Изгнанным молодым князем овладело удивительное воодушевление, будто кровь его лихорадило от какого-то чудесного эликсира. Пётр не чувствовал ни боли, ни усталости, круша всё на своём пути. Такого в его жизни ещё не бывало. Беспощадно орудуя клинком, он отрубил руку одному из сваяльских пехотинцев. Другому едва не снёс начисто голову, расколов череп вместе с дешёвой железной шапкой. Когда бой закипел уже под стенами острога, над войском сваяльцев раздался гул боевого рога. Дувший в него музыкант изо всех сил выводил своеобразный мотив. Тотчас сваяльцы бросились убегать. Часть из них устремила к лодкам и ладьям,

другие поспешили в лес.

Хотен Юрьев приказал трубить отбой. Княжеские воины остановились, посматривая как сваяльцы отходят. Лишь Пётр Строгов, размахивая своим мечом кричал о том, что нужно добить врага. Егору Михайлову пришлось преградить князю дорогу и это едва не стоило телохранителю жизни. Пётр рвался в бой не обращая никакого внимания на уговоры. Егор подсёк его подножкой и усадил на землю, отобрав меч.

— Господин, что с вами? Угомонитесь!

— Ты чего меня успокаиваешь? Их нужно добить! Немедленно!!!

— Здесь так не делается, государь, — Хотен Юрьев, с уважительной улыбкой смотрел со спины своего коня. — Это не такая война.

— А какая это война? — Пётр, прищутив глаза от солнца поглядел на предельного князя. Постепенно безумство рукопашной схватки отпускало его. Он понемногу начал соображать.

— Сваяльцы не бежали. Они организованно отступили. Если бы мы бросились за ними, то в лесу попали бы в засаду.

— Откуда это известно? Разведка?

— Нет. Сваяльцы так всегда делают, это их манера войны. Два года назад похожая битва была. Мы побеждали, бросились их преследовать. В итоге я потерял четыреста воинов и своего троюродного брата. Если бы сам ринулся вдогонку, тоже погиб бы.

— Князь, — перебил их разговор Егор Михайлов, — пришлите своего лекаря. Разве Вы не видите, что государь ранен?

— Ох ты! — Пётр с удивлением осмотрел своё тело, словно впервые его заметил. Кольчуга была порвана в двух местах. Из предплечья торчал обломок стрелы. Льняная рубаха в которую он был одет отяжелела от пропитавшей её крови. Голова молодого князя закружилась.

Столы в Ратном зале резиденции предельного князя Густошумья были накрыты кушаньями. Несколько жаренных поросят, грибы с картошкой, свежеспеченный хлеб, сыр, очищенная лещина, уха. Хотен Юрьев приказал выкатить несколько бочек мёда, браги и пива. Предельный князь пил со своими ближайшими офицерами и военачальниками. По правую руку от него сидел забинтованный Пётр Строгов. Волей хозяина стола он был объявлен главным героем сегодняшней битвы. Молодой князь слегка морщился от болевших ран, которые лекарь почти час зашивал и обрабатывал всякими мазями. Улыбался всеобщему славословию и наслаждался хмельными напитками, дурман которых, смешавшись с горячкой сечи, наполнил голову неповторимыми ощущениями. Ему доводилось бывать в битве, у хутора Бескрайний Шиш. Но лишь сейчас он понял своего брата Лютогоста, который утверждал что наслаждение битвы нельзя сравнить ни с чем.

— Вот, — вновь заговорил Хотен Юрьев, поднявшись со скамьи, — ещё раз скажу. И любого, кто посмеет усомниться, я зарублю лично! Вот он, — пузатая деревянная кружка с мёдом, которую держал князь, качнулась в сторону Петра, — настоящий, истинный сын моего господина и друга Лесьяра Строгова. Сегодня он лично бился как и подобает великому государю. Увидев его храбрость, мои воины одержали победу. Но не только храбрость позволила нам победить. Пётр, как и подобает истинному полководцу, узрел слабое место врага и смял его! За моего друга, гостя и господина Петра Строгова!

— Спасибо, князь!

Мужчины в который раз приложились к напиткам, после чего вновь принялись

закусывать. Севший за стол Хотен Юрьев помахал кому-то рукой. К ним подошёл человек в одеждах хранителя. С почтением поклонился.

— Пётр, друг мой. Я помню, что привело тебя под мою крышу. Я помню твою просьбу. Я благодарен тебе за помощь, что ты оказал мне в сегодняшней битве. Та кровь, что ты выпустил моим врагам и твоя кровь, пролитая на мою землю сегодня служит укреплением нашей с тобой дружбы. И вот этот человек пришёл сюда как лишнее подтверждение тому, что наша дружба крепка. Как первое бревно, что мы закладываем в стены нашей совместной борьбы. Говори, — обратился Хотен Юрьев к хранителю.

— Государь, — хранитель вновь поклонился, — меня послали к Вам мудрейшие храмов пресветлых богов по своему общему согласию. Я уполномочен предложить Вам их посильную помощь в возвращении Вас на престол.

— И... В чем она заключается? — усталость и хмель вязали разум, но Пётр пытался сообразить. — Эта помощь...

— Сонмище Мудрости видит в Вас законного защитника благоверия и готово предоставить вам денежные и материальные источники, достаточные для содержания двух тысяч воинов.

— Имея такое войско я мог бы претендовать на возрождение Вежинского содружества...

Егор Михайлов, покачиваясь от усталости и хмельных напитков, вышел из Ратного зала, чтобы посетить удобства. В ведшем на улицу коридоре путь ему преградила хрупкая женская фигура. Не смотря на полумрак он узнал её. Вера Строгова, жена его господина. Хлёсткий звон пощёчины разлетелся по всем углам пустующего коридора. Резко обожжённая женской пятернёй щека мгновенно протрезвила голову и вернула силы. Кто учит женщин так бить?

— Дрянь! — короткое как дротик ругательство жалило в самое сердце.

— Вера...

— Молчать! Ты главный телохранитель моего мужа.

— Вера...

— Молчать! Утром Пётр был цел и невредим. Почему вечером он весь изранен? Почему лишь воля богов, а не твоё усердие вернули мне мужа завёрнутым в бинты, а не в погребальный саван?! Как вышло, что он вообще оказался ранен?

Егор молчал. А что он мог сказать? Уже тысячу раз за этот день он сам задавался этим вопросом. Но разве вина телохранителя в том, что его князь решил ринуться в самую битву. Что он мог сделать — стащить его с коня и, опозорив перед всем войском, уволочь обратно в город? Она вновь метила ему в щеку, но рука её зависла в воздухе, перехваченная Егором. Вера попыталась вырваться, но железный обруч пальцев на её запястье сковал руку намертво. Она попыталась ударить его кулаком в грудь, но вторая рука также оказалась захвачена. Егор встряхнул Веру, пытаясь привлечь её внимание.

— Я сейчас закричу!

— Зачем? Знаешь... Твой муж воин. И он князь. Князь сам выбирает свою дорогу. И она как правило ведёт на поле битвы. А там уже лишь боги решают сядет он вечером за праздничный стол или ляжет в могилу, — Егор оттолкнул Веру в сторону и пошёл дальше. Затем оглянулся, — Не смей меня больше бить... Мне это обидно.

Вера села у стены и закрыв лицо ладонями заплакала. Накопившаяся за день тревога прорвалась наружу. Её муж едва не погиб сегодня. Сидит весь израненный и пьяный в окружении этих гнусных людей, которые и затащили его в битву. Почему? Почему они не

могут просто жить вдвоём, любить друг друга и растить общих детей? Неужели если попросить Всеслава он не простит своего родного брата? Поля и леса Рустовесского государства завалены костями polegших в братоубийственной бойне мужчин. Сколько можно? Сквозь пальцы Веры текли горькие солёные слёзы, плечи её дрожали. Чья-то ладонь легла ей на плечо и дружески встряхнула огорчённую молодую женщину. Вера подняла глаза, ожидая увидеть мужа. Но рядом никого не было. Со стороны Ратного зала доносились весёлые пьяные выкрики.

Дождливая ночь завернула в чёрные тучи луну и звёзды, сделав уличный мрак совершенно непроглядным. Обитатели крепости ложились спать. Всеслав Строгов разместил своих людей на постой, а сам отправился в терем. Ночи становились холоднее и прикосновения лившего с неба дождя тоже были стылыми и неприятными. Всё говорило о приближающейся осени. Конечно, время ещё есть. Будут ещё жаркие деньки, но им не удержаться надолго.

Агата Лоскутова ждала державного князя в горнице. Поднявшись туда, Всеслав невольно засмотрелся на женщину. Расшитая красно-жёлтыми узорами блузка и зелёная юбка подчёркивали стройность её фигуры и нарочито выделяли крупные овалы груди. Юбка была сшита так, что когда женщина сидела, её длина вполне позволяла любоваться белыми икрами ног и коленями. Волосы она тщательно вымыла и заплела в две косы. Агата выглядела очень привлекательной, явно стремилась понравиться Всеславу. Что ей и удалось. Заглядевшись на неё, князь не обратил внимания на свежесдобитый хлеб и пиво, которые стояли на столе. Агата вежливо поклонилась и пригласила князя за стол.

— О, свежий хлеб! То, что нужно с дороги. Спасибо! — Всеслав отломил кусок и сразу положил его в рот. — Очень вкусно, ещё горячий.

— Я сама испекла. Хорошо, что ты приехал, государь. А то я стала думать, что ты забыл про свою пленницу. И дела вверенного моему управлению острога тебя тоже не волнуют.

— Хах! — усмехнулся Всеслав. — Почему же забыл? Много дел просто разных. Вот держали путь из Солоплажа, появилась возможность, я и заглянул.

— И как дела у тебя, господин? Все ли твои домашние здоровы?

— Всё хорошо. Недавно у меня родился сын. Назвал его Олегом, в честь павшего в битве князя Олега Волкова, моего друга и подданного. Жена уже оправилась. Нянится с ребёнком.

— Поздравляю тебя, государь! Рождение сына всегда праздник для мужчины.

— Скучаешь по сыну? — неожиданно спросил Всеслав. — Ведь у вас с Егором Михайловым сын, если я всё правильно помню?

— Да, ты правильно помнишь. Он отослал его к деду, в свой родовой острог. Хотел позлить меня. И у него это очень хорошо получилось. Его увезли как раз незадолго до того как ты вернул себе Древогород. А для чего ты ездил в Солоплаж? — Агата попыталась свернуть с неприятного для неё разговора.

— Тогда ответь мне вот на какой вопрос, — Всеслав сделал вид, что не услышал Агату. — Я знаю, что ты была любовницей Деяна Булатова. Это ведь так? — жёсткий взгляд Всеслава сверлил её красивые чёрные глаза.

— Если ты знаешь, зачем спрашивать? — Агата сжала губы и напряжённо поправила со лба прядь волос. Что он хочет этим добиться, узнать насколько она легкодоступна?

— Отвечай на вопрос.

— Да, я была его любовницей. Я делила с ним постель и наушничала про его планы твоей сестре Мирине. Она обещала мне за это своё покровительство. Мне и моей семье. Её муж Видогост хотел тогда стать предельным князем. Я помогла ему.

— Мирина обманула тебя?

— Нет, она выполнила всё, что мне обещала.

— Ты была любовницей Деяна несколько месяцев. Достаточно долгий срок. Скажи, в результате вашей связи ты забеременела? — Заметив, что Агата мрачнеет, Всеслав улыбнулся. — Я спрашиваю не из праздного любопытства и вовсе не для того, чтобы тебя обидеть. Дело вот в чём. Скоро я поведу войско в Крайнесточье. В случае успеха мне понадобится кто-то, на кого я смогу опереться. Если от Деяна остался ребёнок, да ещё и от знатной женщины...

— Вон что, — Агата сразу же поняла, что задумал державный князь. — Но я вряд ли тебе помогу. Не потому, что не хочу. Я и правда забеременела от Деяна. Осенью четыреста четырнадцатого года я родила сына.

— Сына?! — удивлённо перебил её Всеслав. — Вот это да! А всё говорят, что у Булатовых одни девочки рождаются. Когда я был в походе, ещё до поражения, ко мне пришли крестьяне из мест, что на границах Гужвоземья и Крайнесточья. Они представили мне малыша и поклялись, что это сын Деяна, которого родила от него крестьянка.

— Да, — улыбнулась Агата. — он рассказывал мне, что переспал с какой-то крестьянской вдовой по пути на Великий Совет. Значит и она родила сына? Но ты не дал мне договорить. Уже через месяц младенца забрали у меня. Таковы были условия Мирины. Его отвезли в храм Агуна и Кесы на воспитание. Я даже не давала ему имени. Зачем? В храме его всё равно назвали бы по другому. И я не знаю, что с ним сейчас и где он. Может учиться на дружинника или на хранителя. Может умер от болезни. Я не знаю, — Агата стёрла тыльной стороной ладони выступившие на глазах слёзы.

— А кто помимо Мирины и Видогоста знал про сына Деяна?

— Хм, — Агата задумалась, — его сестра Вера, твой брат Пётр. Он прятался тогда в Миргороде и взялся сопроводить моего малыша в храм. Сказал, что доехали нормально. Несколько прислужниц знали. Да и в свите про меня слухи ходили, но это просто слухи. Да нет, государь, у тебя не получится использовать моего сына. Он там под другим именем. Никто в храме не знает кто он на самом деле. Он сам не знает кто его мать и отец. Даже я наверное не узнаю его, если увижу.

Пока Агата грустила, Всеслав съел хлеб и выпил пиво. Похоже, Лоскутова права. Её сына от Деяна он использовать не сможет. А жаль! Очень хорошая вырисовывалась комбинация. Можно попробовать поискать ту крестьянку с её сыном. Если они конечно не сгинули в водовороте смутных времён.

— Где твоя спальня? — спросил Всеслав Агату.

— В северной половине. Комната там тёплая, уютная, — томно сказала женщина, сверкая чёрными глазами. — И ложе большое.

— Вот и славно. Ложись спать. А я лягу в южной половине.

Раздевшись, Агата какое-то время просто лежала, слушая звуки дождя, доносившиеся с улицы. Своими расспросами державный князь потревожил её успокоившуюся было душу. Мёртвый любовник, сбежавший муж, отнятые дети. Ей стало невыносимо грустно. Вешневодье было очень маленьким острогом и земли вокруг него тоже были мизерными.

Особых хлопот управление этим хозяйством не доставляло, а значит и времени много не требовало. Нужно сделать так, чтобы Всеслав приезжал сюда чаще. Родить от него ребёнка и скрасить жизнь заботой о младенце. Привязать к себе державного князя назло всем, кто думал, что с Агатой можно обращаться как с безвольной вещью. Женщина встала с постели, накинула на голое тело льняную рубаху и, шлёпая босыми ногами по дубовому полу, отправилась с южную половину. Найти комнату в которой спал Всеслав не составило никакого труда, она уже знала терем лучше тех, кто его строил. Агата плавно толкнула дверь, готовясь использовать свои таланты обольщения. Но дверь была закрыта изнутри. Она толкнула ещё раз. Точно заперто. Агата сжала костяшки пальцев, чтобы постучаться, но потом передумала. «Значит не сегодня, — решила она. — Но ты всё равно от меня никуда не денешься, государь Рустовесской державы».

В Большом Зале княжеской резиденции Миргорода повисла напряжённая тишина. Офицеры переглянулись и многозначительно положили руки на мечи. Стражники сжали копыя покрепче. Девушки из свиты прикрыли ротики ладошками и в ужасе попятились назад. Мирина поёрзала на престоле, приложив все усилия, чтобы сохранить невозмутимость. Офицеры, писари и придворные стали переводить свои испуганные и удивлённые взгляды на жену Видогоста, оставленную князем управлять его землями, покуда он в походе. Что прикажет она после услышанного от иноземных гостей? Мирина же застыла в нерешительности. Вопрос был явно не её уровня. Широкоплечий кочевник звякнул кольчугой и повторил вопрос, который толмач немедленно перевёл. Погромче, чтобы ещё раз услышали все:

— Мы, гордый и свободный народ катхоров, требуем у вас земли и воды!

— Земли и воды? — переспросила Мирина. — Но как это понимать?

— Понимать так, что нам нужна ваша земля и ваша вода!

— Полковник Поместной стражи, оставленный Видогостом командовать гарнизоном

Миргорода, наклонился к госпоже и еле слышно проговорил:

— Давайте просто убьём их. Мои люди справятся очень быстро.

— Убийство послов это прямой повод к войне, — возразила Мирина. — А вопросы войны и мира не в моей власти. Это может решать только владыка княжества.

— Ну и что будем делать?

— Мирина встала с престола и обратилась к жутким посланникам.

— А сколько времени у нас, чтобы обговорить вашу просьбу?

— Госпожа, это не просьба, — уточнил от себя толмач. — Послы явились донести до вас требование хана катхоров.

— Пусть так. Когда великий хан ждёт нашего ответа?

— К началу зимы, — посланник презрительно глянул на возвышавшуюся над ним женщину.

— А когда начнётся зима по календарю катхоров?

— Зима приходит в тот день, когда первый раз падает снег!

— Хорошо, к зиме вы получите наш ответ.

Мирина села на престол, жестом подозвала полковника Поместной стражи. «Пусть их накормят и сегодня же проводят к Засечной черте, — сказала она офицеру. — Немедленно прикажи приготовить коня и отряд сопровождения. Я сейчас же брошусь догонять мужа».

Видогост, вольный государь своего собственного княжества, был доволен собой. Он вывел в поход против Всеслава Строгова очень могучие по нынешним временам силы. Пять тысяч конных и шестнадцать тысяч пеших воинов. Всё, что можно было собрать в ослабленном долгой войной Крайнесточье. Вряд ли под рукой у Всеслава больше войск. Грядущая битва решит, быть или не быть Дому Булатовых самовластными повелителями своего княжества.

На привале был проведён военный совет, по окончании которого Видогост решил немного поспать в своём шатре. Когда сон уже почти утянул его в свои глубины, вошёл часовой и доложил, что прибыла Мирина. «Кто?», — князь присел на расстеленной медвежьей шкуре и протёр глаза. Он ожидал чего угодно, только не этого. «Да пропусти ты!», — оттолкнув часового, Мирина вошла в шатёр. «Что случилось, любовь моя?» — Видогост обнял супругу. Охранник вернулся на свой пост.

— Успокойся, — твёрдо сказал князь, крепко прижимая жену к своей груди. Такой испуганной он не видел её уже очень давно. Хотя рассказ супруги его очень сильно насторожил. Неведомые пришельцы с востока появились в самый неподходящий момент. — Ничего страшного не случилось. Не первый раз к нам приходят кочевники.

— В таком количестве ещё ни разу не было. Тридцать тысяч конных и семьдесят тысяч пеших воинов!

— Ну... Посол мог просто соврать.

— Вряд ли. Их провожал офицер с Засечной черты. Он подтверждает. Катхоры специально прошлись вдоль нескольких крепостей, показывая свою силу. Если посланник и врёт, то не сильно. Хан катхоров и правда привёл десятки тысяч воинов.

— И как раз в то время, когда я повёл войско на Древгород! — Видогост со злостью хлопнул кулаком в ладонь и гримаса ярости исказила его лицо. — Буду биться с Всеславом, ослабну настолько, что катхоров мне не победить. Пойду на восток, в спину мне ударят Строговы. Проклятие!

— И как же быть?

— Я не знаю, — Видогост почувствовал себя мышью, которую загнали в глухой угол сразу два злобных кота. И никакой лазейки, чтобы выскочить нет. — Я не знаю, — повторил он. — Хотя...

Низкие серые облака повисли над просторным полем, зажатым с трёх сторон густыми лесами. Утром казалось, что польёт дождь, но до сих пор было сухо. В восточной части простора построились войска Видогоста. Над лесом то и дело покачивающихся копий колыхались их родовые знамёна — чёрный глаз в золотом круге на красном поле. Были здесь и подвластные Миргороду пехотинцы вилушканцев. Неимоверными усилиями, подкупом и угрозами смог Видогост Булатов затащить их в поход. Полки этого племенного союза стояли под сенью знамён с зелёной ящерицей, ползшей по бледно-розовому полю.

В западной оконечности луга выстроились войска державного князя. Их было явно больше, чем ожидал Видогост. Помимо серебряных восьмиконечных звёзд Дома Строговых и скрещённых копий племенного союза успонов, взору владыки Крайнесточья предстали знамёна на которых красовался шар, разделённый двумя большими кругами на четыре

двуугольника жёлтого, синего, зелёного и красного цветов. Воины, стоявшие под теми знамёнами в почти идеальных шеренгах имели вооружение не похожее на то, каким пользовались ратники рустовесских земель. По всей видимости это и была та самая Заморская Гвардия Всеслава, о которой ходило столько слухов. По правую руку от гвардейцев над пешими и конными полками были видны знамёна с копьём, мечом и топором, скрестившимися на бледно-голубом поле. Волковы. Значит и они тоже здесь. А где ратники Дома Волковых, там и... Где же они? Где? Да, так и есть. В запасе, позади основной линии державного войска можно было увидеть флаги с ёлкой на жёлтом поле, гербом племенного союза шумян.

Всеслав Строгов в последний раз оглядел свои войска, бросил взгляд на неприятеля и, повернувшись в седле, обратился к находившимся рядом с ним офицерам, в числе которых были Харитон Волков, Лютогост и Волк Озеров:

— Ну что, все готовы? Ты готов, Харитон?

— Да, государь, готов. Скорее бы в битву!

— Хорошо. Кстати, всё хочу спросить тебя, что за киврийца ты таскаешь за собой на цепи?

— А, этот? Вендель, сын Вилфрида Крепколобого. Мои люди взяли его накануне похода. Грабежом занимался.

— Того самого Вилфрида?

— Ага.

— Хм... Это интересно... Ладно! План сражения утверждён, каждый своё место знает. По местам! — со стороны войска Булатовых донёсся треск барабанов. Правда, это была не команда к началу битвы.

— Смотри, брат, — Лютогост указал рукой в сторону врага.

Вся первая линия воинов Видогоста, от левого крыла до правого, склонила копья, уперев их остриями в землю. Это древнее действие означало, что совершающая его сторона просит не нападать. Ратники расступились и в центре построения удивлённые бойцы державной рати увидели женщину, возвышавшуюся на лошади яблочного окраса. Женщина распустила волосы, подняла высоко над головой зелёный платок и направилась в сторону державного войска. Всеслав переглянулся со своими людьми и удивлённо пожал плечами. Преодолев половину разделявшего врагов пространства, женщина остановилась, продолжая держать на вытянутой руке зелёную ткань, символ жизни. Всеслав приказал своим людям ждать. Велел, чтобы Миша Воробей поехал за ним и поскакал к странной вестнице.

— Мирина?! Что ты здесь делаешь?

— Всеслав, брат мой, я приветствую тебя!

— И я тебя приветствую, — державный князь не видел свою сестру не меньше восьми лет, с тех пор как гостил в Миргороде, будучи ещё наследником Лесьяра. — Что привело тебя на поле битвы?

— Я здесь не ради войны, а ради мира. Я хочу упросить тебя не проливать сегодня кровь.

— Вот как? — Всеслав засмеялся. — После стольких лет войны, после того как твой муж хотел убить меня раненого, подсылал ко мне убийц в Яблочный и Древгород, ты просишь не проливать кровь? О, кстати, ещё он привёл сюда большое войско.

— Брат, — Мирина дружелюбно улыбнулась, — вражда в нашей земле идёт уже давно. А я просто женщина, просто мать своих детей. Я ничего не смыслю в мужских делах, они

мне загадочны и неинтересны. Мы в беде и я прошу твоей помощи.

— С каких пор Булатовы просят о помощи Строговых?

— Всеслав, я не смыслю в мужских делах, — повторила Мирина. — Я лишь прошу тебя. Во имя того, что я твоя сестра. Во имя моих детей, твоих племянников. Во имя наших общих родителей. Позволь моему мужу поговорить с тобой!

— Когда меж двух враждебных ратей появляется красивая женщина и умоляет не устраивать кровопролития, можно ли отказывать? Зови его.

— Мирина повернулась назад и помахала платком. Через несколько минут к ним подъехал Видогост.

— Приветствую державного князя! — сказал он.

— И я приветствую самовластного государя княжества Крайнесточья! — Всеслав взвесил на ладони золотую монету, поглядел на неё, читая отчеканенные на аверсе письмена. — Да, не спутал. Князь Крайнесточья. О чём будем говорить?

— Кто это с тобой? — Видогост указал на человека в писарских одеждах.

— Его зовут Миша Воробей, он мой личный хронист. Пишет историю моих походов и битв. Можешь смело рассказывать всё в его присутствии. Это твой шанс остаться в истории. Так о чём будем говорить?

— О войне. Совместной войне. Я хочу просить тебя о помощи.

Выслушав просьбы Видогоста, Всеслав поехал к своим людям и поведал им обо всём.

— Ни в коем случае! — высказал своё мнение Лютогост. — С Булатовыми никакого мира. На него напали? Это его тягость. Не наша. Если бы нам пришлось воевать, пришёл бы он на помощь? Даже смешно так думать.

— Он устроил резню на Багровых полях, убив тысячи безоружных пленников. В том числе и бойцов Дома Волковых. Такое нельзя прощать, — слова Харитона Волкова трудно было оспорить.

— Я против помощи Видогосту, — Волк Озеров тоже был категоричен. — После той битвы он главный призывал убить тебя, раненого. Если бы не вмешательство твоего брата и меня, тебя бы убили. К тому же он и после присылал убийц. Но как только на него напали, он вдруг просит твоей помощи? А когда получит её, снова всадит нож в спину? Пусть сам повоюет с кочевниками. А мы поглядим что выйдет.

— Что же, я уважаю ваше мнение, други мои. Но склоняюсь всё же внять просьбам Видогоста.

— Ты простишь его, государь? — Харитон Волков был в ужасе.

— Нет. Никому и ничего я прощать не собираюсь. Но бог подарил нам прекрасную возможность добиться намного большего, чем просто месть. Мы ведь воюем за всю Рустовесскую землю, а не за малые интересы. Эти восточные кочевники открыли перед нами большие возможности.

Когда Всеслав в сопровождении Миши Воробья вернулся на середину поля, Видогост и Мирина уставились на него молча, с замиранием сердца ожидая, что же решил державный князь.

— Не буду врать, — сказал Всеслав, — мои полководцы против того, чтобы помогать тебе. Но войском командую я и решения тоже принимаю я. Поэтому твоё предложение временно отложить наши распри принимается.

— Ой, я так рада! — встряла в мужской разговор Мирина. — Спасибо тебе, Всеслав! Я люблю тебя!!!

Всеслав Строгов и Видогост Булатов спешили и на глазах обоих воинств обняли друг друга. Десятки тысяч голосов разорвали гнетущую тишину. Простые ратники громогласно радовались союзу.

Глава 7 Земля и вода

Вендель сидел прислонившись спиной к колесу телеги и дремал. Рядом с киврийцем стоял боец, но для пущей надёжности пленник был привязан. Всеслав Строгов и Харитон Волков подошли к сыну вождя и некоторое время смотрели на него молча. Затем Харитон слегка толкнул его ногой, отчего пленник проснулся и поднял усталые глаза на князей. Вендель поёжился от утренней прохлады.

— Назовись! — приказал ему молодой Волков.

— Я Вендель, сын Вилфрида Флотоводца, наследный принц киврийских земель, — назвал пленник на родном языке.

— Вернее, бывший наследный принц, — посмеялся Харитон. — Братья у него всё отобрали. Изгнали на маленький островок. И он с жалким отрядиком грабил мои земли, пока не попался.

Вендель смотрел то на Всеслава, то на Харитона. Он пока плохо понимал рустовесский язык.

— Перед тобой державный князь Рустовесского государства, — Харитон указал на Всеслава.

— Приветствовать я княз, государ, вожд! — ответил Вендель.

Всеслав отвёл Харитона в сторону.

— Что ты хочешь с ним делать? — спросил он.

— Не знаю пока. Потаскаю за собой, потом может казню в Удольчине. Или собаками затравлю. Не решил ещё.

— Если ты ещё не решил, что с ним делать, отдай его мне.

— А... Зачем он Вам?

— Появилась у меня одна мысль. Он наследник Вилфрида Крепколобого, а значит будучи свободным может принести нам намного больше пользы, чем если оставить его сидеть на цепи.

— Ну... Я даже не знаю. Впрочем, ладно. Если он нужен, то забирайте его, государь.

Видогост предложил провести совет в его шатре. Но Всеслав настоял, чтобы он прошёл на открытом воздухе. Возле ручья выставили брёвна на которых уселись князья и офицеры. Мирина заняла место в самом центре, наслаждаясь вниманием мужчин. Она уже не была свежа как в юности, годы и рождение детей сделали своё дело. Но тем не менее жена Видогоста сохранила привлекательность и величавость. Тем более на кого ещё обратить внимание в военном лагере? Не на поблядушек же. Знатные мужи вели разговоры между собой, а также то и дело говорили Мирине всяческие любезности. Видогост не испытывал ревности. Он знал, что она любит только его и верна ему и сердцем и телом. За много лет их брака он никогда не имел поводов сомневаться в её преданности и любви. В свою очередь Видогост отвечал Мирине тем же, не разу не уложив в свою постель посторонней женщины. Сейчас, наблюдая как его жене делают знаки внимания, он беспокоился за другое. Всеслав, назначивший переговоры именно здесь, сам где-то задерживался. Это начинало раздражать. Но Мирина, всё та же Мирина уговорила мужа не обращать внимания на поведение её брата. Сейчас главное отразить нашествие катхоров. А отомстить можно будет и потом.

Наконец, Всеслав появился. Никак не объясняя задержки, он просто занял своё место. С приходом державного князя мужчины замолчали и стали смотреть на Мирину. Стало слышно как журчат между камней струи ручья. Она немного смутилась, но потом всё поняла. Настало время серьёзных переговоров, присутствовать на которых женщинам не полагалось. «Ну что же, — сказала она невозмутимым голосом, — пусть боги осенят мудростью ваши умы и храбростью ваши сердца».

— Ну что, начнём переговоры, — сказал Всеслав, когда сестра его удалилась.

— Начнём, — подтвердил Видогост, провожая жену взглядом.

— Для начала проясним главное. Видогост, какой именно помощи ты просишь у меня для своего вольного княжества? — Всеслав, говоря о Крайнесточье и его правителе так часто упирал на слова «вольное», «самостоятельное», «независимое», «могучий», что владыку Миргорода это начинало настораживать и злить. Ибо чувствовалась в этом нарочитом подчёркивании обособленности Крайнесточья некая насмешка или даже скрытое запугивание.

— Речь идёт о военной угрозе. Так что мне нужна ратная помощь, — Видогост собрал волю в кулак и не стал обращать внимания на мелочи. Сейчас главное, это получить войско Всеслава в союзники.

— Разумно, — согласился державный князь. — Значит и ты согласишься, со справедливостью моих условий. Война это большие траты, большие потери. Так вот, начнём с общего, — Всеслав протянул Видогосту свиток с гербовой печатью.

— Ты объявляешь Хладоручье своим личным владением? — уточнил Видогост, после прочтения манифеста.

— Коронными землями, — уточнил Всеслав. — И ты признаешь мою власть над ними.

— Ты не боишься, что кто-нибудь захочет эти земли у тебя отнять? Ему вряд ли помешает моё одобрение.

— Это будет проблемой тех, кто решится у меня что-то отнимать. И моей проблемой. Если мы с тобой не найдём понимания даже в таком общем вопросе, тогда...

— Найдём, — прервал его Видогост. — Булатовы признают Хладоручье коронными землями. Пусть писари подготовят грамоту, я скреплю её своей печатью и подписью.

— Хорошо, — Всеслав улыбнулся. — Тогда перейдём к следующему вопросу. Война это большие расходы. Поэтому я хочу получить за участие в походе десять тысяч золотых калист.

— Сколько?! — переспросил изумлённый владыка Миргорода.

— Десять тысяч. Это для меня. И, скажем, четыре тысячи для Дома Волковых, — Всеслав вопросительно кивнул Харитону. — Да, именно так. Десять мне и четыре князю Волкову. Ведь его воины тоже здесь.

— Четырнадцать тысяч золотых калист!!! Да если бы у меня были такие деньги...

— Ну так раздобудь их. Возьми ссуды у купцов, продай ненужные земли. Брось стенать, Видогост, что такое четырнадцать тысяч монет для такого большого князя? Было время, когда Булатовы жертвовали на храм Агуна и Кесы по пять-шесть тысяч.

— Ты верно заметил, Всеслав, было время! Нынче времена другие... Но я достану деньги. За месяц у меня будет нужная сумма.

— Что же, — усмехнулся князь Строгов, — будем надеяться, что в ближайший месяц снег не пойдёт. Тогда следующий момент.

— Ты будешь выставлять ещё условия?

— Само собой.

— Продолжай, — обречённо махнул рукой Видогост, понимая, что спорить бесполезно. Державный князь почувствовал его уязвимость и будет выжимать из обстоятельств всё возможное.

— Миргород славится своими богатыми купеческими союзами. И чтобы твои подданные смогли спокойно торговать и возить товары, им будет нужно приобрести грамоты в Торговой управе. Это сильно облегчит им жизнь. Они станут богаче, а значит и у тебя денег будет больше.

— Ходят слухи, что то же самое ты проделал с купцами Гужвоземья и Солоплажа.

— Это не слухи, это истинная правда. Они уже начали получать выгоду от моей задумки. Просто те, кто не купят грамоты лишаются права на торговлю.

— Хорошо, пусть будет по твоему.

— Следующее. Война это потери. По сему ты дозволишь мне набирать воинов в твоих землях.

— Что?!

— Успокойся. Я не стану переманивать к себе твоих ратников. Но в Крайнесточье много мужчин, которые не могут найти себя в мирной жизни. Кто-то из них вынужден разбойничать, кто-то бежит в другие земли. Я лишь предложу им службу в своей армии. Исключительно добровольно. Только те, кто захочет.

— Только если добровольно.

— Безусловно.

— Что ещё ты потребуешь?

— Последнее. Когда мы добьёмся победы, ты совершишь поход в Суломатье.

— И что мне там делать?

— Видогост, я тебя не узнаю. Что делают в походах? Разбей войска братьев Озеровых, возьми штурмом остроги какие-нибудь, разграбь их. Вот, — Всеслав поднял указательный палец вверх, как делают люди, которым только что пришло что-то на ум, — захвати храм Юма и Живы!

— Договорились. Если мы победим, я совершу поход в Суломатье.

— Не если мы победим, а когда мы победим! — поправил его Всеслав.

Вернувшись в свой шатёр, Видогост выгнал прислужников и остался с Мириной наедине. Он рассказал ей о том, как прошли переговоры с Всеславом и какие требования он предъявил. Мирина присела рядом и обняла мужа. Её нежные любящие прикосновения всегда поднимали настроение и ободряли дух. Жена всегда была ему главной и самой надёжной опорой.

— У меня такое ощущение, — признался владыка Миргорода, — что меня ограбили. Причём нагло и с насмешками.

— Не переживай так. Бешенство враг разума.

— Как твоему брату всё это удаётся? Так видеть свою выгоду и вцепляться в неё мёртвой хваткой.

— Так же как и мне, — улыbnулась Мирина, — мы оба отпрыски нашего могучего родителя. Не переживай. Сейчас главное это победа над катхорами. Когда война с ними завершится, мы посмотрим на её результат и решим, что делать дальше.

Лесьяр Строгов учил своих сыновей внимательно изучать всех. Врагов, друзей,

союзников, подданных, иноземцев. Всеслав всегда так и поступал. Лютогост был внимателен лишь к врагам. Петру было плевать на всех. Неизвестно чем сейчас занимался младший Строгов, который спрятался в Густошумье, но Лютогост свою натуру не поменял. Он готовился к войне. Ровно тем же самым занимались сейчас и все остальные.

Объединённое войско встало у стен Миргорода. Харитон Волков натаскивал своих бойцов на сражение с большими вражескими массами, отражение конных атак. Волк Озеров, который был поставлен командовать Гвардией Единого, тоже тренировал людей. Но особенно усердствовал Видогост Булатов. Он собирал деньги, созывал ополчения, проводил подготовку войск, заготавливал съестные припасы, копил стрелы. Проследив за тем, что подготовка к войне идёт своим чередом, державный князь стал внимательнее изучать катхоров.

Он опрашивал ратников, которые видели их полчища. Ездил с отрядом разведчиков к Засечной черте и говорил там с офицерами. Прояснявшаяся из мелких подробностей картина никак не укладывалась в привычную для восточных рубежей Рустовесского государства схему кочевого набега. Откуда такая большая численность войска? Почему катхоры держатся ближе к лесам, а не к степям? Почему из ста тысяч войска пеших целых семьдесят тысяч? В конце концов, зачем такие сложности, почему они требуют земли и воды, а не просто вторгаются? Ответ крутился где-то совсем рядом, но перегруженный множеством мыслей мозг никак не мог его нащупать.

Наконец, к началу второго осеннего месяца подготовка к войне была завершена. Пятьдесят тысяч воинов, всё что смогли выжать князья из трёх пределов, двинулось от Миргорода к границе. Однако по настоящему серьёзную силу из них представляла едва ли треть. Годы кровавых междоусобиц не прошли даром, сильно уменьшив число ратных людей. План был очень сложный и рискованный, но после множества часов военных советов он был признан единственно возможным. Согласно ему, конница должна была напасть на катхоров и, отступая, заманить их в топкую лесистую местность, где они бы подверглись ударам пехоты. Всё могло сорваться на любой стадии, но выбора не было. Пришлось использовать тактику сваяльцев. Войско перешло восточную границу Рустовесского государства и встало лагерем в местности, намеченной для сражения. До катхоров отсюда было около половины дня пути.

Военный лагерь давно затих, лишь изредка можно было услышать переключки часовых и потрескивание огня в кострах. На завтра намечался выход лёгкой конницы, которая должна была сыграть роль приманки. Пути на Миргород перекрывались пехотой, а тяжёлая конница расположится неподалёку, чтобы нанести свой удар и прижать врага к болотам. Всё было оговорено сотни раз и теперь нужно было отдыхать, набираться сил. Но Всеслав не спал. Не из-за того, что нервничал, не первый раз ему было вести войско в бой. Он размышлял. Уже достаточно много узнав о своём противнике, Всеслав чувствовал, что понимает его. Кроме одного — мотивов, движущих этим странным народом, явившимся из глубин загадочного Востока. С дозволения Всеслава часовой пропустил в шатёр лазутчика. «Государь, — сказал тот, переводя дыхание, — за войском катхоров огромная стоянка. Там женщины, дети, старики. Охраны почти нет».

Лютогост крепко спал, когда рано утром к нему в шатёр заявился брат. Всеслав растолкал начальника тяжёлой конницы и, задыхаясь от перевозбуждения стал говорить:

— Слушай, я всё думал над требованием врагов. «Земли и воды». Зачем кочевникам земля и вода?

— Стой, стой, брат! Такая рань, завтра в битву, даже сегодня уже, а ты решил поговорить о...

— Да ты слушай! Почему у них такая несоразмерность между пехотой и конницей? Да у кочевников вообще пехоты нет! Понимаешь, что это значит?

— Ничего не понимаю, успокойся!

— Ладно, — махнул рукой Всеслав, сообразив, что слишком сумбурно излагает свои мысли, а брат не слишком настроен внимать подобным вещам, — слушай мой приказ. Утром поднимаете войско и ждёте. А я еду к катхорам.

— Ты сдурел?! Куда ты едешь? Тебя же сварят в кипятке! Или что там делают обычно со знатными пленниками?

— Не перебивай. Я поеду один. А вы исполняйте мой приказ. Поднимаете войско и спокойно ждёте. Если я не вернусь в течение трёх дней, то на четвёртый день действуете по намеченному плану.

Лютогост схватил брата, пытаясь удержать, но руки наткнулись на броню. Всеслав уже облачился в доспехи и плащ. «Отец всегда говорил, что лучшая победа, это победа без убитых, — сказал ему Всеслав. — Я знаю, что делаю. Я могу победить». У выхода из лагеря его ждал знаменосец и старший алим.

— Ты взял Книгу Откровения? — спросил князь.

— Да, государь, — элаитский жрец показал спрятанный в особый кожаный чехол с ремнями для ношения на спине увесистый том, содержащий священные сказания последователей Единого бога.

— Хорошо, тогда вперёд.

— По правде говоря, мне страшно, — признался алим.

— Если всё пойдёт не так, я смогу уговорить катхоров, чтобы тебя убили быстро, — подмигнул ему князь.

— А если всё пойдёт так?

— То быть может тебя станут прославлять в молитвах как просветителя. На всё воля Элая.

— Истинно так, — согласился алим.

Когда солнце было уже достаточно ярким, их остановил передовой разъезд катхоров. Конные воины с удивлением осматривали знатного всадника, которого сопровождал знаменосец и какой-то жрец. Они оглядели знамя Дома Строговых — серебряную звезду на красном поле. Всеслав невозмутимо продолжал ехать вперёд, лишь указав конникам своё направление. К удивлению старшего алима, их не остановили, а стали сопровождать. Одному из воинов командир разъезда что-то приказал и тот быстро умчался вперёд. Спустя примерно час, воин вернулся в сопровождении какого-то человека.

— Я толмач, — представился человек на рустовесском языке, — служу хану катхоров. А кто Вы, господин?

— Я Всеслав, сын Лесьяра из Великого Дома Строговых, державный князь Рустовесского государства.

— Я приветствую Вас, государь, — толмач почтительно наклонил голову. — Куда Вы держите путь?

— Я еду поговорить с ханом. Лично. Передайте ему, что у меня есть для него земля и

вода.

Толмач объяснил конникам из дозора что к чему и двое из них ускакали.

— Кто ты? — спросил Всеслав переводчика. — Как оказался у катхоров и где выучил их язык?

— Моё имя Александр, я был ратником Рубежной стражи, государь. Попал в плен пятнадцать лет назад, всего через год как поступил на службу. Долго бросали меня боги и туда и сюда. Я выучил много языков. В итоге оказался у катхоров. Когда хан узнал о моих талантах, то приблизил к себе. Я езу вместе с его посланниками. Последнее время мы много мест посетили. Я и в Миргороде был.

— А почему вы посетили так много мест?

— Простите, государь. Боюсь об этом мне нельзя говорить. Лучше спросите об этом самого хана.

В ставке хана их уже ждали. Правителя катхоров окружали знатные воины и полководцы. Проезжая мимо них, Всеслав вглядывался в лица, пытался угадать настроения. Чем больше он наблюдал, тем больше в нём крепло ощущение, что лица этих людей выражают не враждебность, а любопытство и надежду. Ими движет надежда. Если рустовесский государь хоть что-то понимал в людях, то это было именно так и предположения его находили всё больше подтверждений. Для переговоров вынесли два больших резных кресла. Всеслав Строгов сразу подметил этот момент. Настоящие кочевники ведут переговоры только сидя в седле. У одного из кресел стоял одетый в богатые убранства и доспехи мужчина лет сорока. Спешившись, Всеслав поприветствовал хана и назвал своё имя и полный титул. Тот в свою очередь тоже назвался. Вождя катхоров звали Элек. Он указал гостю на кресло и подал пример, сев напротив. Переводчик встал между правителями, отступив шаг в сторону, чтобы не мешать им смотреть друг другу в глаза. Толмач и правда оказался очень хорошим, почти мгновенно переводя реплики собеседников.

— Стало быть, ты самый верховный правитель Рустовесского государства, — понимающе кивнул Элек, глядя на Всеслава, — а с кем же говорили мои посланники?

— Их принимала Мирина, моя сестра. Она супруга наместника одного из шести пределов, которые составляют нашу страну.

— Твоя страна действительно так обширна, что ты хочешь предложить моему народу земли и воды?

— Рустовесское государство действительно большое, — от внимания Всеслава не скрылось с каким интересом и надеждой слушают их беседу приближённые хана, — но земли наши бедны и суровы. Я хочу предложить тебе землю и воду на западе. За пределами наших границ, в вечерней стороне лежит хороший край, равнинный, с тучными плодородными почвами. И зимы там более мягкие. Я разрешу твоему народу пройти через мои владения и поселиться в тех краях.

— То есть ты даришь мне чужую страну? — засмеялся Элек.

— Подарить можно лишь что-то своё. И подарки обычно подразумевают необходимость ответных любезностей. Я же предлагаю пропустить вас в те края и забрать их себе. То, что отнято мечом, не требует благодарности.

— Если та страна так благодатна, почему вы сами там не поселитесь? — хитро прищурился хан.

— А почему рыба живёт в реке, не смотря на то, что и в лесу есть чем поживиться? — вопросом на вопрос ответил державный князь. — Мы, рустовесцы, привыкли к своей стране.

Рустовесье наш дом, наша мать и наш отец. Вы же сейчас в поисках нового дома. И я предлагаю вам возможность завоевать себе новую родину.

Элек обратился к своим людям, что-то у них спрашивая. Толмач не стал переводить Всеславу разговор, видимо имея на то особые указания. Державный князь вслушивался в интонации и вглядывался в лица. Похоже, предложение заинтересовало катхоров, но они справедливо опасаются подвоха, о чём и рассуждают. У этих пришельцев с Востока были интересные черты лица. Они не были раскосыми, как некоторые дети утреннего солнца, но и на обитателей запада не сильно походили. Очень интересное смешение черт. Интересно, что за предки дали жизнь этому народу и почему он покинул родину?

— Твои слова интересны нам, — сказал хан после совета со своими военачальниками, — но откуда знать, что это не обман и не хитрость?

— Твои опасения справедливы, — отвечивал Всеслав, — но послушай, что я скажу тебе. На обман идут из низменных чувств, порождённых алчностью и трусостью. Я прибыл в твой лагерь в сопровождении алима и знаменосца. Не зная, что ждёт меня здесь. Надеюсь, что мой поступок показывает тебе, что я не трус.

— То верно, — согласился хан, — но ведь есть и другие причины врать.

— Есть. Например, война. Обмануть на войне противника, это не трусость, а доблесть. Но ведь мы с тобой не воюем. Мы не враги. А чтобы ты не терзался догадками, зачем я хочу, чтобы вы поселились в западной стороне, я отвечу тебе честно и прямо. Вечерние короли давние враги моего народа. В войне с ними погиб мой дед. Они и сейчас угрожают моим границам. Поэтому мне выгодно, чтобы вы пришли в те земли. Лучше там будут жить мои друзья. Вы обретаёте новую родину, я доставляю проблемы своим врагам. Всё просто.

— Это многое объясняет, — Элек оценил откровенность Всеслава. — Я благодарю тебя за честность.

— И ещё кое-что, — почувствовав, что собеседник склонен согласиться, державный князь решил рискнуть. Он махнул рукой алиму. — Давай книгу, — в руках Всеслава оказался большой богато украшенный фолиант. — Ваши боги остались в той стране, где вы жили. И они больше не хранят вас. Я предлагаю вам принять нового бога, Элая. Тогда мы будем не только союзниками, но и братьями по вере. На новой родине у вас будет новый бог. Новый небесный защитник.

Поражённый хан переспросил толмача. Тот ещё раз перевёл ему сказанное Всеславом. На лице правителя катхоров застыло недоумение. Неужели Всеслав перегнул палку и теперь всё сорвётся? Элек размышлял. Недоумение на его лице постепенно сменилось отрешённостью. А потом в его взгляде стал заметен интерес.

— Мне нужно серьёзно поговорить с моими вождями и полководцами, — сказал наконец хан.

— Конечно же. Но прежде чем ты удалишься на разговор, выслушай что я тебе поведаю. Чтобы ты мог принять взвешенное решение. Твой народ в любом случае ждёт война и суровые испытания. Если ты решишь воевать со мной, то быть может и добьёшься победы. Но понесёшь очень большие потери, ибо в моём государстве привыкли воевать с восточными пришельцами. При этом после победы ты получишь бедные и холодные земли, на которых трудно жить и трудно добывать хлеб. Либо твой народ принимает элитство и я провожаю вас на запад. Там тоже вас ждёт война. Но в случае победы вы возьмёте себе очень богатую страну. С тучными землями, короткой зимой и тёплым долгим летом.

— Хорошо, — ответил Элек, поднявшись со своего кресла, — я передам твои слова

Чем дольше отсутствовал Всеслав в стане рустовесского войска, тем напряжённее и неувереннее чувствовали себя люди. Простые воины нервничали, князья и полководцы терялись в догадках. Объяснив положение дел, Лютогост демонстрировал спокойствие и хладнокровие, хотя внутри его одолевали сомнения. Что на этот раз пришло на ум его старшему брату? С чего он вдруг сорвался рано утром и уехал в стан врага. Конечно, Лютогост не сомневался в хитрости Всеслава и его смекалке, но чем больше времени проходило, тем менее он был уверен, что на этот раз князь поступил правильно. Может его уже и в живых нет? Сварили в кипятке или сняли шкуру. Как быть если так и произойдёт? Харитон Волков напряженно молчал. Волк Озеров спокойно и рассудительно высказывал свои сомнения. Пуще всех переживал Видогост Булатов. Нервные реплики в первый день отсутствия Всеслава, сменились на грозные ругательства и проклятия во второй день. Особенно переживал вольный князь Булатов, что заплатил деньги, пошёл на уступки, а вместо победоносного похода получил... А что он получил? «Ничего не получил!» — кричал Видогост, пиная попавшийся под ноги щит.

Наконец, вечером второго дня, разведчики донесли, что Всеслав возвращается вместе со знаменосцем, целый и невредимый. Въехавшего в лагерь государя приветствовали радостными криками все воины, не смотря на принадлежность к Домам и племенным союзам. Это неприятно кольнуло самолюбие Харитона и особенно Видогоста. Державный князь приказал немедленно собраться в его шатре.

— В общем так, — сказал Всеслав, устало присев с дороги и залпом осушив большую чашу воды. — Новости такие. Войны не будет. Катхоры принимают элаитство и переселяются на запад, во владения Вечерних королей. Мы обеспечиваем их безопасный проход через наши земли. Чтобы всё прошло без осложнений мы обмениваемся заложниками. В Древгород поедет семья хана, кроме двух его старших сыновей, они ему нужны. Видогост, слушай внимательно. Мирина со всеми твоими детьми отправится в ставку к хану.

— Что?! Как ты вообще смеешь думать, что я на такое соглашусь? Значит, семья хана будет в Древгороде, а моя жена и дети у хана? Почему бы тебе не отдать им Зиму с детьми?

— Видогост, — спокойным, но не терпящим возражений голосом ответил Всеслав, — ты выполнишь все условия договора. У тебя нет выбора. Через неделю ты с войском отправляешься в поход в Суломатье, а Мирина со всеми твоими детьми поедет к хану Элеку.

— Но ты нарушаешь наш с тобой договор! По условиям...

— По условиям, — перебил его Всеслав, — ты пригласил нас с князем Харитоном, чтобы мы помогли тебе защититься от катхоров. Это и есть защита, причём самая выгодная. Не переживай, с Мириной ничего не случится. В конце концов она моя сестра! А твои дети мне племянники. Я бы не стал подвергать их опасности. Как только катхоры достигнут нашей западной границы, твою семью отпустят в Миргород. Так что готовься к походу в Суломатье. У тебя ещё будут возражения?

— Нет, — развёл руками Видогост. Он сам пригласил Всеслава. И надо сказать, что проблему тот решил как нельзя лучше. Никто земли Видогоста не тронет и воины его погибать не станут.

— Теперь следующее, — продолжал Всеслав. — Лютогост, ты женишься на младшей

сестре хана.

— Жениться на сестре хана? — опешил тот.

— Да, ты вдовец, тебе нужна жена, нам нужны союзники. Жену выберешь сам. Волк, тебя это тоже касается, — в ответ князь Озеров молча кивнул. — А мой старший сын, Красимир, женится на дочери Элека. Когда они оба достигнут брачного возраста, разумеется.

— Слушай, — поинтересовался Лютогост, — ведь с тобой уезжал старший алим. Где он?

— В ставке хана. Проводит таинство приобщения катхоров к Четырём Стихиям. Как я уже сказал, они приняли элаитство.

После обмена заложниками двести тридцать тысяч катхоров длинным караваном потянулись с востока на запад через земли Рустовесского государства. Их охраняли воины державного князя и отряды Поместной стражи. По условиям договора катхоры не имели права подходить к поселениям рустовесцев ближе полёта стрелы. И это условие строжайше соблюдалось. На самой западной границе тонкий ручеёк катхоров накапливался в единую массу. Там же формировались боевые отряды, которые должны были первыми вторгнуться в благодатные земли, расчищая путь для переселенцев. К началу зимы все катхоры сосредоточились на западной границе Рустовесского государства.

Всеслав Строгов лично приехал в становье, дабы вернуть хану его семью и забрать Мирину с детьми. Заодно привёз ему чертежи земель вечерников, которые были намечены как новая родина катхоров. Была с Всеславом и группа офицеров Тайной стражи, которые должны были выступить советниками и проводниками. Утром, перед самым выступлением катхорского войска в поход, хан Элек прощался с державным князем. Толмач был здесь же.

— Ну что, удачи твоему народу в обретении новой родины, — сказал Всеслав и правители обняли друг друга.

— И тебе успехов, — отвечивал Элек, а потом добавил. — Ты ведь обманул меня, князь!

— О чём ты? — насторожился Всеслав.

— Ведь не вся Рустовесская земля под твоей властью. Не все ещё приняли Элая как своего бога и не все предельные князья тебе подчиняются.

— Ты прав, — Всеслав не видел смысла отрицать. А то, что хан нашёл возможность изучить своего союзника, наоборот, внушало уважение. — Моя страна сейчас в трудном положении. Нас раздирают смуты. Но я сражаюсь за то, чтобы это прекратить. И я уверен в своей победе.

— Тогда слушай меня, князь. Если тебе для победы будет нужна помощь, то в каком бы трудном положении я не находился, я клянусь, что пришлю тебе десять тысяч конных и двадцать тысяч пеших воинов.

— На западе тебе понадобится каждый боец. Но всё равно спасибо. Я буду рассчитывать на твою поддержку.

Снежинки кружились в холодном воздухе и Видогост блаженно подставлял им разгорячённое лицо. Они ложились на его лоб, нос, щёки и мгновенно таяли. Набрав в грудь

воздух, он выпустил изо рта тоненькую струйку пара, стараясь достать как можно выше. Плавное кружение снежинок, захваченное этим тёплым вихрем, возмутилось. Некоторые кристаллики растаяли в воздухе. «Они приближаются», — доложил офицер. Видогост перестал дурачиться и оглядел своё воинство. Он взял в поход шесть тысяч бойцов. Ополченцев по большей части распустил по домам, а остальных воинов оставил прикрывать Миргород. Не хватало ещё, чтобы Всеслав решил неожиданным наскоком взять его стольный город. Шесть тысяч воинов. Они выстроились рядами на поляне, чёрные на белом снегу. Лес копий покачивался на фоне заснеженных елей. Самовольный правитель княжества Крайнесточья проигнорировал требование Всеслава взять штурмом храм Юма и Живы. Он просто принялся грабить остроги и селения в междуречье Самала и Хили, южнее храмовых владений. Надо же было как-то компенсировать затраты, которые он понёс, выплачивая деньги за участие армии Строговых в походе на катхоров.

И вот теперь пришло наказание. Орёл Озеров, родной брат Волка, ставшего прихвостнем державного князя, выслал против него отряд в тысячу бойцов. Эх, обеднели земли Рустовесские войсками, обеднели! Битва не обещала быть трудной. Вышедшие из леса воины под стягом Дома Озеровых были в основном пешими. Их колонна быстро перестроилась с тракта в боевой порядок и пошла в бой. Обмен стрелами, короткая схватка копейщиков и мечников, всё закончилось быстро. Когда Видогост выпустил в поле конницу, отряд Озеровых бросился бежать обратно в лес. Всадники помнили твёрдый наказ своего господина: только напугать. Лишь разгорячённые схваткой пехотинцы бросились вдогонку, но их быстро остановили офицеры. Видогосту Булатову не нужно было уничтожение этого отряда. Он хотел дружить с Озеровыми против Строговых, как бывало уже прежде. Лишь так можно победить этого ненавистного Всеслава. Эх, жаль, что эти дураки не дали ему прикончить раненого державного князя тогда, на тракте, после битвы. Сколько проблем сейчас решились бы сами собой. Да этих проблем и не было бы.

Понаблюдав немного за тем, как оказывается помощь раненым, Видогост вернулся в свой лагерь. В шатре его уже ждал Селиван, мудрейший храма Юма и Живы. Он прибыл ещё до сражения, но был вынужден ждать, пока закончится бой. Встреча была тайной. Селивана привезли доверенные люди, прикрыв одеждами простолоудина. Весть об этой встрече не должна дойти до Всеслава. Видогост подошёл к хранителю и принял его благословение.

— Помогите, мудрейший. Мне нужна Ваша помощь. Помогите мне помириться с Озеровыми, наладить общение с Юрьевыми. Мы не смогли остановить Всеслава Строгова в прошлую войну. Это нужно сделать сейчас.

— Ты прав, князь. Его нужно остановить. И храмы уже начали работать. Мы оказываем помощь его брату, Петру Строгову. Он способный юноша и может стать тем началом, которое объединит всех благоверов в борьбе против отступника Всеслава.

Глава 8 Резонное подозрение

После тяжелейшего напряжения последних месяцев, Всеслав Строгов решил сделать небольшую передышку, чтобы набраться сил для новых свершений. Проводив катхоров на запад и вернув Мирину с детьми Видогосту, державный князь объявил в Древгороде праздник по поводу обращения к Элаю нового народа и обретения рустовесцами нового союзника. Пока шли приготовления, он заехал в Вешневодье. Всё же хорошее местечко отстроил себе его покойный дядя Николай Строгов. Приятно было посещать эту маленькую крепость. Ведь впереди ещё было столько дел! Нужно было сокрушить врагов, приструнить союзников и скрепить тело рустовесского государства прочными нитями, которые не дадут ему впасть в новые смуты.

Но к проблемам он вернётся чуть позже. После хороших берёзовых веников, Всеслав отправил парившихся с ним офицеров прочь, а сам лёг на раскалённые доски в парилке и с удовольствием выбросил из головы все мысли. Так приятно было побыть одному и ни о чём не думать. Но не думать ни о чём у Всеслава не получалось. Как только он усилием воли отгонял мысли в сторону, как тут же начинал кружить его поток новых размышлений. Заново начинал он прикидывать какие распоряжения кому отдать, как лучше исполнить задуманное. И вновь останавливался на том, что пока можно не думать. Хоть немного. Немного. А голова уже прокладывала путь для воинства, собирала необходимые для войны налоги и припасы...

Будто бы хлопнула в предбаннике дверь и кто-то задел ногой деревянный коврик. Всеслав прислушался. Вроде он чётко сказал своим бойцам не беспокоить его. Может кто-то решил подбросить дров в печку? Но заслонку никто не открывал, да и было здесь ещё слишком жарко. Государь поднялся с лежака, оставив после себя большой мокрый след. Увиденное в предбаннике заставило его застыть на месте и одновременно лишило возможности смотреть куда-то ещё. У входа стояла Агата Лоскутова в лёгкой накидке до колен. Шуба в которой она пришла сюда была аккуратно сложена на скамью у двери, сапоги стояли рядом. Красавица лёгким движением сняла с себя накидку, обнажив все свои прелести. Потом правой рукой распустила волосы и её каштановые пряди растеклись по белым плечам. Стройные ноги, круглые бёдра, плоский живот и крупные груди, всё это так идеально дополняло друг друга и сливалось в общую картину женской красоты, что даже такой опытный мужчина как Всеслав стал сомневаться, а доводилось ли ему видеть подобную соблазнительность. Женщина, ни сколько не сомневавшаяся в произведённом на князя впечатлении, лишь протянула к нему руки, готовая для объятий и ласк. Она не была в постели с мужем с самого лета, а сейчас уже зима. Метель и сугробы. Она молода, красива, полна сил и нуждается в мужчине. Долго ещё Всеслав собирается игнорировать её намёки? Нет, он не устоял. Князь уверенно шагнул ей навстречу. Она положила ладони на его мускулистые плечи и посмотрела своими чёрными глазами в его лицо. Всеслав завёл её волосы за спину, любясь красивой грудью с розовыми напряжёнными сосками. Агата видела, что он готов к соитию, но его неторопливость ей нравилась. Она сулила ещё больше наслаждения в последующем. Всеслав развернул Агату к себе спиной. Красивые икры ног, ягодицы и крепкая гибкая спина, она была неотразима. Он решил взять её сзади? Томительное ожидание было невыносимо. Агата решила наклониться, пусть побыстрее овладеет ей, у них ещё будет возможность разглядывать друг друга после любовных утех.

Когда женщина нагибалась, дверь, которую Всеслав толкнул ногой, неожиданно открылась. Его колена, упёршееся в её ягодицы, аккуратно подбросило её в воздух и вместо горячих объятий страстного любовника Агата Лоскутова очутилась в обжигающем холодом сугробе. Сапоги и шуба прилетели следом. Мигом подбежавшая прислужница помогла госпоже вылезти из снега.

Закрыв дверь, Всеслав с трудом отдышался. Вылил себе на голову ведро ледяной воды, чтобы остудить проснувшееся вожделение. «Жена, у меня есть жена», — вслух сказал он сам себе. «Тогда зачем я поселил Агату сюда и зачем я вообще сюда приезжаю?» — спросил он в пустоту, выливая на голову ещё порцию холодной воды.

С тех пор как Всеслав Строгов забрал Венделя у Харитона Волкова, тот почти не видел государя Рустовесской земли. Сначала он организовывал переход катхоров в Вечерние земли, потом утрясал дела с Булатовыми, потом куда-то уезжал. Всё это время Вендель жил под охраной в резиденции державного князя. На цепи его никто не держал, но и глаз с него не спускали. Всюду следовали за ним крепкие молодцы из Тайной стражи. И вот, наконец, Всеслав Строгов вернулся в Древгород и готов принять его лично.

Отмытый и одетый в чистую одежду, Вендель явился к Всеславу. По пути он размышлял о том, как приветствовать князя, просто словами или преклонением колен? Вопрос отпал сам собой, когда оказавшийся в малой трапезной сын вождя был встречен возгласом:

— О, вождь, проходи, усаживайся! — Всеслав шлёпнул ладонью по скамье рядом с собой. Помимо государя здесь же был его брат Лютогост и несколько старших офицеров.

— Спасибо, князь, — Вендель научился довольно бегло говорить на рустовесском языке. Оказалось, это довольно легко, если с тобой разговаривают, а не держат на цепи и не пинают ногами. — Только я не вождь. Я это, как его, ушёл который. Не сам.

— Изгнанник?

— Вот, изгнанник!

— С кем не бывает. Я вот тоже изгнанником был. Но вернулся. А ты хочешь вернуться?

— Хочу. Но не на цепь и не на тот островок.

— Я помогу тебе, Вендель, — князь хитро подмигнул. — Если мы договоримся.

— Всё, что угодно. Хочу мстить. Как это... Детям своего отца.

— Братьям?

— Да, братьям. Что мне сделать для тебя, князь? Я ведь не просто так ем с твоего стола. Как у вас говорят: просто так только поросёнка кормят. Да и то, чтобы скушать потом.

— Хах, верно, — посмеялся Всеслав. — Я помогу тебе стать вождём Киврийской державы. А ты будешь моим союзником. Сестру мою в жёны возьмёшь, Дарину.

— Сестру? А сестра не быть с мужем? Как по-вашему?

— Девственница? Нет, она вдова. Мой отец обещал её одному предельному князю. Но тот погиб и её отдали замуж за другого.

— И он погиб?

— И он погиб. У неё сын от мужа. Сын здесь останется. А сестру мою ты себе возьмёшь.

— Возьму, — кивнул Вендель. Всеслав отослал одного из офицеров куда-то.

— Если берёшь Дарину, то получишь хорошее приданное. Пойдём, покажу.

Всеслав и Вендель, сопровождаемые другими офицерами, оказались в казармах рустовесских войск. По команде на плацу построилось воинство, явно не из местных бойцов.

И не Гвардия Единого.

— Мой тебе свадебный подарок, — сказал Всеслав, указывая на бойцов. — Полторы тысячи наёмников с Мирлийских гор. Тебе хватит, чтобы стать вождём?

— О, да! Это щедро, очень щедро!

— Бери, — Всеслав протянул Венделю меч в богато украшенных ножнах. Тот с благодарностью принял. — Отныне мы союзники. К весне я соберу корабли на берегу моря и они доставят тебя в Киврийские земли.

— К весне? Зачем ждать? Сейчас зима. Я знаю путь по льду. Мимо таслейских берегов. Я убью братьев и стану вождём! Познакомь меня с Дариной скорее.

Не только Вендель в Древгороде радовался новому войску. Как и обещал представитель Сонмища Мудрости, под начало Петру Строгову передали две тысячи молодых парней. Все как на подбор, рослые, крепкие, ловкие. Одно удручало, не было у них ратной выучки. Вообще никакой. И дисциплины тоже. Пришлось отложить грандиозные планы возрождения Вежинского содружества и заняться обучением дружины военному делу. А тут без Корнила Шахова было не обойтись. Не смотря на свой отвратительный характер и безмерное сквернословие только он мог организовать из этой толпы слаженную рать. К тому же в его преданности можно было не сомневаться, её он доказал не раз. Поначалу Пётр подумывал попросить Хотена Юрьева, чтобы тот выделил ему офицеров для обучения. Но взвесив все за и против, отверг эту идею. Он должен показать всем, что своими силами может сколотить боеспособное войско. Пусть Юрьевы, храмы и другие Дома видят, что Пётр Строгов не попрошайка, а вполне самостоятельный князь. Докажет это, сможет создать союз. Не докажет, так и придётся оставаться изгнанником. Деньги на прокорм его дружины поступали исправно, оружие имелось. У владыки Густошумья он попросил лишь место для тренировок. Хотен без возражений выделил его, с интересом наблюдая что будет делать юный князь.

Поэтому всё имевшееся время Пётр Строгов проводил на плацу, тренируясь вместе со своими воинами. Как говаривал когда-то отец, ратник должен видеть своего полководца не только на смотрах или издали во время сражения. Если князь хочет завоевать настоящее уважение и преданность простых воинов, они должны чаще видеть его рядом с собой, обливающегося потом во время упражнений. Будучи владыкой Древгорода, Пётр пренебрегал этим родительским советом. Может быть поэтому, его войско так легко перешло на сторону Всеслава. Теперь такой ошибки он не допустит.

Остальное время Пётр проводил на военных советах, охотах и пирах. Последнее время он приобрёл вкус к хмельным напиткам. Местные умельцы хранили рецепты изготовления крепких настоек, кои Петру раньше пробовать не доводилось. С помощью каких-то приспособлений они выжимали из браги прозрачную жидкость, которую пить было невозможно, потому что она жгла как огонь. Умельцы разбавляли эту жидкость до нужных пропорций, в которых она шла легче. В отличие от пива или мёда, её было достаточно выпить всего пару стопок, чтобы неплохо захмелеть. На застольях князя Юрьева этот напиток подавали настоянный на клюкве и бруснике. Петру нравилось. Вера новых увлечений молодого мужа не одобряла. Впрочем, муж о ней не забывал, всегда возвращаясь к супруге. Исключения были лишь во время учебных походов дружины и княжеских охот.

Корнил Шахов терпеть не мог охоту. По большей части своё время он тратил на

муштровку дружины и военные хлопоты. Ещё приходилось участвовать в попойках с офицерами. Нужно было постоянно доказывать Петру свою полезность и незаменимость, поэтому присутствие за столом было не менее важно, чем в казарме. И похоже, Корнилу удалось убедить князя, что именно на нём держатся воинские отряды. Все заботы о бойцах беглого государя были завязаны на него. Без воеводы Пётр был как без рук и без ног, и прекрасно это понимал. Корнил не любил пирушек, но приходилось на них присутствовать. Зато охоту он пропускал с лёгкостью. Поначалу Пётр настаивал на его участии, но потом перестал давить, согласившись, что Корнилу нужно время на отдых.

Пётр Строгов настолько доверял своему первому офицеру, что даже предположить не мог, какие мысли бродят в его голове в свободные минуты. А между тем, в свободные минуты Корнил Шахов размышлял о жене своего господина, Вере Строговой. Когда бывала возможность, он не слишком таясь поглядывал на неё во время прогулок, застолий и других подобных событий. И всё глубже и глубже Вера застревала в его голове, вытесняя своим образом другие мысли. Элли, жену Лютогоста, Корнил не любил. К ней он испытывал лишь телесное влечение, ему нравилось обладать ей и слушать её сладкие стоны ночью. Элли была нужна ему для укрепления своего влияния при дворе. Поэтому, когда глупая женщина вознамерилась заключить мир, грозя перечеркнуть всё, чего Корнил смог добиться, он не моргнув глазом убил её. А также её сынков. Эти мелкие засранцы всегда его раздражали. Элли он прикончил с лёгким сожалением. Их с радостью.

Теперь же его мыслями прочно овладела Вера. Любовь ли это? Вряд ли. Про себя Корнил точно знал, что любить не способен. Любовь это удел женщин, а также всяких слабаков и нытиков, которые им уподобляются. Но вот Вера... Когда появлялось время, Корнил следил за женой своего господина. Видеть её как можно чаще стало его тайной потребностью. Потом Корнил понял, что хочет её. Именно Веру и никого другого. Он пробовал поначалу отвлекаться на поблядушек, подобно тому, как делал это Егор Михайлов, пытавшийся в объятиях продажных девок утопить тоску по потерянной супруге. Смешной такой. Наверняка его Агату в тот же день изнасиловали княжеские конники, а потом повесили на дереве. По крайней мере сам Корнил, будь он командиром конного отряда, именно так и поступил бы. Вера не была такой же красавицей как жена главного телохранителя, но обладала своей статью и привлекательностью. У неё был характер. Однажды, после битвы со сваяльцами, Вера подкараулила Егора Михайлова и отвесила ему смачную пощёчину. Корнил был восхищён молодой женщиной. В темноте он подошёл к ней и дотронулся до плеча, когда Вера плакала. Это прикосновение до сих пор грезилось ему во сне. Всё сильнее он хотел обнять её, целовать, снять с неё одежду и войти в её тело, слушая сладкие стоны. Весь вопрос был в том, как Корнилу добиться её благосклонности. Трудная задача, очень трудная.

Вера прогуливалась во дворе резиденции князей Юрьевых. Под её присмотром игралась в снегу дочь Рада и ещё несколько маленьких детишек. Жене беглого державного князя нравилось здесь, в цитадели Дома Юрьевых. В Древограде ей приходилось исполнять обязанности хозяйки женской половины, что подразумевало множество хлопот. Здесь же она была просто одной из воспитанниц, к тому же на привилегированном положении. А это позволяло практически всё время уделять дочери и мужу. Засмотревшись на детей, Вера не заметила стоящего неподалёку Корнила Шахова. Воевода шагнул к женщине и заулыбался. Та вздрогнула от неожиданности, но тут же взяла себя в руки. Корнил Шахов был ей противен. Более того, она побаивалась этого грубого человека, но показывать свой страх или

смущение Вера не собиралась. Она посмотрела на его самодовольную ухмылку и вновь удивилась, что же нашла в этой роже Элли? Дня не проходило, чтобы она не трещала о своей необыкновенной любви. Корнил же тем временем любовался Верой, её личиком, глазами, раскрасневшимися на морозе щёчками.

— Воевода, — деланно удивилась Вера, — что же вы не на охоте со всеми мужчинами?

— Терпеть не могу охоту. Вот пожрать люблю, а охотиться нет.

— А здесь что делаете?

— На тебя люблюсь, — прямолинейный ответ Шахова смутил Веру. Что ему надо от неё?

— Воевода, воевода, — Вера снова взяла себя в руки, — негоже такие вещи замужним женщинам говорить. Это хамство.

— В чём хамство? В том, что я признаю твою красоту?

— А красоту Элли ты тоже признавал? — женщина решила не уступать его хамству. — Признавал, а потом убил?

— Да сколько повторять, — Корнил обречённо махнул рукой, как делают люди, вынужденные по сто раз объяснять простейшие вещи. — Сколько повторять, я пальцем её не трогал. Она вернулась к Лютогосту, а тот из ревности её видимо и прикончил. А потом слух пустил, что это я. Хочешь знать, убивал ли я людей в своей жизни? Конечно, убивал. Я же воин. Я служил в Младшей дружине Дома Строговых, как и мои братья. Я сражался у Каменного идола, был в походе против храма Благопроявлений, бился у хутора Бескрайний Шиш, участвовал в степном походе, когда мы прогнали кочевников из Крайнесточья и на Багровых полях я тоже был. Не веришь? Могу показать тебе шрамы на своём теле.

— Нет уж, не надо мне ничего показывать.

— Вера, — Корнил положил ладонь ей на плечо, женщина быстро стряхнула её, — вот ты возмущена, что я хвалю твою красоту. А знаешь, как трудно мужчине без женской ласки?

— Уверена, в городе множество девиц с радостью одарят нежностью такого могучего воина.

— Хах, — усмехнулся Корнил, — мне они не нужны. Я ведь не Егор Михайлов, чтобы к поблядушкам бегать. Мне нужна ты.

— Что ты городишь такое? Я тебе не ровня, я жена твоего господина.

— Думаешь, ты первая знатная женщина, которая заведёт любовника?

— Это тебя мне что ли в любовники взять? — Вера внимательно посмотрела в лицо Корнилу. Насмехается он что ли или серьёзен? Совсем не понять. — И когда же нам с тобой утехам придаваться? И где?

— Да хоть бы пока твой муж на охоте пропадает. А где, найти всегда можно.

— Дурак ты, Корнил! Женщины любят победителей. А ты? Может ты и славный воин, но какие за тобой победы? Один раз ты на битву шёл и без боя всё войско Всеславу отдал. А ещё в любовники напрашиваешься.

— То есть если я буду побеждать на поле боя, то ты будешь ко мне добрее?

— Корнил, одержишь победу в битве, женщины тебя сразу полюбят.

— И ты тоже?

— Ну я ведь женщина, — с дуру лягнула Вера. Глаза воеводы загорелись вдохновением безумца.

— Ради твоей любви я одержу победу во славу Петра. И не одну. Но и ты запомни, посмеешь меня обмануть, очень пожалеешь. Все очень пожалеют.

— Погоди, Корнил, — Вера попыталась остановить его, но воевода решительной походкой уходил прочь. — Что ты там себе надумал?

— Ты пообещала, — сказал он ей, обернувшись. И от этих слов Веру бросило в холодный пот.

Зима, укутавшись в шубу, наблюдала за тем, как Лютогост гоняет на плацу ратников тяжёлой конницы. Это были новобранцы, в основном из простонародья. Очень трудный для обучения ратному делу люд. Раньше было намного проще, когда в конницу набирали сыновей знатных домов, которых чуть ли не с пелёнок усаживали в седло. В ходе войны значительное число из них погибло, оставив князей перед выбором, либо иметь очень небольшие конные отряды, либо вообще не иметь всадников. Муж Зимы Всеслав, подошёл к вопросу воссоздания конных сил с присущей его уму своеобразностью, приказав брать в полки молодых крестьянских отпрысков. «Благородных у нас не хватает, значит возьмём из простолюдинов, — сказал Всеслав, — их можно выучить сидеть в седле и убивать ничуть не хуже».хлопот с ними было очень много, но постепенно результат убеждал в верности принятого государем решения даже самых последовательных противников такого подхода. Зима посматривала как Лютогост самолично воплощает в жизнь задумки её мужа. После того как Лютогост потерял Элли и сыновей, они с Зимой подружились. Поначалу он просто искал утешения в беседах с ней. Потом, когда боль и злость улеглись, Лютогост и Зима обнаружили друг в друге интересных собеседников. Всеслав одобрил их дружбу, ему было приятно, что брат не впал в чёрное уныние. Да и жене было полезно иметь друзей среди высших офицеров. Мало ли что может случиться в сражении или в походе. Всеслав надеялся, что Зима сможет в случае чего сохранить и приумножить его завоевания и благополучно обеспечить переход власти к их старшему сыну Красимиру.

Закончив тренировку, Лютогост собрал вокруг себя дышащих густым паром юнцов и стал объяснять что-то. Видимо, указывал на ошибки и делал наставления. Мальчишки смотрели на своего старшего полководца как на сошедшего с небес бога, внимая каждому его слову. В сущности так и было. Лютогост был легендарным воином, братом державного князя, сыном ещё более легендарного отца. А они были просто мальчиками из нижних сословий, которых отдали на пожизненную службу в армию, как правило потому, что дома их нечем было кормить. Закончив объяснения, Лютогост приказал расходиться по казармам. Заметив жену своего брата, он помахал ей рукой и, с лёгкостью перепрыгнув через невысокие ограждения плаца, подошёл ближе.

— Всё гоняешь воинов?

— Гоняю, иначе никак. Им до воинов ещё учиться и учиться, а потом сражаться и сражаться. Как там Кира? — Лютогост спрашивал о своей новой супруге, сестре хана катхоров, на которой он был вынужден жениться по условиям договора. Для удобства она приняла новое имя, привычное для слуха жителей Рустовесской державы.

— В порядке всё. Очень быстро всё схватывает, работает как полагается. И язык наш учит. А я катхорский учу, — в доказательство Зима произнесла несколько фраз на языке новых союзников.

— Ну молодец! Мне же в поход скоро. Не успел жениться, снова в разлуку, — посетовал Лютогост. — Всеслав приказал сопроводить Венделя с его отрядом до льдов Киврийского моря, чтобы...

— Чтобы не было проблем с Волковыми, — договорила за него Зима и улыбнулась. — Ну ничего, поход не военный, скоро вернёшься. Я в ваших мужских делах тоже кое-что теперь понимаю.

— Не перестаю восхищаться тобой! Я ведь помню, как наш отец привёз тебя и какая ты была скромная и стеснительная. Даже в свите над тобой подшучивали. А теперь боятся и уважают. Да и в политике многое смыслишь. Это удивительно.

— Слушай, Лютогост, я вот зачем тебя здесь поджидала. Мне стало известно, что летом, когда вы преследовали Петра, вам в плен попала жена его телохранителя, Агата Михайлова. Это так?

— О... Ну... Слушай, — Лютогост закрутил головой в разные стороны, словно ища куда бы убежать, а потом опустил глаза под ноги, — я остывать начал после тренировки. Как бы мне простуду не подхватить. Давай потом поговорим. Мне надо доспехи снять, помыться.

— Это так? — настойчиво повторила вопрос Зима.

— А... Ну... Да, это так.

— Она действительно такая красивая?

— Да, очень красивая.

— Всеслав сделал её своей любовницей?

— О... Ну... Слушай, я не хочу болтать ничего про брата, тем более, что он мой государь. И тебе я врать не хочу. Я тебя слишком уважаю. Поэтому прошу, не задавай мне таких вопросов. Разговаривай с ним сама на такие темы. Хорошо?

— Хорошо, — улыбнулась Зима, — я буду говорить с ним.

Плотно откусав в трапезной княжеской резиденции, Миша Воробей решил заглянуть в канцелярию, где ему, как главному придворному хронисту, отвели небольшую рабочую комнатку. Ещё в коридоре он заметил, что в комнате горит свеча. Интересно, кто там уселся, его помощник? Надо сделать ему нагоняй, чтобы без разрешения не шастал. Войдя в комнату, Миша застыл на пороге. За его столом сидел державный князь Всеслав Строгов, с любопытством читая листы хроники, над которой уже несколько месяцев работал Миша.

— О, хронист, заходи, не стой на пороге.

— Государь, приветствую Вас, — Миша поклонился. — А Вы...

— Читаю твою рукопись, первые главы. О моём возвращении в Древогород. Чушь полная. Что это такое? — Всеслав сунул в лицо хронисту бумаги. — Ни стиля, ни слога, ни последовательности.

— Это черновики, — попытался оправдаться Миша.

— Черновики у тебя вот, — Всеслав подвинул ящик, в котором хранились деревянные пластинки с пометками, бумаги с кратким изложением отдельных событий. — А вот это помечено как чистовик. И что я вижу?

— Государь, просто я пока...

— Ты сколько уже трудишься на меня? И знаешь, я тебя взял потому, что углядел в тебе таланты и способности. Хочешь сказать, что я ошибся? Сколько у тебя на руках лишних пальцев?

— У... Меня... У меня нет лишних, — Миша побледнел.

— Я так и думал. Смотри сюда. В черновиках у тебя вполне годные заметки. Многие события ты лично видел. В конце концов, ты можешь у меня спрашивать и у офицеров

моих. С этого дня я беру твоё сочинение под своё особое внимание. Пишешь каждую главу на черновик, показываешь мне, я редактирую. И трудишься на совесть, как полагается. А не так, что между обедами время слегка находишь. Ты понял меня?

— Понял, князь.

— Пойдём сходим кое-куда.

Князь и его хронист вышли на улицу. Вечер был не поздним, но темнота уже плотно легла на Древгород. Освящённая редкими факелами резиденция державных князей грозным силуэтом прорисовывалась на фоне неба. Всеслав привёл Мишу на конюшню. Подозвал к себе бойца из Тайной стражи, указал ему на хрониста: «Вот этому десяток плетей отвесишь. Не слишком увлекайся, аккуратен будь. А ты, Миша, помни. Я тебя нанял для важного труда, а не для того, чтобы ты за мой счёт себе жир отращивал».

После ужина, Всеслав отправился в опочивальню. Зима ждала его там, сидя на ложе. Вид у супруги был очень строгий, она поприветствовала князя подчёркнуто холодно.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Всеслав. — Почему не пришла за стол?

— Присядь, — Зима рукой указала место рядом с собой. — Нам надо поговорить.

— О чём? — Всеслав сел рядом и попытался обнять супругу за плечи, но она сбросила его руку. — Что случилось?

— Я знаю, что летом ты захватил в полон жену телохранителя Петра, Егора Михайлова, — Зима решила бить прямолинейно, без ходьбы вокруг да около. — Как уж её зовут, Агата Михайлова?

— Э... Да, было дело.

— Она твоя любовница?

— Что? Нет, милая, как ты могла так подумать?

— А почему нет? Я слышала, она красавица. Если у тебя с ней ничего нет, то где ты её прячешь и зачем? Пленницу мог бы и в мою свиту привести. Зачем держать её отдельно?

— Не знаю... — Всеслав и сам не мог ответить на этот вопрос. Действительно, почему он не передал её в свиту своей жены, где подобной пленнице было бы самое место. Зачем он ездит к ней в острог, даже когда выяснилось, что использовать сына Агаты и Деяна Булатова будет невозможно. Подозрения жены были небезосновательны. — Любимая, послушай. Мы столько вместе прошли. Я тебя люблю. Я помню как ты закрыла меня своим телом тогда, на дороге, когда нас догнали князя Вежинского содружества. Я тебе клянусь, что не сплю с Агатой Михайловой. У меня с ней ничего нет.

— Лжец! — Зима встала с ложа и, повернувшись к мужу спиной быстро разделась. Позволив Всеславу увидеть своё обнажённое тело, она быстро забралась под покрывало и легла на бок, отвернувшись в сторону. Князь воспринял её поступок как намёк на примирение. Раздевшись он лёг рядом и потянул супругу на себя. Не оборачиваясь, Зима вырвалась из его объятий. — Уйди! Не трогай меня!

— Ну ты чего? Иди сюда. Я не заслужил твоих обид. Давай, иди ко мне.

— Уйди! Езжай к любовнице, пусть она тебя ублажает!

— Значит так вот?

— Да, так! — всю ночь, Зима проспала на боку, отвернувшись от мужа.

«Хорошо», — подумал про себя Всеслав и ранним утром отправился в Вешневодье. Когда Агата вышла из спальни, она вздрогнула от неожиданности. Около её двери стоял державный князь и молча смотрел на женщину. «Государь? Мне не доложили, о Вашем приезде, — Агата улыбнулась. — Приехали снова бросить меня в сугроб?» Всеслав

решительно шагнул к ней, взял за талию и прижал к себе. Накрыв ротом её нежные губы и не отрываясь от них, принялся срывать с Агаты одежду. Она слабо, лишь для порядку сопротивлялась, одновременно умело поощряя его действия. Раздев её донага, князь разделся сам и повалил женщину на ложе. Шумно вдыхая воздух, Всеслав резкими нетерпеливыми движениями, каждое из которых наполняло комнату её стонами, овладел женщиной. Почувствовав его в себе, Агата ликовала. Теперь государь Рустовесской земли в её руках! Наконец, их общее напряжение достигло предела, вылившись в сладостное наслаждение. Она ощутила в себе его липкое горячее семя, а он без движений застыл на ней, дыша как после бега. Агата погладила его волосы, прижала к своей груди голову князя. «В следующий раз, — нежным слегка обиженным голоском прошептала она ему в ухо, — не смей брать меня так грубо, я ведь живой человек и нуждаюсь в ласке». «Да», — ответил он, целуя её грудь и шею. Впереди их ждёт ещё многое, в этом Агата Лоскутова теперь не сомневалась.

Глава 9 Пагубная прихоть

Убедить Петра Строгова в необходимости отправить дружину в поход было просто. Сложнее оказалось отговорить князя от личного участия в опасном набеге, но и это в конце концов было сделано. Петра убедил довод, что пока его ратники добывают славу на поле боя, он должен заняться организацией будущей войны. Корнил Шахов был восхищён собственной смекалкой и умом. Уводя дружину на границы владений державного князя, воевода одной стрелой убивал сразу трёх зайцев: его новобранцы получали опыт настоящей войны, князь Пётр демонстрировал союзникам свою силу, а Корнил Шахов укреплял свой авторитет и значимость. Был и ещё один заяц. Жена князя, Вера Строгова, получит ту победу, за которую ей придётся наградить воеводу своей благосклонностью. Конечно, Корнил понимал, что Вера брякнула не подумав, и не станет вот так просто изменять своему мужу. Но на этот счёт у воеводы был план.

Корнил прикрикнул на своих бойцов и они ускорили шаг. Дорога, шедшая через заснеженный лес, выведет их к поляне. Там дружина устроит укреплённый лагерь по всем правилам военного дела. Позади над верхушками елей стелился дым от пылавшего острога. Уже вторая крепость, сожжённая воинами Корнила Шахова за последние десять дней. Ещё были мелкие отряды Поместной стражи, которые они разогнали. Когда же Всеслав вышлет против них что-нибудь посерьёзнее? Какой-нибудь полк или дружину. Воеводе не терпелось попробовать свои силы на противнике посильнее. Пусть всякие высокородные князья смотрят на него с презрением, пусть его Дом наполовину смешался с крестьянскими семьями. Кровь у всех красная и мозги в черепушках у тех, кому посчастливилось иметь знатных родителей, не всегда соображают лучше чем у худородных. Ещё будучи простым ратником, Корнил обращал внимание на то, как командуют офицеры, размышлял, как бы он поступил на их месте в том или другом случае. А став воеводой при князе Петре, он стал изучать военное дело ещё тщательнее. Очень много общался с опытными офицерами, выведывая их мнение по самым разным ратным вопросам. Даже читал книги из библиотек, где описывались войны прошлого. Как ни странно, было в них много чего полезного. Словом, пускай Всеслав пришлёт за ним кого-нибудь из своих офицеров, Корнилу не терпелось сойтись с действительно опасным и сильным врагом.

Спустя четыре дня мечта Корнила Шахова сбылась, его конные разведчики обнаружили полк державной армии, выдвинувшийся против его дружины. Об этом воеводе доложили ночью. Узнав, что противник в половине дневного перехода, он приказал трубить подъём на три часа раньше. Воины плотно поели и выдвинулись на врага ещё до рассвета. Смертельная игра началась.

Дозорные, выставленные державным полковником, вовремя заметили дружину Корнила Шахова. Полк успел приготовиться к бою. Воевода осмотрел построения врага и сразу же нашёл слабые места. Если не считать нескольких десятков конников, силы врага были в основном пешими, причём без достаточного числа лучников. Вместо того, чтобы занять бугор, державные офицеры выстроили своих людей у его подножия. Возвышенность не ахти какая, но она бы дала копейщикам серьёзное преимущество. Корнил Шахов выдвинул вперёд ударный кулак своих копьеносцев, за которыми выстроил лучников. По бокам же поставил конницу.

Пропели трубы и под треск барабанов рати стали сходиться. Сразу обнаружилось, что

державные бойцы плохо держат строй в движении. Дружинники Корнила Шахова делали это намного лучше. Не зря он до изнеможения гонял их на тренировках и ругался последними словами. Ещё больше ряды врага расстроились после того, как лучники Корнила Шахова накрыли их своими стрелами. Немногочисленные стрелки врага пытались поддержать своих пехотинцев, но толку от их стараний было мало. Когда копейщики сошлись в рукопашную, воевода приказал коннице атаковать и сам повёл её в бой. Всадники, которых так старательно обучал Корнил, показали себя превосходными бойцами, за короткий срок истребив почти всю конницу врага. Воевода и сам убил своим копьём троих державных конников. Несколько уцелевших бросились бежать, а тем временем Корнил Шахов со своими молодцами зашли в тыл копейщикам. Исход боя был решён. Началось безжалостное истребление проигравших. К чести древгородского полковника, он не бросил своих воинов, а сражался рядом с ними до конца. Четверо пехотинцев окружили офицера, но он, возвышаясь в седле, умело от них отбивался и даже одного ранил. Один из бойцов решил подрубить ноги коню, но Корнил Шахов остановил его: «Скакуна не трогай, я его себе заберу». Копьё воеводы вынесло полковника из седла, нанеся ему глубокую рану и сломав несколько рёбер. Корнил выхватил саблю и спустился к поверженному врагу. Подняв полковника за кольчужный ворот, воевода рубанул его по горлу, залив вытоптаный снег кровью. «Пленных брать не надо, всех к Килме в гости», — приказал он.

Одержанные воеводой победы, хоть и были не очень крупными, но всё же принесли Петру уважение среди противников его брата. Хотен Юрьев одобрил идею воссоздания Вежинского содружества и обещал оказать всяческую помощь. Свою долю благодарности получил и Корнил Шахов. Офицеры Дома Юрьевых стали проявлять к нему больше почтения, чем раньше.

Пётр и его воевода уселись в Малой трапезной княжеской резиденции. Прислужники подали им хлеб и пиво в пузатых деревянных кружках. Втянув губами пену, Пётр сделал большой глоток, после чего отломил кусок свежего хлеба и заел. Корнил Шахов в точности повторил действия своего господина, чем вызвал его улыбку.

— Так что, каковы потери в дружине?

— Убитыми и умершими от ран двести восемнадцать ратников, — не задумываясь ответил Корнил.

— Потери не слишком маленькие.

— Это война, господин. Зато те, что выжили стали настоящими воинами. Два сожжённых острога, разогнанные разьезды стражей, уничтоженный полк. Потери сил Всеслава превышают тысячу убитых. Итог очень хороший.

— Да, ты как всегда прав, Корнил. Ничего, я напишу Сонмищу мудрости и они найдут для меня две сотни новобранцев.

— Обучить их будет уже легче, ведь остальные попробовали себя в сражении, — заметил воевода.

— Я в канцелярию управы, — сказал Пётр, поднявшись из-за стола. — Буду писать письма Булатовым и Озеровым. Настало время объединять князей на борьбу с Всеславом. Ты идёшь?

— С твоего позволения, господин, я выпью ещё кружку пива. Хочу отдохнуть немного.

— Как допьёшь, приходи. Корнил!

— Да?

— Спасибо тебе. Если бы не твоя помощь и твоя преданность, ничего бы не получилось.

— Для меня великая честь служить тебе, господин.

Когда Пётр удалился, Корнил велел подать ему ещё кружку пива. Отхлёбывая приятную горечь, воевода поблагодарил богов за то, что даровали ему удачу в походе. Он не только умеет организовать толпу в войско, но и побеждать у него получается. А значит, влияние на Петра только усилится. Он подвинул кружку, придавив ей несколько крошек, лежавших на столе. Сделал несколько круговых движений, раскатывая эти крошки в малюсенькие блинчики. Наблюдал как ходит в кружке янтарное пиво, накатывая то на один её край, то на другой. В походе они взяли кое-какую добычу, немного золота и серебра. Все ценности Корнил передал Петру, само по себе богатство его мало интересовало. Гораздо более значимым он считал власть и влияние. А власть и влияние можно обратить во что-нибудь приятное. Словно в ответ на его размышления в Малую трапезную вошла Вера. Молодая женщина сделала несколько шагов к сидящему за столом воеводе, но потом остановилась.

— Ой! — Вера не ожидала увидеть здесь Корнилу, встречи с которым она всячески избегала.

— Вера, здравствуй! — Корнил с лёгкостью хищника переместился от стола к двери, загородив ей выход. — Как я рад тебя видеть!

— Я тоже рада... Где мой муж, я искала его. Пропусти, мне надо уходить.

— Куда же ты убегаешь? Думаешь, так можно?

— О чём ты?

— Вера, — Корнил с наигранным разочарованием развёл руками, — разве ты забыла, что за победу обещала одарить меня своей любовью? Я одержал победу! И теперь хочу получить от тебя свою награду.

— Дурак ты. Я ничего тебе не обещала, ты сам себе выдумал что-то. Забудь о своих мечтах. А то тебе же хуже станет.

— Ну что же, я подозревал, что ты попытаешься увильнуть. Я продумал как быть. Слушай внимательно, — Корнил понизил голос и Вере пришлось напрячь слух, чтобы всё разобрать. — Или ты станешь ко мне благосклонна или я прикончу кого-нибудь.

— Кого? — замерев спросила опешившая Вера.

— Кого-нибудь совсем непричастного. А потом ещё кого-нибудь. И уведу дружину. Стану разбойничать на дорогах. И ещё учиню погром. Подумай над ценой своего отказа. Стоит ли смерть непричастного человека твоей упёртости, — Корнил с ухмылкой покинул Малую трапезную, оставив молодую женщину с ужасом обдумывать услышанное.

Миша Воробей явился к хозяину Древгорода за четверть часа до назначенного срока. Пришедший от Всеслава человек, передавший приказ явиться, намекнул придворному хронисту, что князь сегодня «очень суров». Миша решил прийти пораньше. После порки кнутом на конюшне, он взялся за работу над книгой основательно. Просиживал целыми днями за столом, описывая походы своего повелителя, внёс порядок в черновые записи и заметки. Ему вовсе не хотелось лишиться пальцев и оказаться на улице, поэтому к встрече с князем Миша был готов. Хотя замечание о суровом настроении господина заставило его понервничать, пока он ожидал приёма у его дверей.

Однако вопреки опасениям, Всеслав принял его очень радушно. Велел садиться рядом с

собой за стол и показывать рукопись. Миша разложил перед государем исписанные аккуратным почерком листы грубой бумаги с описаниями возвращения державного князя из ссылки. Всеслав внимательно вчитывался, делал небольшие замечания, уточнял интересующие его моменты. Когда князь дочитал и собирался обговорить с Мишей правки, в дверь вошёл стражник и доложил, что к Всеславу явилась группа бойцов Заморской гвардии и просят принять их. Державный князь велел Мише остаться и записывать их беседу. Хронист мысленно порадовался, что взял необходимые для подобных случаев письменные принадлежности. А ведь ещё раздумывал, тащить их или нет!

Гвардейцев было четверо. Крепкие рослые мужи с гладко выбритыми лицами, серьёзными глазами и кожей, напоминающей своим цветом бронзу. Сыны южных земель, в которых они во славу Единого вели войну в императорских войсках. Они поклялись не складывать оружия, покуда весь мир не примет элаитство. И теперь эта клятва привела их в Рустовесскую землю. Вошедшие с почтением поклонились государю. Вперёд вышел один из них, выбранный гвардейцами за почти безупречное знание рустовесского языка. Лишь лёгкий акцент выдавал в нём иностранца. Ну и внешность, само собой.

— Государь! Мы выборные поверенные от Гвардии Элая. Твои верные воины и слуги Единого бога поручили нам передать тебе наш вопрос.

— Гвардией Элая командует мой верный слуга, военачальник Волк Озеров. Вы уведомили его, что хотите меня о чём-то просить?

— Нет, господин. Наш вопрос находится выше его власти.

— Что же, я слушаю вас.

— Государь, — начал гвардеец, — мы прибыли в твою страну, чтобы сражаться за Единого бога. Чтобы с нашей помощью все жители Рустовесской земли обратились в истинную веру. Тем же самым мы занимались и на родине. Но вот уже несколько месяцев мы не воюем. Лишь проводим время в тренировках. Но тренировками не донести истину до сердец людей. Без дела многие наши воины болеют. Ваша погода не привычна нам, южанам. И мы, твои преданные гвардейцы, спрашиваем тебя: когда ты используешь нас для войны за веру? Ведь мы прибыли, чтобы сражаться за тебя, государя, который принял Единого бога. Вот что интересно воинам. Мы готовы терпеть лишения и болезни, но хотим знать когда ты поведёшь нас в бой?

— Вы не должны думать, что ваша служба не приносит пользы Элаю. Разве вы забыли наш осенний поход? Мы обратили в истинную веру катхоров, целый народ. И я прошу вас, не думайте, что вы не нужны мне. Сейчас я готовлюсь к решительной схватке с врагами моего государства. Грядущим летом произойдёт решающая битва и мне не обойтись без гвардии.

— Летом, — гвардеец выглядел разочарованным, — до лета ещё много времени, господин.

— Послушай, передай воинам вот что. Решительная война начнётся летом, с этим ничего нельзя поделать. Вы же не хотите биться по пояс в снегу?

— Мы поклялись сражаться за Элая, пока его имя не будет славиться всеми обитателями суши. Мы ничего не боимся, — воодушевлённо ответил воин, но по его лицу Миша угадал, что возможность оказаться в снегу его пугает сильнее, чем вражеская сталь.

— Готовьтесь к лету. А тем, кому скучно на плацу, я могу предложить вот что. Сейчас Тайная и Поместная стража готовятся к уничтожению бандитских гнёзд в подвластных мне землях. Ведь простые жители должны чувствовать, что князь заботится о них, а не только собирает налоги. А через мою заботу они ощутят и любовь Единого. Я знаю, что гоняться за

разбойниками это не дело для таких прекрасных воинов, но всё же. Если кто-то из гвардейцев хочет поучаствовать в наведении порядка во имя Единого бога, то у них будет возможность присоединиться к стражам. Ты передашь мои слова в точности?

— Да, государь.

Поверенные откланялись и ушли. Но не успел Всеслав вернуться к обсуждению рукописи, как пришёл его брат Лютогост. Он строго и с недовольством посмотрел на Мишу.

— Брат, нам нужно поговорить. Обсудить дела.

— Можешь говорить при Мише.

— Как знаешь. Тот полк, что ты выслал против дружины Петра разбит полностью. Вернее он даже не разбит, он просто уничтожен.

— Полковник?

— Погиб.

— Очень жаль. Он был хорошим офицером.

— И ты так спокоен? Наши потери превысили тысячу человек. Два острога сожжены, а дружина нашего брата улизнула обратно в Густошумье. Нужно срочно поднимать войско и идти на Юрьевых. Ведь они укрывают у себя Петра. Без их помощи он не смог бы нападать на наши земли.

— Мы не будем собирать войско, — спокойно ответил Всеслав.

— Что? То есть что значит не будем собирать войско? Аааа, я догадываюсь, — Лютогост улыбнулся, сел на скамью и сложил руки на груди, — государь Рустовесской земли никогда не делает ничего просто так. Давай объясняй мне свой очередной замысел. Ты же знаешь, что Пётр сейчас собирает союз? Хочет возродить Вежинское содружество.

— Конечно, знаю. Что проще, ловить муравьёв по одному или спалить муравейник?

— Ты про что, брат? — Лютогост с недоумением посмотрел на Всеслава. — Ну... Я не знаю, спалить муравейник проще, чем ловить всех отдельно.

— Вот и я о том. Пусть соберут в Содружество всех недовольных. И вместо того, чтобы бегать по всей Рустовесской державе в их поисках, мы встретимся с ними всеми на поле боя.

Лютогост молчал. Уже не первый раз старший брат показывал ему свою хитрость. Дождаться, когда Пётр соберётся с силой, чтобы прихлопнуть всех врагов разом, что может быть проще? Но ведь и враг дремать не станет. Да и пускай. К весне войска будут готовы помериться силами с любым противником. Он кивнул брату в знак понимания и согласия.

— Хорошо, я понял твой замысел. Тогда хочу спросить тебя о твоих визитах в Вешневодье...

— Погоди, — Всеслав жестом попросил брата помолчать. — Миша, подожди за дверью. Что тебе угодно узнать? — спросил государь, проводив глазами хрониста.

— Та женщина, которую мы пленили весной. Агата Михайлова, кажется? Ты ведь поселил её в Вешневодье?

— Ты же знаешь, что это так.

— Ну да, знаю, — Лютогост говорил неуверенно, так как не чувствовал себя вправе делать своему брату и государю замечания. Но близкая дружба с Зимой заставляла его поговорить на эту тему. — Не моего ума дела, но всё же. Ты часто посещаешь тот острог, особенно в последние месяцы.

— Думаю, я не первый князь, который завёл себе любовницу. Что ты хочешь узнать?

— Не первый, но всё же. Ты державный князь и дела твоей семьи влияют на государство в целом...

— Что ты хочешь узнать? — улыбнувшись повторил Всеслав. — Моя размолвка с женой это наше с ней дело. Она сама виновата. Слишком много себе выдумывала.

— Но ты ведь не собираешься...

— Не собираюсь, конечно. Зима моя жена и так будет всегда. Когда я был ранен, она прикрыла меня собой от воинов Вежинского содружества. Я этого не забыл. И не будем больше обсуждать мои поездки. Ты недавно женился. Вместо того, чтобы выслушивать жалобы моей супруги, лучше ступай к своей. Тебе нужно завести сыновей и дочерей.

Лютогост удалился. Миша Воробей вошёл обратно в комнату. Государь уже держал в руках исписанные его почерком листы. Прочитав черновики, Всеслав велел переписывать их начисто. Хронист уловил недовольство в голосе государя, но понял, что оно связано не с качеством сочинения. Видимо, причиной был разговор Всеслава с Лютогостом. Узнать бы о чём шла речь!

После услышанного от Корнила Шахова, Вера попыталась осторожно поговорить с Петром. Она стала убеждать мужа быть осторожнее, не доверять воеводе ни в коем случае. Но муж отмахнулся от предостережений жены. «Если я и могу кому-то доверять, то только Корнилу», — ответил на её доводы Пётр. Когда же Вера продолжила разговор, Пётр велел ей замолчать. Сказал, что слышать больше ничего не желает про Шахова. На нем держится дружина, а на дружине держится сам Пётр.

Отчаявшись достучаться до мужа и боясь рассказать ему прямо о домогательствах воеводы, Вера решила посоветоваться со своей полудружницей из свиты княгини Юрьевой. Конечно, прямо Вера ей тоже ничего не сказала. Описала историю «одной дальней родственницы из Крайнестьчья», довершив свой рассказ вопросом: «а как бы поступила ты?» На что полудружница потянулась, мечтательно подняла глаза к потолку и немного подумав сказала:

— А я бы пожалуй отдалась!

— Но как так?! — удивилась Вера. — Уступать домогательствам какого-то проходимца!

— А почему нет? Мой вон всё в походах, в казармах, да на пирах. Молодость уходит, я только и знаю, что с детьми нянчусь и в свите обязанности выполняю. Нет, ну если совсем урод, то я бы не стала. Но если бы такой как эээ, — полудружница задумалась, — такой как воевода у твоего мужа. Как его, Корнил Шахов? Вот с таким бы я хоть сейчас пошла!

— Оооо... Ну да, понятно, — вопросов у Веры больше не было.

Она решила поговорить с воеводой наедине. Чтобы окончательно отвадить его от гнусных мыслей и заставить его понять, что если будет нужно, его быстро поставят на место уже совсем другие люди. Вера долго готовилась к разговору. Придумала серьёзное обоснование. Перед беседой специально себя накрутила, чтобы разозлиться. Она подождала Корнила Шахова у казарм, недалеко от ратных трапезных, там, где лежали под навесом дрова. Место достаточно укромное для того, чтобы не быть в центре всеобщего внимания, но и не слишком уединённое. Если что, оттуда можно быстро улизнуть, а подняв крик, привлечь внимание множества дружинников. Пришлось некоторое время подождать. Но здесь она не привлекала особого внимания. Наконец, Корнил Шахов появился. Но пришёл не со стороны отведённой Петру Строгову половины резиденции князя Юрьева, где была его комнатка. Он въехал на боевом коне, дышавшем паром на морозе, откуда-то со стороны городских ворот. За город что ли ездил? «Корнил!» — махнула ему рукой Вера.

Когда воевода подошёл, молодая женщина выплеснула ему в лицо всю накопленную злость, все собранные доводы и угрозы. Без подготовки и предварительного вступления. Прямо как хотела, так и сказала. Но вопреки ожиданиям Веры, Шахов лишь расплылся в широкой улыбке. Достал что-то из кармана своей шубы и протянул женщине. Вера посмотрела. В ладони её лежали заплетённые в косу волосы соломенного цвета. Вернее, часть девичьей косы, отрезанной грубым движением лезвия. Волосы были испачканы застывшей на морозе кровью.

— Что это такое? — со страхом спросила Вера, хотя ответ она уже знала.

— Волосы. Отрезал часа два назад у одной девицы за городом. И макнул в кровь. Я её убил. Я ведь предупреждал тебя, что убью кого-нибудь, если ты будешь продолжать упорствовать. Вот и сделал. Ты мне опять отказала. Значит, я убью ещё раз. Что я там тебе ещё обещал, что дружину уведу? Раз ты ценишь своё тело дороже чужих жизней, пусть люди умирают.

— Ты не уведёшь дружину, — проговорила Вера, уже сомневаясь в своих словах. Этот безумец не врал, он и правда убил кого-то. — Дружина служит Петру.

— Правда. Но если он умрёт, то кому они будут служить? Они слушаются только меня.

— Что ты такое говоришь?! Моего мужа охраняют!

— Кто, Михайлов? Ну так в чём проблема? Я и его убью. Уйду с дружиной и буду убивать всех, кто мне попадётся. А всё из-за того, что ты не захотела лечь со мной в постель. Все эти люди умрут из-за твоего упрямства. Уже начали умирать.

— Ты безумец, — Вера спрятала окровавленные волосы. — Жди. Сегодня же вечером тебя закуют в кандалы и обезглавят, — она пошла прочь.

— Когда за мной придут, я смогу прикончить ещё пару-тройку людей. Что дороже, их жизни или твоё тело? Как решишь ты, Вера Булатова-Строгова!

Тренировка не задалась. Воевода отправился в свою комнатку и закрылся там. Сначала он долго сидел на маленькой скамейке, прижавшись спиной к бревенчатой стене и смотрел в никуда. Похоже, сегодня Позар и Светлоба отвернулись от него. Да причём тут боги? Он сам доигрался. Ему так долго везло, так долго сопутствовала удача, что он сам себя подставил. Симпатия к жене Петра Строгова однажды подтолкнула его к мысли, что он вполне может овладеть ей. И ему стало интересно сделать это. Доказать самому себе, что он способен придумать и провернуть такую опасную интригу. Ставка была очень высока. Он ставил всё чего смог добиться в жизни. В случае победы его любовницей бы стала жена его господина. Кто ещё способен на такую дерзость? И если бы всё получилось, то удовлетворение от того, что он смог было бы намного приятнее, чем тело молодой женщины. Но он переоценил свою хитрость, наглость и своё везение. Безумная прихоть сгубила его. А эта девчонка молодец! Всё-таки вот что значит, кровь знатнейших князей. Она даже не моргнула глазом, просто забрала окровавленные волосы себе и ушла.

Корнил Шахов вздрогнул, словно приходя в себя. На мгновение перед его взором мелькнули наполненные ужасом глаза крестьянской девицы, которую он убил сегодня утром за городом. Сейчас Вера покажет его трофеем мужу и за ним придут. Бессудное убийство простолюдинки, угроза смерти своему господину, домогательство к его жене, обещание поднять мятеж. Обвинений хватит, чтобы уже завтра воеводу обезглавили на городской площади. Шахов поднялся на ноги и достал из сундука своё оружие — саблю, кинжал,

второй кинжал, засапожный нож. Что же, надо идти до конца. Если Вера Строгова готова прикрыть свою верность мужу чужими смертями, так тому и быть. Он как и обещал, прикончит несколько человек, прежде, чем его арестуют. Хорошо бы, если бы за ним пришёл Егор Михайлов. Его Корнил Шахов никогда не любил. Хотя главный телохранитель очень серьёзный боец, с хорошим опытом рукопашных схваток. Но если наброситься неожиданно, то он справится. В любом случае, он утащит за собой на тот свет ещё пару человек.

Хотя, может ему повезёт и Вера Строгова не станет... В дверь настойчиво постучали. «Корнил, ты у себя?» — воевода узнал голос Петра. Понятно, решил лично арестовать предателя. Корнил взял в руки саблю и кинжал. Но пока не стал доставать их из ножен. Открыл дверь. Князь стоял на пороге, с ним были ещё четверо телохранителей, не считая Егора Михайлова. Пётр дружелюбно улыбался. Наброситься на них прямо сейчас или дожидаться, когда они первые себя проявят? После недолгих колебаний, Корнил решил подождать. Ему стало любопытно.

— Я тебя везде ищу, а ты в комнате сидишь. Пойдём со мной.

— Куда, господин?

— Здесь рядом, — подмигнул ему Пётр. — Саблю оставь, она не понадобится.

Вот как, решили на хитрость пойти. Разумно. Корнил бросил на кровать ножны с саблей, но обуваясь, припрятал в сапоге нож, а в рукаве кинжал. Они пошли по коридорам резиденции. Интересно, ему что-нибудь скажут или нападут без предупреждения? Может, сразу прикончить князя? Вот он, совсем рядом идёт. Только протяни руку и вонзи сталь ему в шею. Но Пётр шёл совершенно спокойно. Это смущало. Они оказались на улице. Вот это опасно. На открытом воздухе у их сабель будет преимущество перед короткими лезвиями его ножа и кинжала. Надо было нападать в коридорах. Ладно, нечего ждать. Нужно нападать. Корнил незаметно сжал рукоять кинжала. Пусть первым умрёт идущий ближе всего телохранитель. За мгновение до смертельного броска они остановились. Пётр улыбаясь указал на стоявшие перед ними несколько огромных саней, доверху гружёных оружием.

— Смотри, Корнил, что мне Сонмище Мудрости прислало! А, как тебе? Я поэтому сказал тебе не брать саблю. Тут вон, всего навалом.

— Это же здорово! — напряжение мгновенно исчезло, оставив зияющую пустоту, которая заполнилась смехом. Корнил Шахов весело смеялся. Князь всего лишь решил показать своему воеводе оружие.

— Ты чего так смеёшься?

— Так здорово же. Столько оружия! — Корнил снова засмеялся.

— Что же, хорошо, что тебе весело! Слушай, воевода, я знаю, что ты не любишь этого, но тем не менее. Я послезавтра с князем Юрьевым опять на охоту уезжаю. Давай с нами.

— Нет, господин, спасибо. Я здесь останусь. Послезавтра, значит?

Воевода Корнил Шахов и жена изгнанного державного князя Вера Строгова вышли за ворота поздним вечером. Дежуривший офицер из Поместной стражи Юрьевых понимающе кивнул Шахову. Вера накрылась накидкой, а лицо закрыла платком. Это были не её вещи. Их дал ей воевода.

— Почему он не задержал нас? — спросила Вера, когда они отошли подальше.

— Не первый раз уже хожу. И тоже с девушкой. Это её накидка и платок. Она так же

всегда лицо прячет.

— Так ты всё продумал заранее! Отвлёк внимание стражи... А кто она?

— Из кухонных прислужниц, Элма. Знаешь такую?

— Глухонемая?

— Она всё слышит, но не разговаривает. Ей сваяльцы два года назад язык отрезали.

— Бедная... А ты с ней, ну...

— Конечно, — с улыбкой подтвердил Корнил Шахов. — Внимание хозяина трактира тоже надо было притупить.

— Вот с ней бы и кувыркался, я тебе зачем?

— Нравишься ты мне. Пришли...

Хозяин городского трактира, на заднем дворе у которого был гостевой дом, принял воеводу очень радушно. Воевода платил, а в нынешнее время войны и смуты гости были редкостью. Проводив их до свободной комнаты, трактирщик не обратил на спутницу Шахова никакого внимания. Воевода всё продумал.

Корнил закрыл дверной засов, подбросил в очаг полено. Стал разжигать лучину. «Не надо, — остановила его Вера, — давай в темноте». Воевода снял пояс с саблей и кинжалом, сапоги. Молодая женщина стояла неподвижно. Шахов разделся сам и аккуратно снял одежду с неё. Он вёл себя очень сдержано, хотя Вера чувствовала, что мужчину почти трясёт от желания. Он повалил её в постель и тут же оказался сверху. Она никогда не собиралась изменять своему законному мужу, но так сложились обстоятельства. Ей пришлось уступить домогательствам воеводы, чтобы сберечь жизни других людей. Чтобы уберечь своего мужа. Надо отвлечься, думать о чём-нибудь другом. Вера зажмурила глаза и представила себе летние поля, что были видны со стен Древгорода. Реку, дорогу, возделанные участки земли. Но твёрдое как камень естество возбуждённого воеводы, ненасытно прорывавшееся в её тело, всё же заставило молодую женщину застонать. Он слишком долго желал её, поэтому всё закончилось быстро. Но долгое ожидание имело и другую сторону. Корнил скоро восстановил силы и принялся терзать её вновь. Поля за Древгородом, солнце и летняя река. Думать о них, только о них!

Глава 10 Каждый сам за себя

Агата Лоскутова проснулась и некоторое время просто лежала, греясь в объятиях своего любовника. Всеслав Строгов ещё спал. Она села на постели и посмотрела в окно. Сквозь приоткрытые ставни в комнату пробивался лучик утреннего солнца, смешанный со свежим прохладным воздухом наступившей весны. На улице было тихо, острог только выходил из дремоты. Лишь слышно было как дворový мужик колот дрова для кухни. Раздался плеск воды, это прислужницы таскали воду для кухонных нужд. Солнце встаёт, значит спит только хозяйка Вешневодья, государь и его телохранители. Простой люд уже бодрствует.

Агата сладко потянулась и легла на правый бок, положив голову на ладонь согнутой в локте руки. Осторожно открыла одеяло, обнажив своего любовника по пояс. Стала рассматривать шрамы на его груди, животе и руках. У её мужа, Егора Михайлова, тоже были на теле шрамы. Но он всё же бился как простой ратник и никогда не командовал сражением. Всеслав рассказывал Агате как в битве на Багровых полях он по глупости погнался за побежавшим было врагом и был жестоко наказан за самонадеянность. Рассказывал как его супруга, Зима, прикрыла его своим телом и спасла от расправы. Державный князь сразу предупредил Агату, чтобы она не питала ложных иллюзий. Ему хорошо с ней, но он никогда на ней не женится. «Ну и пусть», — решила для себя женщина. Раз муж от неё сбежал, то лучше быть беззаконницей государя, чем заложницей или хуже того, походной потаскушкой у ратников. А ведь такое запросто могло случиться, не сумеет она тогда на берегу реки убедить офицера в своей огромной ценности. Утащили бы в лагерь и изнасиловали.

С тех пор как Всеслав овладел ей в этой комнате, в начале зимы, Агата мечтала о другом. Она хотела зачать ребёнка от державного князя. Это укрепило бы её положение, а ей самой подарило бы приятные хлопоты о младенце, коим она смогла бы посвятить своё свободное время и унять тоску о потерянных детях. Она постоянно молила богов о том, чтобы они даровали ей счастье вновь забеременеть. Но не смотря на то, что Всеслав посещал её довольно часто, крови начинались у неё с прежним постоянством. Агата даже стала беспокоиться, что с ней что-то не так. Ведь и с Егором Михайловым она прожила целых пять лет, но прижила от него лишь одного сына. Но беспокойство молодой женщины оказалось напрасным. Однажды крови не пошли в срок. Сначала шли дни, потом недели. Наконец, сама Агата однажды испытала знакомое чувство, которое уже бывало у неё раньше. Дважды. Чувство необыкновенного умиротворения и вместе с тем приятного волнения, источник которого был внутри. Теперь она ощущала как теплится в ней новое, мягкое и приятное, что нужно беречь и защищать. Поэтому сегодня ночью, когда они с Всеславом изнуряли друг друга бесконечными ласками, Агата не молилась богам о милости. Милость была ей дарована.

Погружённая в свои мысли женщина не сразу заметила, что её любовник проснулся. Всеслав протянул руку, отведя прядь каштановых волос за ушко. Потом ласково погладил её затылок и подвинув к себе, поцеловал лоб.

— Значит, пока я тут сплю, ты меня разглядываешь?

— Нет, — улыбнулась Агата. — То есть да. Но не совсем. У тебя такие жуткие шрамы... Это больно было?

— Конечно, больно. Крови было, жуть! О чём задумалась?

— На сколько дней ты останешься?

— К сожалению, уже сегодня придётся уехать. Я через шесть дней в поход выступаю.

— А после похода приедешь ко мне?

— Приеду, конечно, но это не скоро будет. Большие дела назревают. Может к зиме управлюсь, а может и до следующего года затянется.

— Так долго? — Агата была разочарована услышанным. — Послушай, милый, я думала спросить потом, но раз ты уезжаешь надолго. Скажи, у нас с тобой отношения, но в связи с ними, должна ли я принять элаитство?

Вопрос был резонным. Всеслав и сам задумывался над ним. Конечно, он не объявлял во всеуслышание о том, что завёл любовницу. Но тем не менее слухи должны ходить. Знает его жена, брат, охранники, обитатели Вешневодья. И то, что она придерживается благоверия, не слишком хорошо. У него и так случались серьёзные трудности с Гвардией Элая, бойцы которой были настоящими помешанными фанатиками. Чем дольше Гвардия была в составе его армии, тем лучше он понимал южного императора, с такой радостью сбавившего этих людей на север, в Рустовесье, и специально указавшего в секретном письме, что не желает возвращения гвардейцев на родину. Сведения о том, что у государя появилась беззаконница, верующая в старых богов, да ещё и помноженные слухами, могут породить подозрения в его сговоре с благоверами. У отца тоже была любовница. Но всё же она появилась после смерти матери и также как и отец молилась Единому. Кстати, о ней. В черед забот Всеслав совсем позабыл о купчихе Ольге, хотя к ней были серьёзные счёты и большие вопросы. До начала похода нужно разобраться.

— Нет, — наконец сказал он, — тебе не нужно принимать элаитство. Ты ведь помнишь, что я тебе говорил?

— Чтобы я не обманывала себя. Что мы не сможем пожениться, я помню. Я не против.

— Умница.

— Всеслав, — Агата крепко обняла своего любовника и положила голову ему на грудь, — обещай, что будешь беречь себя. И возвращайся с победой. Когда сможешь, в любой день и в любое время я буду ждать тебя.

Вдова князя-воеводы Железного войска Кари Слетаева, павшего в битве у Каменного Идола, занимала в свите Зимы скромное, но почётное положение. Всеслав дал женщине хорошую вдовью долю. Её дети были взрослыми. Дочерей выдали замуж, сыновья были на государевой службе в управах и армии. Вдову почитали как мудрую женщину. Не раз обращались к ней девицы за советом о том, как поступить в той или иной жизненной ситуации. После долгих раздумий, сама хозяйка женской половины решила попросить её о помощи. Зима уселась с вдовой в уголке, где та обычно вязала при свете свечей. Почему-то заниматься нитками у окна ей не очень нравилось.

Бродить вокруг да около не имело смысла. Слухи и так ходили, Зима прекрасно об этом знала. Жена государя выложила вдове свою проблему. Договорив, она внезапно почувствовала к женщине непонятную теплоту. Как к своей родной матери, которая умерла много лет назад. Вдова выслушала хозяйку не перебивая, очень внимательно. Потом нежно улыбнувшись и накрыв её руки своей ладонью, посмотрела ей в глаза и заговорила:

— Что я могу тебе посоветовать? Есть в твоей беде выход, но он не так прост. То есть он прост, но потребует от тебя сил и выдержки.

— И как мне быть? — Зима с любопытством и надеждой заглянула в добрые старые

глаза.

— Очень просто. Веди себя так, будто ничего не знаешь. Окружи мужа заботой и лаской. У тебя огромное преимущество. Ты уже его жена, мать его детей, твой сын наследует престол. У вас с государем богатое общее прошлое. Его любовница не сможет с тобой тягаться, если ты будешь тверда и настойчива. Главное показать ему, что с тобой намного лучше, чем с ней. И всё получится. Как часто вы делите ложе?

— Мы... — Зима смутилась и слегка покраснела — Я не сплю с ним уже несколько месяцев. С тех пор как узнала о его связях.

— Ну и глупышка же ты! — вдова ласково щёлкнула госпожу по носу, что было очень удивительно. Никогда она не вела себя так прежде. Но в то же время этот непринуждённый жест ещё больше расположил Зиму к своей собеседнице. Будто и правда она разговаривала с родной матерью. — Ты сама отдала его беззаконнице главное своё преимущество. Нужно срочно его вернуть! Пусть он тратит свой пыл на тебя и тогда у него не останется желаний ехать к ней.

— Но мне так обидно! — Зима захлопала ресницами увлажнившихся глаз. — Мы столько пережили вместе, я столько для него сделала, а он променял меня на какую-то дрянь! — жена князя уже плакала, вдова обняла её за плечи и успокаивала. — Как он мог? И я боюсь теперь за государство! Если он делает такие глупости со мной, кто знает, какие глупости он наделает, управляя нашей несчастной страной.

— Нууууу, милая, успокойся. Ни на кого он тебя не променял. И ваше общее прошлое это твоя сила, а не твоя слабость. А про государство не думай. Пусть о государстве заботятся мужчины. Ты же верни себе мужа. Вроде на днях войско в поход собирается?

— Ага, — Зима уже не плакала, но продолжала обнимать вдову. Именно таких материнских прикосновений ей не хватало.

— Ну вот, — продолжала вдова, — пусть в походе он вспоминает твои поцелуи и твою наготу, а не её. Ты поняла меня?

Тем же вечером, когда Всеслав ложился спать в свою постель, дверь в комнату открылась. На пороге стояла его жена в лёгкой полупрозрачной накидке. Она непринуждённо подошла к ложу и нырнула под одеяло к своему супругу. «Через три дня твоя армия выступает в поход, ты ведь не откажешься приласкать меня? — обнажённая Зима прильнула к Всеславу. — Я очень соскучилась по твоим ласкам». Разве можно было отказаться? Половину ночи они провели в любовных утехах. Похоже, Зима и правда соскучилась по нему. По крайней мере Всеслав уже давно не помнил, чтобы им было так хорошо вдвоём.

На утро он ждал от неё упреков и расспросов о любовнице. Но жена лишь обнимала его и шептала всякие нежности. «Что-то здесь не так», — справедливо подумал князь.

— Когда мы отправимся в поход, — сказал Всеслав, — я хочу взять с собой Красимира. Он мой наследник и должен учиться командовать войском.

— Но он ещё так мал! — возразила Зима.

— Ничего он не мал. Восемь лет самое время для обучения ратному делу.

— Ты прав, но как же его обучение грамоте, чтению, счёту, истории? Ведь поход может затянуться.

— На этот счёт не переживай. Со мной будет множество писарей из различных управ. Он может продолжать обучение в походе. А истории его поучит мой хронист, Миша Воробей.

— На всё твоя воля, — согласилась Зима, — но я буду скучать по сыну.

— На этот счёт не переживай слишком сильно. Ведь остальные наши дети будут с тобой. К тому же у тебя не будет времени скучать. Я оставляю тебя наместником Древограда на время своего отсутствия.

— Будет много недовольных таким решением.

— Недовольных всегда полно. К тому же у тебя не будет права командования ратными силами.

— Ну тогда недовольных будет поменьше, — улыбнулась Зима. — Послушай, я хочу тебя попросить. В Древограде сейчас мой троюродный брат, Герман. Он хороший воин и искренне верует в Единого. Можешь взять его себе в охрану?

— В мою охрану? — Всеслав задумался. Жена хочет, чтобы он взял себе в охрану её родича. Тот наверняка будет приглядывать за князем. Плохо это или хорошо? Да плевать. — Хорошо, я возьму его. Но он должен быть предан мне, должен постоянно совершенствовать свои навыки. Иначе я выкину его со службы не смотря на то, что он твой родич.

— Он не подведёт меня, я уверена. И тебя не подведёт.

— Приведи его ко мне после завтрака. У меня для него будет на сегодня особое задание. Заодно и посмотрим чего он стоит.

Купчиха Ольга проводила своего сына в очередное торговое путешествие и теперь возвращалась домой. Её сопровождал рослый боевик, служивший семье Ольги уже больше пяти лет. Когда почти год назад державный князь заставил всех купцов покупать разрешительные грамоты и нанимать охрану только из государевых людей, пришлось потратить большие деньги. Но теперь дела вновь пошли на поправку.

Они прошли городские ворота и теперь двигались мимо одной из харчевен. После того как державный князь начал собирать армию, у хозяев постоянных дворов начались хорошие времена. Ольга знала это совершенно точно, ей самой принадлежали два небольших трактира в северной части города. Правда начались небольшие проблемы с порядком. Напившиеся ратники то и дело затевали драки. Вот и сейчас двое упившихся вусмерть вояк, повиснув друг на друге, выясняли кто из них не прав.

— Ты... Тупое мурло! — заплетавшимся языком бранился один из них.

— Кого ты мурлом назвал, скотина?! — отвечал второй.

— Тебя!

— Ты свин!

— А ты вошь! Я сейчас тебе всю морду раздолбаю.

— Раздолбай свой пердак когтями!!!

Раздался характерный звук удара по морде и ратники повалились прямо под ноги Ольги. Дальнейшее произошло так быстро, что она ничего не успела сообразить. Лишь на мгновение разум уколола мысль: от столь пьяных людей совсем не пахло хмельным пойлом! Боевик, сопровождавший Ольгу, встал между хозяйкой и дерущимися на земле ратниками. «А ну цыц, пьянь поганая!» — рявкнул он на драчунов. Это были его последние слова. Один из пьяных неожиданно вскочил и пронзил шею боевика кинжалом. Из раны брызнула кровь. Боевик схватился за шею и упал на землю, пытаясь зажать рану, но кровь лилась слишком сильно, шансов у него не было. В это время второй ратник ударил Ольгу кулаком в живот. Женщина согнулась, в глазах у неё помутнело. Она открыла рот, пытаясь набрать в лёгкие

воздух. Но во рту у неё оказалась какая-то тряпка, а на голове мешок. Её подхватили, судя по всему положив на плечо и куда-то понесли. В два движения её руки и ноги были связаны верёвками.

— Герман, ну на хрена ты мне так сильно врезал? — послышался совершенно трезвый голос одного из буянов.

— Извини. Иначе она бы не поверила, — второй нападавший тоже был трезв.

Её волокли недолго. Положили на телегу, накрыли сеном и куда-то повезли. Скрипнули ворота. Сильные руки вновь схватили её и положили на плечо. Шаги. Скрип дверей и позвякивание ключей. Опять шаги, на этот раз по каменным ступеням и полу, сопровождаемые характерным эхом. Скрип железных решёток и дверей. Холодная деревянная скамейка. Руки и ноги освободили от пут.

Ольга пришла в себя. Живот болел не сильно, ударивший её пьяница явно мог врезать и крепче. Пьяница... Куда уж там! Было темно до черноты. Можно было закрывать глаза или открывать, разницы не было никакой. Ольга ощупала пространство вокруг себя. Сзади неё была холодная каменная стена, местами отсыревшая. За дверью послышались шаги. Зазвенел ключ и вновь закрипели плохо смазанные петли. Ольга сощурилась от яркого света факела. Вошли двое. Когда она привыкла к свету, то узнала их. Это был державный князь Всеслав Строгов и один из её похитителей, что так мастерски разыгрывал ссору и драку.

— Государь Рустовесской земли, — спокойно произнесла Ольга. — Конечно, где ещё нам поговорить, как не в знаменитой заключевнице Древгорода!

— Самое место, — ухмыльнулся князь. Интонация его голоса излучала угрозу. — Ты хочешь пить, Ольга?

— Можно...

Сопровождавший князя человек взял из его рук факел, передав ему кувшин. Ольга потянулась за кувшином, но в лицо ей выплеснулась вода. Она закрыла глаза и резко отвернулась, пытаясь прикрыться. Раздался звук разбившегося сосуда, который был отброшен в сторону. Всеслав схватил её за одежду и стал грубо трясти. Она увидела его перекошенное от ярости лицо.

— Мой отец! Отвечай как он умер!

— Ты прекрасно знаешь, как он умер!

— Не лги мне! Он в тот вечер вернулся от тебя! Что случилось в тот вечер?

— Я не знаю!

— Ещё раз солжёшь мне, тебя будет допрашивать Дрочка!

В камеру вошёл человек, словно ждавший, когда его позовут. Небольшого роста, щедушный голубоглазый паренёк со светлыми волосами. В руках его был сундучок. Ольгу передёрнуло от ужаса. Уже давно ходили слухи о том, что в Тайной страже государя есть какой-то особо изощрённый мастер страданий, который способен заставить говорить даже того, у кого нет языка. Шептались, что это не человек вовсе, а злой демон, которого Всеслав вызвал из страшного мира духов и который служит ему только за одну возможность причинять людям боль. Всеслав кивнул человечку. Тот, заметив одобрение своего хозяина едва не подпрыгнул от радости. Глаза его закрутились в разные стороны, излучая какой-то дикий безумный восторг. Он причмокнул так, что на каменный пол капнула слюна, потёр свои ручонки и стал извлекать из сундучка страшные орудия пыток.

— Не надо его здесь! Я все расскажу!

— Говори!

— Я отравила Лесьяра Строгова. Да, это была я. Я не хотела его убивать. Мы любили друг друга и он хотел на мне жениться. Но не сразу, а позже. Мне лишь было нужно, чтобы он заболел. Я бы заботилась о нём и он передумал. Поэтому я подсыпала ему «бескрылую бабочку». Но он умер... Я не хотела его убивать! Я приняла этот яд после похорон, но осталась жива. А он умер... Я не хотела его убивать...

— Ты убила правителя Рустовесья из-за такой глупости. Просто из-за того, что хотела выйти замуж за моего отца пораньше? — Всеслав сел на скамью рядом со своей пленницей. Его словно поразила внезапная усталость.

— Именно так... Но вот тебя я хотела убить искренне и целенаправленно! Это я организовала заговор против тебя. Я предлагала убить тебя, твою жену и детей. И будь уверен, они умрут!

— Герман, убей её, — Всеслав обратился к своему телохранителю.

— Нет, нет, не надо убивать! — неожиданно заступился за Ольгу Дрочка. — Убивать не надо, — бормотал он, — у мёртвых секретов нет!

— Успокойся, Дрочка. У неё больше нет секретов. Ступай к госпоже, она накормит тебя пирогами. Герман, ты не слышал мой приказ?

Человечек быстро собрал свои инструменты в сундучок и ушёл. Было видно, что он не согласен со своим хозяином, но подчиняется его воле как пёс. Похоже, что и правда Всеслав вызвал из мира тьмы какого-то демона. К Ольге подошёл Герман. В руке его сверкнул тусклой сталью кинжал. Удар был сильным и быстрым. Холодное жало пронзило сердце купеческой вдовы. Она бессознательно схватила своего убийцу за руки и провалилась в небытие.

Вечером того же дня в реке Рустовесь, ниже по течению от Древгорода, местные рыбаки нашли труп богатой женщины, убитой ножом в сердце. Ей оказалась купеческая вдова, мать главы одного из торговых семейств, который был в отъезде. Уже через день стражники арестовали насильника и убийцу, который помимо прочих своих преступлений сознался и в убийстве вдовы с её охранником. Преступник был казнён на городской площади при большом стечении народа. Правда, ходил слухок, что убийцу поймали ещё за день до того как пропала купчиха. Но тем слухам мало кто верил. Всякие небылицы ходят из уст в уста. Разве можно всем им верить?

В назначенный день армия державного князя Всеслава Строгова выступила из Древгорода. Государь ехал во главе огромной колонны войск, которая насчитывала двадцать одну тысячу ратников. Рядом с государем ехал его сын и наследник, Красимир. Заморская гвардия, три полка лучников, одетых в кафтаны разных цветов, лёгкая конница, тяжёлая конница, копейщики. Две тысячи отправившихся в поход мужчин шли безоружными. Их лица были не такими гордыми, как у остальных бойцов армии Всеслава. Это были отловленные бандиты, грабители и разбойники, которым предложили в битве завоевать себе право на жизнь и помилование. Далеко не все соглашались с таким выбором. Но несогласные скоро узнали, что выбора у них нет. В поход погнали всех. Горожане радостно приветствовали воинов и освистывали разбойников. За армией тянулся большой обоз. Зима, супруга державного князя, оставленная наместником на время его отсутствия, провожала армию, стоя на стене резиденции.

Позади войск Вежинского содружества высились стены городища племенного союза густашумцев. Князь Юрьев предложил дать битву именно в этом месте. Так можно было заставить воинов этого племенного союза драться и быть уверенными в их стойкости. На поле удалось вывести внушительную по нынешним временам мощь, практически все наличные силы, что были у князей, противостоящих Всеславу. Войско Дома Юрьевых, дружина Петра Строгова, силы братьев Озеровых, войско Дома Булатовых, а также храмовые дружины Аурина и Зары, Сияя и Кипины, Юма и Живы, Агуна и Кесы. Всего тридцать две тысячи сто ратников. Противостояли им объединённые силы Всеслава Строгова и Харитона Волкова. Разведчики Вежинского содружества насчитали у врага чуть больше двадцати семи тысяч воинов.

Центр построений державной армии состоял из тяжёлых копейщиков, прикрытых лучниками. Особое место принадлежало Заморской гвардии, на которую возлагалась задача нанести решающий удар. По флангам группировалась конница. А впереди всех, в авангарде были две тысячи плохо вооружённых и одетых во что попало бойцов. Офицеры Вежинского содружества озадаченно переглядывались: что это за отребье стоит у Всеслава Строгова в первых рядах его армии?

Вежинцы выстроились близко друг к другу, но всё же отдельными ратями. В центре стояли войска Юрьевых и Булатовых. Правый фланг заняли дружины братьев Озеровых. Левый — сила Петра Строгова и храмовые отряды. Хотен Юрьев обратился к воинам: «Ратники!!! — его голос громоподобным эхом раскатился по рядам вежинских ратей, что вызвало восхищение у Петра Строгова. — Веками мы, вольные люди Рустовесья, защищаем себя от всех наших врагов, что так стремятся поработить нас. И мы веками побеждаем тех, кто пытается отобрать наши земли и наши вольницы! А теперь к нам вновь сунулись псы державного князя. Разобьём же их как и в прошлый раз! Насадим их головы на колья! За вольницу!!!»

— О чём он там изрекает? — Лютогост повернулся в седле, задавая вопрос своему старшему брату. Заодно посмотрел на племянника и кивнул ему вопросительно.

— Плохо слышно, — пожал плечами Всеслав. — Что-то о вольнице своей толкует.

— Да, про вольности свои, — подтвердил маленький Красимир, сидевший на коне рядом со своим отцом.

— Ладно, будем начинать, — кивнул своим офицерам и полководцам Всеслав Строгов.

«ВОЛЬ-НИ-ЦА! ВОЛЬ-НИ-ЦА! ВОЛЬ-НИ-ЦА!» — выкрикивали тем временем ратни Вежинского содружества. Раздался гул боевых рогов и треск барабанов. Враги приготовились к схватке. Первыми бросились в бой стоявшие в авангарде государевой армии плохо вооружённые разбойники. Уже на подходе их накрыли стрелы Юрьевых и Булатовых. Немного добавили лучники Петра и храма Сияя и Кипины. Тем не менее вооружённая толпа которая не знала даже подобия строя, добежала до вежинцев и бросилась в рукопашную. Кровавая схватка быстро рассыпалась на отдельные фрагменты. Разбойники не смогли пробить строй своих врагов, но всё же нанесли им кое-какие потери и внесли небольшую сумятицу. В это время на полки Вежинского содружества спокойно ползла стальная масса основной армии Всеслава. Наконец, изрядно уменьшившаяся в численности разбойничья толпа не выдержала и бросилась бежать прямо навстречу главным силам Строговых. Наблюдавший за происходящим Пётр подумал, что сейчас эти оборванцы сомнут первые ряды войск его брата и тем самым принесут немалую пользу. Но произошло то, чего он

никак не ожидал. «Стрельцы!» — на головы оборванцев посыпались тысячи стрел, выпущенных со стороны державников. Разбойники замешкались, что стоило им ещё множества убитых. «Мы искупили нашу вину! Помилование!!!» — доносились крики. Нс лучники продолжали истреблять их. Тогда они бросились на стену копейных жал, пытаясь дотянуться до своих убийц. Ничего не вышло. Остатки разбойных отрядов были истреблены, так и не сумев причинить армии государя особого вреда.

— Но зачем, отец?! — Красимир с недоумением поглядел на Всеслава. — Они ведь сражались за нас!

— Не стоит жалеть их, сын. Это бандиты, насильники и убийцы. Каждый из них не раз убивал женщин, детей и стариков. Без жалости и сострадания. Отбирал у них хлеб, обрекая целые селения на смерть. Им всё равно должны были отрубить головы. Но так от их жизней хоть какая-то польза нашему делу.

После того как полёг авангард, началось столкновение основных сил. Копейщики Всеслава бились со своими врагами примерно на равных. Тем не менее недостаток у вежинцев тяжёлой пехоты и умелая работа державных лучников делали своё дело — мятежники постепенно пятились. Гораздо более успешно действовала Заморская гвардия. Её бойцы сначала засыпали своих врагов целым ливнем дротиков, нанеся им потери и расстроив ряды. Затем они достали мечи и, прикрываясь большими щитами, бросились в бой. Удар был страшной силы. Свирепые бойцы с железной дисциплиной. Державный князь уже отдал распоряжения о создании своей собственной гвардии, обученной на манер этих заморских фанатиков. Что ни говори, но в бою они очень полезны! Фронт на котором билась гвардия, стал сильно прогибаться, угрожая в любой момент рухнуть. Всеслав заметил как двинулись в сторону возможного прорыва пешие силы Хотена Юрьева и частично конница Видогоста Булатова. Он приказал князю Харитону вступить в бой. Лютогост должен был атаковать вслед за ним.

Ратники Дома Волковых нанесли удар прямо по вежинским резервам, которые были готовы вступить в сражение. Тяжёлая конница Лютогоста обрушилась своей стальной лавиной на дружины братьев Озеровых. На какое-то время было неясно кто возьмёт верх в этой кровавой мясорубке. Во все стороны летали стрелы, пускаемые уже без всяких команд, звенели мечи и доспехи, трещали копья и сшибались щиты. Воины бранились, хрипели, кричали, рвали друг другу плоть острыми жалами и лезвиями, а порой и голыми руками, втапывали в землю мёртвых и раненых. Ржали лошади. Наконец, благодаря Харитону Волкову и Заморской гвардии, фронт вежинских ратей посыпался. Густашумцы побежали в свою крепость, а вслед за ними дали дёру и другие полки. Хотен Юрьев попытался броситься в бой, чтобы умереть как и полагается воину. Но его схватили собственные телохранители и поволокли с поля боя. Когда зелёное солнце на его знамени стало удаляться, за ним последовала часть уцелевших сил. Остальные были окружены и вскоре сложили оружие. Воинам державной армии было категорически приказано не убивать без надобности бегущих и сдающихся. С маленькими отрядами сумели улизнуть Озеровы и Видогост Булатов. Организованное сопротивление оказывала лишь дружина Петра Строгова, выдержавшая все удары и сейчас успешно отражавшая очередной натиск. Его воины стояли на дороге, спиной в восток, прикрываясь с флангов оврагом и лесом. Вокруг оцетинившихся копьями дружинников росли завалы из трупов. Всеслав Строгов наблюдал некоторое время за тем, как воины под красным знаменем с серебряной звездой пытаются раздавить воинов под красным знаменем с серебряной звездой.

— Государь, — обратился к нему подсказавший Волк Озеров, командовавший Заморской гвардией, — давайте я поведу на Петра гвардейцев. Они справятся, я уверен.

— Нет, — ответил Всеслав. — Пусть отступает. Нам это сейчас выгоднее, — он повернулся к вестовому офицеру. — Передай, чтобы прекратили атаковать. Поставьте туда полк лучников и прикройте копейщиками. Пусть стреляют. А преследовать не надо.

Вестовой повторил приказ и умчался. Через некоторое время атаки прекратились, а спрятавшиеся за копейщиками стрелки, посыпали на дружину Петра оперённую смерть. Какое-то время дружина ждала новых атак, а потом начала пятиться назад по дороге. Как и было приказано, никто её не преследовал.

Перегруппировав свои силы, Всеслав подошёл к городищу густашумцев. Им было объявлено, что если они признают над собой власть державного князя и примут новые условия мирной жизни, то война будет окончена. Никто мстить не будет и все сражавшиеся против Древгорода получают помилование. В доказательство был представлен один из старейшин племенного союза успонов, который подтвердил, что новые условия мира очень выгодны всем сторонам. Всеслав выехал вперёд и поклялся, что всё предложенное, есть истинная правда, которую он гарантирует как правитель Рустовесской земли. С деревянных стен ему ответили просьбой дать немного времени на размышления. Князь одобрил.

— Государь, — Лютогост говорил громко, чтобы слышали остальные, — куда теперь ты поведёшь наши полки?

Всеслав задумался. За его размышлениями наблюдали десятки пар глаз. Его полководцы, офицеры и бойцы. Только что они вышли из битвы. Многие очень сильно устали, доспехи их были запылены, кое-кто был легко ранен и уже перевязан. Куда их поведёт государь? Где теперь они будут лить свою и чужую кровь?

— Мы только что разгромили объединённые силы Вежинского содружества, — заговорил он наконец. — Это для вежинцев полный крах. Им больше не собрать подобных сил. А если вражеское войско исчезло, то мы вольны двигаться в любом направлении, куда нам только вздумается. На Белошумье, Старогулье или Миргород. Для нас уже нет серьёзных преград.

— Вы позволите мне высказаться, князь? — спросил Волк Озеров. Всеслав утвердительно кивнул головой. — Я предлагаю повести армию в Суломатье. Миргород далеко, Хотен Юрьев больше не опасен, тем более, что ему не дадут развернуться сваяльцы. К тому же вы обещали мне помочь отомстить. А я не смог настигнуть своих братьев в бою. Они удрали от меня, — среди офицеров прошёл сдержанный смех. Я предлагаю идти в Суломатье.

— Волк, я не забыл о твоей просьбе и ты получишь свою месть, как я и обещал. Суломатье... Да, у Юрьевых сейчас будет много проблем из-за бунтующих сыновей лешего. Именно поэтому мы пойдём на Белошумье. Нельзя давать сваяльцам шанс захватить весь предел.

Волк Озеров кивнул головой, хотя по лицу его прошла тень недовольства. В этот момент открылись ворота городища и оттуда показалась группа знатнейших людей племенного союза густашумцев, во главе которой шёл старейшина. Все они шли пешком и были без головных уборов.

— Государь! — произнёс старейшина. — Мы хотим мира и поэтому готовы принять твои условия, если они действительно так справедливы, как ты сказал.

Потрёпанная дружина Петра Строгова отходила на Суломатье, другого пути ей не оставалось. Сзади неё шли конники, то и дело сновавшие назад по дороге, а затем догонявшие основные силы. Они наблюдали за дорогой, ожидая преследования. Но почему-то их никто не пытался догнать. Дружина потеряла в бою треть своего состава. Уцелевшие были уставшими и понурыми из-за проигранной битвы. Но тем не менее рядом с горечью поражения теплилась гордость, что они были единственными из тех, кто выдержал все атаки стальной лавины державной армии и не разбежался. Пётр Строгов лично не участвовал в битве, но вид у него был очень уставший и подавленный.

— Нужно пробиваться на Белошумье, — буркнул он, сам тем не менее понимая абсурдность своей мысли. Единственный возможный путь вёл на Суломатье.

— Господин, — попытался успокоить князя Егор Михайлов, — мы не можем этого сделать. Не переживайте так сильно.

— Да я знаю, что не можем! — прокричал Пётр. — Знаю! Но там моя жена и моя дочь! Там Вера и Рада. Они там, а я здесь...

— Государь прав, — вмешался Корнил Шахов. Не смотря на личное участие в битве, он излучал силу и бодрость. Если бы не запылённый кожаный панцирь и кольчуга, хранившие на себе свежие отметины от ударов, рассечённая бровь и несколько неглубоких порезов на руках и ноге, можно было бы заключить, что воевода весь день веселился на празднике.

— Что? — возразил Егор Михайлов. — Но мы не можем! Да и не успеем мы.

— Вот именно! Мы не можем. А я могу, — он гордо заулыбался. Я проберусь в Белошумье и вытащу оттуда Веру с вашей дочкой. А вы пока спокойно укрепляйтесь в Суломатье. Я найду вас. И привезу вам жену.

— Ты правда сможешь это сделать? — удивился Пётр. — А кто будет командовать дружиной?

— Ну это же ваша дружина, — засмеялся Корнил, — вот вы и будете командовать. — Так. А мне нужна запасная лошадь, мешок сухарей и деньги. Эй, боец, — он обратился к одному из телохранителей, — давай мне свою клячу.

Тот вопросительно посмотрел на Егора Михайлова, потом на Петра. Те велели отдать. Кто-то принёс сухари. Пётр отстегнул и кинул воеводе свою монетницу. «Я привезу вашу жену, господин», — сказал тот и весело махнув рукой умчался.

Глава 11 Закат зелёного солнца

Утомившаяся после дневных хлопот Зима Строгова спала в своей постели. Ей снова снилось видение, которое посещало её уже много раз. Дорога в зелёном весеннем лесу. Телега, на которой она сидит рядом со своим истекающим кровью мужем. Бегущие от телеги извозчик и лекарь. Надвигающаяся масса воинов в латах и кольчугах. «Убьём его, смерть!» — переговариваются между собой воины. Она прикрывает мужа своим телом, чувствуя как метят в неё лезвия мечей и острия кавалерийских пик. Волна страха перед неминуемой гибелью подхватила её и понесла куда-то вверх. Выше, выше и выше, пока, наконец, не выбросила из глубин сна на постель.

Зима открыла глаза и в который раз с удовлетворением осознала, что это был сон. В очередной раз ей приснилось как их с раненым мужем догоняют победившие князя Вежинского содружества. Правда, если тогда она несколько не испугалась, думая лишь о том, чтобы не пострадал Всеслав, то во снах настигающие их конники всякий раз приносили с собой леденящий кровь ужас. Зима лежала одна в своей постели. За последние полгода она привыкла к этому. Потому, что сама приревновала мужа и отказала ему в близости. И он ночевал либо тоже один, в соседней опочивальне, либо вообще в объятиях любовницы в том остроге. Может права пожилая вдова Кари Слетаева, что Зима сама отдала всё преимущество беззаконнице? Но это теперь не важно. Сегодня она проснулась одна потому, что муж её на войне. А когда он вернётся, то Зима сможет одолеть очарование той потаскушки и вернуть себе мужа. Сомнений в этом быть не может. Всё будет хорошо. Как прежде.

Зима встала с ложа и начала одеваться. Часто оставаясь наместницей во время отсутствия Всеслава, она невольно стала лучше разбираться в политических и даже военных делах. Но было многое в политике мужа, что она принять не могла. В первую очередь это была чуждая её женскому естеству жестокость, которую периодически проявлял Всеслав по отношению к врагам. И одно дело если бы это случалось на поле боя, тут уж ничего не попишешь. Там либо ты, либо тебя. Но вот расправы над побеждёнными? Зачем было казнить всех тех людей, после того, как они вернули себе Древгород? Почему он собрал разбойников, чтобы бросить их в сражение в первых рядах и всех истребить? Всеслав сам рассказал жене о задуманном. И наверняка он это исполнил.

Её троюродный брат Герман поведал сестре о том, как они с Тайной стражей похитили купчиху Ольгу. И как он убил её по приказу Всеслава. Зачем было поступать так жестоко? Зима хорошо помнила ту женщину. На поминальном пиру по Лесьяру Строгову она была подавлена горем и едва могла сдерживать рыдания. Конечно, Герман рассказал ей, что купчиха призналась в невольном убийстве бывшего государя. И в том, что подготовила заговор по свержению Всеслава. Но ведь то убийство было невольным, а заговор давно остался в прошлом. Но если купчиха Ольга действительно заслуживала смерть, то почему было не казнить её на лобном месте, с оглашением справедливого княжеского приговора? Почему нужно было бросать её тело в реку и выдавать это за преступление другого человека? К тому же во время захвата погиб охранявший Ольгу боевик. Все эти вопросы она хотела задать Всеславу. Но понимание того, что он проверяет её троюродного брата на болтливость заставило Зиму молчать. Самое главное, что Германа взяли в личную охрану и теперь у неё рядом с мужем есть свой надёжный человек. Наверняка Всеслав понимал это. Но никак не возражал. Ведь это был человек его жены, родственник а не чей-нибудь посторонний

соглядник. Что внушало Зиме дополнительную уверенность в том, что она сможет одолеть свою соперницу.

Зима позвала девушку из свиты и велела ей расчесать волосы. Девица принялась крутиться с гребнем в руках вокруг своей госпожи. В свите теперь было намного больше молодых девушек, чем раньше. Ещё во время их пребывания в ссылке в остроге Яблочном, Всеслав велел набирать как можно больше девиц. На этот раз предпочтение отдавалось не только знатным. Зима лично отбирала воспитанниц, отдавая предпочтение наиболее красивым и смышлёным. Теперь в свите были девушки даже из ратных и купеческих домов. Им оказывалось покровительство, давалось воспитание и оплачивалось приданное. Таких девиц выдавали замуж за нужных людей, наиболее влиятельных и сильных семей Гужвоземья и других пределов. Непременным условием было принятие женихами элаитства и полная преданность державной власти. Помимо этого сами девицы, помня оказанное им покровительство, становясь жёнами, начинали влиять на своих мужей в интересах Древгорода.

Воспитанница расчесала Зиме волосы и заплела их в косу. Хозяйка Древгорода поблагодарила её и отправилась по делам. Она теперь многое понимала в хозяйственных и управленческих вопросах и принимала решения, который порой восхищали своей грамотностью даже бывалых мужчин. Хоть по прежнему и было множество недовольных тем, что над ними поставили женщину, но они не смели слишком громко возмущаться. Такова была воля их государя, Всеслава Строгова. Тем более большинство из тех мужчин сейчас ушли в поход со своим князем.

По мере приближения оплота Дома Юрьевых, Корнил Шахов стал более внимательным и осторожным. Если предельный князь успел вернуться в крепость, то дело дрянь. Тем более, что за ним по пятам идёт армия Всеслава Строгова. Если он уже под стенами, то Корнил не сможет выкрасть Веру. Но он был уверен, что обогнал всех. Войско не может двигаться так же быстро как одинокий конник. Тем не менее Корнил Шахов был осторожен, он заночевал примерно в двух часах пути от города, подальше от дороги и не разжигая костёр. Погрыз сухарей и, закутавшись в походную ветровку, уснул.

Поутру Корнил Шахов привязал одного коня в лесу, а на другом отправился к Белошумью. Приблизившись к городу, он остановился и стал издали внимательно разглядывать стены. Никакой суеты на них, усиленных постов, лучников и пехотинцев не наблюдалось. Лишь между деревянных зубцов можно было разглядеть скучающего дозорного, который бродил взад-вперёд, держа на плече копьё и бросая то и дело ленивые взгляды на вверенное ему для присмотра пространство. Над башнями колыхались выцветшие знамёна Дома Юрьевых. С высокой долей вероятности можно было предполагать, что в городе ещё не знали о битве. И сам князь Юрьев ещё не вернулся в свою вотчину. Корнил подогнал коня и двинулся к городским воротам, которые ещё были закрыты. Он проехал через место, где раньше располагался посад, сожжённый сваяльцами ещё пять лет назад, в самом начале их мятежа. Воеводу заметили только когда он уже подъехал к воротам. Дежуривший офицер узнал его и приказал открывать.

— Воевода, моё почтение! А Вы почему один? Как прошла битва?

— Отлично, всё отлично.

— Слава богам! — офицер даже не поинтересовался почему Корнил Шахов вернулся

отдельно от всего войска.

Об этом его спросили охранявшие резиденцию юнцы. Для похода на Строговых князь Юрьев собрал всех имевшихся у него под рукой людей. «С учётом того, что большая их часть погибла или разбежалась, то дела его плохи, — подумал воевода. А юнцам сказал — Всё хорошо. Я отдельно приехал, так как имею срочное поручение». Никто даже не удивился, что кто-то дал воеводе срочное поручение.

Передав коня мальчику с конюшни, Шахов пошёл на женскую половину. Внутри резиденции не было стражи, все ушли в поход. Войдя на женскую половину он своим видом весьма перепугал девиц.

— Где Вера Строгова? — спросил он, озираясь по сторонам.

— У себя... А что случилось? Битва проиграна?

— Всё замечательно. У себя это где?

— Там, — одна из женщин показала рукой направление.

Корнил Шахов без стука вломился в опочивальню Веры. Та с испугом обернулась к нему и застыла в ужасе. Корнил Шахов был не брит, не мыт, от него воняло дорожной пылью и лошадиным потом. Весь его вид говорил о том, что последние несколько дней он был в дороге. Плюс небрежно перевязанные раны на руках и ноге. Вера Строгова с ужасом схватилась за лицо и упала на колени. «Нет, — закричала она, — Нет! За что?! Почему так?!» Молодая женщина разразилась рыданиями. Воевода удивлённо смотрел на неё, и какое-то время застыл, наблюдая за её истерикой.

— Ты чего орёшь, Вера? Что случилось? Давай собирайся быстро!

— Куда собираться? — вопрошала сквозь слёзы Вера. — Мне нужно одеться в чёрное, когда его привезут?

— Кого привезут? Зачем тебе траур?

— Петра, моего Петра! Как он погиб?

— Тьфу, ты! Глупая баба! — Шахов топнул ногой, отчего Вера шарахнулась в сторону, прикрываясь руками. — Он жив. Битва проиграна, а он жив! Собирайся немедленно. У тебя десять минут. Нам надо быстрее убираться отсюда. Мы едем в Суломатье. Где Рада?

— В детской... Зачем нам в Суломатье?

— Потому, что там Пётр и его дружина. Всё! Тащи её сюда и собирайтесь. Никому ни слова. Берите вещи в дорогу, деньги. Есть деньги? Нам понадобятся.

— Есть немного...

— Бери всё! Оденься для верховой езды. Возьми тёплые покрывала, спать в дороге. Ночью холодно.

Недоуменная Вера бросилась исполнять распоряжения Корнила Шахова. К удовольствию воеводы, женщина собралась очень быстро. Затем привела дочь. Маленькая Рада немного испугалась, но мать успокоила её, сказав, что сейчас они вместе поедут к папе. Девчушка с интересом наблюдала за приготовлениями взрослых.

Когда они пошли на конюшню, на выходе из резиденции им преградил путь полковник Поместной стражи, оставленный князем Юрьевым в качестве военного наместника. Полковник перегородил Корнилу и Вере дорогу. Тот подвинул женщину в сторонку.

— Куда вы собрались? Что происходит? Один из бойцов доложил мне, что у тебя какое-то важное донесение.

— Ах, да! — Корнил Шахов виновато улыбнулся, будто вспомнил что-то. — Совсем из головы вылетело. Битва выиграна. Построй своих людей и приготовься к встрече

предельного князя. Он будет уже скоро. А нам пора, — воевода развернулся и попытался уйти, но полковник схватил его за руку.

— Стой, стой, стой, — быстро проговорил он, заподозрив неладное. — А куда вы собрались с женой князя Петра, с его дочерью, да ещё и собранные в дальнюю дорогу?

— Что непонятного? Князь Пётр жаждет увидеть своих женщин, меня отправил за ними, мы уезжаем.

— Вы никуда не поедете, — категорически заявил полковник, продолжая держать Корнила Шахова за руку. — Вот вернётся предельный князь, даст добро и поедете.

— Вот ты упёртый, — разочарованно цокнул языком Корнил. — Некогда нам, мы уезжаем!

— Ждите здесь!

Воевода вывернул руку круговым движением и схватил, продолжавшего держать рукав полковника, под локоть на излом. Не давая офицеру опомниться, он выхватил кинжал и вонзил ему в горло. Потом нанёс несколько ударов в грудь и живот. Полковник мгновенно обмяк и с жутким хрипом рухнул лицом вниз. Из-под него на дубовом полу стала растекаться кровавая лужа. К приятному удивлению Корнила, Вера на стала кричать, а лишь прикрыла дочери глаза ладонью и повернула её голову в другую сторону. Шахов огляделся. Кругом никого не было. Лишь на лестнице стояла испуганная девица из свиты. Когда он посмотрел на неё, девица молча убежала. Воевода обыскал умирающего. Забрал у него кинжал и несколько монет из карманов. «Уходим!» — крикнул он Вере, чтобы вывести её из ступора. Та покорно последовала за воеводой.

На кухне они забрали мешок сухарей, сыр, солёное мясо и два меха для воды. На конюшне он забрал свою лошадь и прихватил ещё одну. Покинуть город оказалось проще простого. Никто из стражи их вообще ни о чём не спросил, а улицы были пусты. Но всё же беглецы прибавили ходу. В любой момент за ними могли пустить погоню, хоть после увиденного Шахов в этом сильно сомневался.

Дальнейший путь был довольно спокойный. Лишь пару раз они прятались, заметив каких-то конников. Как понял Корнил, это были разъезды сваяльцев. Видимо, разведчики. Имея при себе трёх лошадей, они двигались достаточно быстро. К вечеру устроились на ночлег у какого-то озера в лесу, вдали от основной дороги. Место было тихое и хорошее. Корнил развёл костерок, а Вера и Рада собрали для него сухих веток. Они уселись втроем на бревне и подкрепились своими припасами. Вдруг Вера испуганно посмотрела в сторону от костра и открыла рот, из которого едва не выпал разжёванный кусок вяленого мяса. Шахов схватился за саблю и посмотрел туда же.

— Ты чего? Идёт кто?

— Да нет, вон, там.

Недалеко от того места, где они развели костёр, лежал человеческий скелет. Видимо, уже очень давно, потому что сквозь его рёбра успела прорасти высокая трава, отчего он и не был замечен ранее. Шахов засмеялся и подошёл ближе. В костях он увидел несколько застрявших наконечников стрел, у пары из которых сохранилось древко и даже оперение. Никаких признаков одежды на скелете не было. Видимо, она частично истлела, а частично была утащена кем-то. Скорее всего убийцами. Дурацкий смех Корнила раздражал Веру.

— Чего ты ржёшь как конь?

— Как кооо... кобыдык лзот! — звонко смеясь подтвердила маленькая Рада.

— Давайте другое место выберем!

— Да ну, — отмахнулся Корнил. — На кою шишку? — Он посмотрел в чернеющее небо, на котором уже зажглись звёзды. — Этот нас не тронет уже. А другое место искать? Да ну! Я же с вами, так что не бойтесь. Укладывай дочку спать, завтра весь день в дороге будем.

Вера укутала ребёнка в тёплые походные шкуры и принялась убаюкивать. Рада заснула почти мгновенно, усталость и свежий воздух сделали своё дело. Корнил Шахов тем временем разделся, взял кусок мыла и пошёл к озеру. Стали слышны его плескания и чавканье мыльной пены. Вера уже знала что будет дальше и зачем он так усердно моется. По крайней мере решил быть чистым, это уже хорошо. Вера легла под другое покрывало, сшитое из шкур и уставилась на звёзды.

Воевода не одеваясь подошёл к костру и бросил одежду около огня. «Спит уже?» — спросил он. Вера утвердительно кивнула. Корнил Шахов залез к ней под покрывало и стал снимать с женщины блузку и брюки.

Жалкие остатки войска Хотена Юрьева вошли в Белошумье вечером того же дня. Армия Всеслава преследовала его по пятам. Не успели закрыться ворота как город оказался в железном кольце строговских полков. В ночной тьме защитники могли лицезреть со стен огромное количество запалённых костров, в отблесках которых воины огораживали лагерь частоколом.

В Малом Ратном зале проходило совещание уцелевших офицеров. Узнав о том, что произошло днём, Хотен Юрьев поднялся из-за стола и упёрся кулаками в столешницу, так что костяшки побелели от напряжения. Небритое измученное лицо его покраснело от ярости.

— Значит, эта мразь, — кричал он, выплёвывая слюну, — эта худородная шелудивая дворняжка Корнил Шахов пришёл в мою резиденцию, уволок Веру Строгову и убил моего полковника?! Он мог сделать это только по приказу Петра Строгова! Вот ведь выbleвок неблагодарный! После всего того, что я сделал для этого поганца! Мразь!!! Где его дружина, куда он удрал?! Поганец! — Хотен Юрьев резко замолчал, опустил на локти и обхватил голову ладонями. Некоторое время он пытался отдышаться. Затем растёр лицо и, словно вспомнив что-то посмотрел на окружавших его мужей. — Ладно, — заговорил он уже намного тише, — что мы имеем? В городе сотня стражников, молодых и не обученных. Со мной ещё четыреста человек, уставших и израненных. За стеной сколько, тысяч двадцать пять, не меньше? Хорошо хоть стены отремонтированы, спасибо сваяльцам. Заставили нас заботиться об обороне. Единственный для нас выход это собрать ополчение. Всех мужчин города из всех сословий. Утром соберём горожан и раздадим оружие. До послезавтра Всеслав не сможет напасть, ему нужны тараны и лестницы. С ополчением сможем отбить штурм. Два, три, четыре натиска сдержим, ему придётся начинать осаду. А к осаде мы готовы. Запасов хватит. Значит нужно вскрыть арсеналы.

— Князь, арсеналы пусты. Я проверял их.

— Что? Пусты... Как это понять?

— Немного копий, стрелы, щиты... И всё.

— А где хранитель арсенала? Где он, я обезглавлю его!

— Князь, он погиб в сражении. Его больше нет с нами.

— Проклятье! Тогда возьмём то, что там осталось. А горожане пускай берут своё оружие, что дома есть. Топоры, колья заострённые, ножи.

— Господин, — в комнату вошёл офицер, — караульные на стенах докладывают, что на реке замечена ладья сваяльцев.

— Как они разглядели в такой тьме? Может это державная.

— Месяц подсветил немного. Утверждают, что заметили знамя с лешим.

— Что же, — задумался Хотен Юрьев, — это может быть даже хорошо. Если сваяльцы сцепятся с Всеславом, то нам это выгодно. Может нам ещё повезёт! Не могут же благие боги так просто отвернуться от своих защитников.

На ладье, которую видели караульные Дома Юрьевых к державному князю прибыли переговорщики от племенного союза сваяльцев. Сваяльский воевода, гордо поглядывая на суету военного лагеря, прибыл в шатёр Всеслава. Вождь уполномочил его разузнать у древгородского владыки каковы его намерения. Юрьевы были злейшими врагами сыновей лешего. Вместе с тем и державная власть не была для них другом, тем более в условиях поднятого ими мятежа. Тем не менее лично с Всеславом они имели определённые договорённости ещё со времён ухода их воинов из битвы на Багровых полях. Лютогост во время своей четырёхлетней войны неоднократно вступал со сваяльцами во временные союзы. Сейчас положение изменилось и нужно было определяться.

— Вождь наших племён шлёт своё приветствие владыке Древгорода, — сказал воевода.

— Я приветствую вождя храбрых сынов лешего!

— Также мы приветствуем могучего Лютогоста.

— И вам привет, — отозвался начальник тяжёлой конницы.

По приглашению Всеслава, воевода присел. В шатре помимо Лютогоста присутствовали Харитон Волков, Волк Озеров и вездесущий Миша Воробей со своими письменными принадлежностями. Державный князь изложил посланнику, каких действий он ждёт от сваяльцев.

— И всё? — удивился воевода, выслушав все условия.

— Да. Дни Дома Юрьевых сочтены. Но мне будет легче с ним справиться, если вы окажете мне помощь.

— Хорошо. А что мы получим взамен?

— Так мы укрепим доверие друг к другу. А взамен вы получите хм... Ну скажем, женщин Дома Юрьевых. Но только Дома Юрьевых, — подчеркнул Всеслав, — девиц и женщин других княжеских домов, которые находятся в городе, я оставляю себе.

— Да их там десятка два или три всего лишь.

— Ну так я и не прошу вас делать что-то сложное.

— Договорились, — после некоторого раздумья ответил воевода и они ударили по рукам.

Когда сваялец ушёл, Харитон Волков буквально вскочил со своего места.

— Государь, как так можно? Вы хотите отдать этим мерзким лесовикам благородных женщин из Большого Дома!

— О своих женщинах этот Большой Дом должен был думать, когда поднимал свой мятеж. Сейчас уже поздно.

— Вы считаете, что отдав им женщин, купите их верность?

— Нет, конечно же нет. Но нам важно избежать столкновения со сваяльцами прямо сейчас. А так не переживай, придёт и их очередь. Всё, верные друзья мои, ложимся спать. Завтра будем осматривать укрепления и готовить армию к штурму.

Весь следующий день воины армии Всеслава готовились к приступу. Дружно монтировались тараны, намечались направления атаки. Периодически группы лучников, прикрываемые копейщиками, вступали в короткие перестрелки с защитниками города, после чего быстро отходили на исходные. Офицеры и полководцы внимательно разглядывали стены Белошумья, определяя где лучше будет начинать. Вотчина Дома Юрьевых, постоянно жившая под угрозой нападения сваяльцев, была хорошо подготовлена к обороне. Стены были отремонтированы и укреплены. Слабым местом были не стены, а люди.

Именно людей сейчас катастрофически не хватало Хотену Юрьеву. Предельный князь разочарованно смотрел на собранное в городе ополчение. Меньше тысячи мужчин, вооружённых кто чем — топорами для колки дров, кольями, дубинами. Без доспехов и шлемов. Сколько они продержатся против ратников державного князя? Ответ был написан нестройными рядами ополченцев. «Нисколько», — безмолвно говорили их испуганные лица. У купцов было немного хорошо обученных боевиков, но проклятые торгаши попрятались в своих теремах и заперли дубовые ворота. Предельный князь и так содрал с них хорошие деньги перед началом войны и теперь они считали себя исполнившими свой долг. Хотен Юрьев молча оглядывал ополченцев и остатки своего войска. «Поделиться на десятки и сотни, — сказал он наконец. — Занимайте оборону на стенах».

Бой начался следующим утром. В отличие от предыдущих дней, погода стояла пасмурная. Низкие серые облака были словно дополнением к мрачному настроению защитников Белошумья. Прохладный ветер трепал знамёна Дома Юрьевых, заставляя дрожать изображённое на них зелёное солнце. Воины армии Всеслава не спешили. Они позавтракали, вышли за пределы укрепленного лагеря и построились в штурмовые колонны. Наблюдавшие за ними со стен воины и ополченцы предельного князя очень нервничали. Слишком уж неравными были их силы. Напряжение нарастало. Словно чувствуя это, Всеслав Строгов медлил с приказом о начале приступа. Его рати стояли молча, чем ещё больше пугали немногочисленных защитников города. Наконец, государь вынул меч и указал вперёд.

Масса воинов неспешно двинулась к стенам. Шли копейщики с большими щитами, лучники, гвардейцы. Раздевшиеся по пояс бойцы толкали тараны, коих Хотен Юрьев насчитал пятнадцать. Впереди всех двигались плохо вооружённые люди с длинными лестницами. Одеты они были кто во что и явно не рвались в бой, но их теснили вперёд напиравшие сзади воины. Примерно то же самое можно было увидеть в прошедшей битве. Неужто Всеслав уже поставил под свои знамёна новых разбойников?

Лучники державного князя посыпали на защитников города свои стрелы. Появились убитые и раненые. Со стен им отвечали, но не слишком успешно, так как лучшие стрелки были потеряны. Подталкиваемые в спину разбойники пошли на штурм первыми. Они приставляли свои лестницы к стенам, карабкались на них, пытались схватиться в рукопашную. Лестницы скидывали вниз. Осыпавшиеся с них подневольные воины, разбивались, ломая спины, руки, ноги и головы. На их место становились новые и вновь карабкались на стены. В двух местах разбойники смогли закрепиться, схватившись с ополченцами в рукопашную. Хотен Юрьев бросил на выручку своих лучших воинов. Под прикрытием первого натиска, к городу были подтянуты тараны. Ратники Всеслава Строгова начали долбить ворота и стены. В этот момент к предельному князю подбежал посыльный, паренёк лет тринадцати.

— Князь, — взволнованно прокричал он, — там на другой стороне города показались сваяльцы!

— Проклятье!

Хотен Юрьев взял большой отряд, состоявший в основном из тех его людей, что смогли уцелеть в битве, и бросился с ним через весь город к Западным воротам. Там со стен открывалась пугающая картина. Повсюду чернели знамёна с ликом лешего, оскалившегося своими окровавленными зубами. Войско численностью в пять-семь тысяч воинов подошло к Белошумью. Сваяльские лучники приблизились к стенам и вступили в перестрелку. Их собратья, вооружённые топорами и копьями, поддерживали лучников одобрительными возгласами. Того и гляди тоже начнут атаку. Возможность объединённого нападения на город Хотен Юрьев учитывал, но не готовился к нему, потому как такому развитию событий при его скудных силах противопоставить было совершенно нечего. Ещё немного и сваяльцы бросятся в бой, воздух разрывали их боевые кличи и свистки командиров.

Но время шло, а враг всё не нападал. Когда Хотен Юрьев понял, что его просто отвлекают, было уже слишком поздно. Пока он стоял и ждал удара сваяльцев, держа при себе сильный отряд, ратники державного князя прорвались в город. Первыми рухнули Южные ворота и на улицы города хлынули княжеские копейщики и заморские гвардейцы. Видя, что оборона прорвана, прекратили сопротивление воины, защищавшие Восточные ворота. Когда они разбежались, пехотинцы Всеслава, просто открыли их изнутри и пустили в город вторую колонну войск. Князь Юрьев бросился со своим отрядом в резиденцию. По улицам города скакали отряды лёгкой конницы, захватывая в плен защитников. Именем Всеслава Строгова каждому, кто сложит оружие была обещана жизнь и помилование. Отвергнувших такое щедрое предложение было очень мало.

Тучи рассеялись и открывшееся солнце уже перевалило через зенит, когда Хотен Юрьев, в окружении своих самых преданных бойцов, приготовился к последнему бою. Они стояли во дворе резиденции, огородив себя стеной щитов и копий. С улицы многотысячный хор дружно повторял, разносившийся в жуткой тишине по всему городу возглас: «Ррраз! Ррраз! Ррраз! Рраз!» Каждый выкрик сопровождался ударом тарана в ворота резиденции. Поначалу усилия врага не приносили никакого результата. Но постепенно ворота стали поддаваться. Они хрустели и с каждым новым ударом расшатывались. Наконец петли не выдержали и створки, поднимая клубы пыли, рухнули на землю. В образовавшуюся брешь хлынули пехотинцы Дома Волковых во главе с князем Харитоном. Они набросились на утомлённых ожиданием защитников резиденции, довольно быстро смяли их строй и приступили к уничтожению. Харитон Волков выбил меч из рук Хотена Юрьева и повалил его на землю. Предельный князь попытался протянуть левую руку к валявшемуся рядом топору, но безжалостный хозяин Удольчина пресёк эту попытку, отрубив ему несколько пальцев. Хотен Юрьев прижал окровавленную кисть левой руки к своей груди и закричал от боли. Харитон поставил ему сапог на прикрывавший грудь железный панцирь и громко, так, чтобы слышали все вокруг, произнёс:

— Могущественный предельный князь Густошумья! Я так рад нашей встрече. Помнится, ты хотел, чтобы я платил тебе дань?! Смотри сюда, — он продемонстрировал свой меч, — этот клинок мне подарил твой друг и господин, Пётр Строгов, когда я попросил его о справедливости. Он сказал, что это единственная справедливость, которую он может мне предложить. Так что не взыщи! — Харитон сжал рукоять двумя руками и, вложив в удар вес всего тела, с силой вогнал лезвие прямо в брюхо Хотену Юрьеву. Ратники Волковых

разразились одобрительными криками.

Через некоторое время в ворота резиденции въехал Всеслав Строгов. С ним были его сын Красимир, придворный хронист, брат Лютогост и полководцы. Он осмотрел сцену побоища и увидев труп князя Юрьева удовлетворённо кивнул. Государь спешил и обратился к своим ратникам и офицерам:

— Воины! Дом Юрьевых веками честно служил Древгороду, охраняя государство от всех врагов. Но зачем-то они подняли мятеж. И теперь Дом Юрьевых повержен и разгромлен. Я объявляю об отмене дарования Юрьевым титула Большого Дома. Отныне Юрьевы входят в число Малых княжеских Домов и не имеют никаких преимущественных прав перед другими. Густошумье же объявляется коронными землями и управляться будет напрямую моим личным наместником!

Через какое-то время в резиденцию прибыл небольшой отряд сваяльцев, которым Всеслав передал женщин и девиц поверженного Дома Юрьевых. Государь и представитель племенного союза пожали друг другу руки и поклялись соблюдать мир. «Смотрите!» — раздались голоса. Двое бойцов, из числа тех, что были посланы обследовать заключенницу, несли под руки человека. Вернее, это существо когда-то было человеком. В прошлой жизни. Несчастный был одет в сгнившие лохмотья. Его огромная седая борода кишела вшами. Волосы и ногти его были не стрижены много лет. Сморщенная кожа, почерневшая от грязи была покрыта многочисленными гнойниками. В некоторых копошились черви. Смерд от несчастного стоял настолько отвратительный, что морщились даже лошади. «Это Ростих Клыков!» — известие заставило в голос ужаснуться даже бывалых воинов. В памяти ратников и офицеров владыка Камнеграда и предельный князь Хладоручья выглядел совершенно иначе.

Ратники положили освобождённого пленника на землю. Всеслав Строгов наклонился к нему. Миша Воробей тоже подошёл и прислушался. Ростих посмотрел ослепшими от долгих лет пребывания в темноте глазами на клонящееся к закату солнце и даже не сощурился. Превозмогая рвотный позыв, который вызывала ужасающая вонь собеседника, Всеслав сокрушённо проговорил:

— Ростих, друг мой! Как же так?

— Всеслав, — полным ртом гнилых зубов улыбнулся князь Клыков. Он не видел своего государя, но узнал его по голосу. — Свобода... Я свободен, — он говорил так тихо, что его слышали только Всеслав и придворный хронист.

— Да, ты свободен! Сейчас тебя отмоют. Мои лекари поставят тебя на ноги! Ты будешь жить. Мы вновь будем творить историю нашего государства.

— Нет... Уже нет... Я так ждал этого дня. Сейчас ведь день?

— Уже скорее вечер.

— Я ждал... Верил, что ты сможешь победить. Я жил только ради этого дня! Обещай мне кое-что. Чтобы я мог умереть спокойно.

— Ты не умрёшь, друг мой!

— Обещай мне! Я уже чувствую, как смотрит на меня Мора.

— Да, конечно. Что ты хочешь?

— Мой Дом... Найди кого-нибудь из моих уцелевших родичей. Пусть правят Хладоручьем как прежде. Хранят для державного Дома север нашего государства. Мы заслужили это своей преданностью. Я заслужил это своими страданиями. Обещай...

— Да, Ростих, я обещаю тебе. Так и будет. Дом Клыковых вновь получит в свою власть

Камнеград.

Ростих Клыков испустил дух прямо на руках государя. Всеслав поднялся на ноги и осмотрелся. Никто кроме него самого и Миши Воробья не слышал последних слов главы Дома Клыковых. Слишком тихо он говорил. Видимо не часто ему приходилось разговаривать в подземельях Юрьевых.

— Ростих, сын Велерада из Дома Клыковых умер. Он до последнего вздоха был верен мне. И попросил меня выполнить его последнюю волю. А своей последней волей он завещал сделать Хладоручье коронной землёй под непосредственным управлением моего личного наместника.

Миша Воробей с удивлением посмотрел на своего повелителя. Но наткнувшись на вопросительный взгляд Всеслава, тут же понял что к чему. И никаких вопросов задавать не стал, сделав нужные пометки на своих дощечках. Армия Всеслава и войско Харитона Волкова занимали город. Со стен и башен ратники скидывали знамёна с зелёным солнцем Дома Юрьевых и вешали вместо них серебряные звёзды Строговых.

Найти дружину Петра Строгова в Суломатье оказалось довольно сложно. Поверженный князь не слишком охотно раскрывал своё местоположение. После разгрома войска Вежинского содружества он не мог никому доверять, справедливо опасаясь, что кто-то из его участников может попытаться замирился с Всеславом, выдав государю в качестве платы его мятежного брата. Найти дружину было сложно, но Корнил Шахов справился с задачей, хоть и потратил на поиски пару лишних недель. Всё же две тысячи ратников нельзя упрятать бесследно.

Дружинники приветствовали своего воеводу и жену своего князя. Когда они подъехали к главному шатру, Пётр уже вышел на шум. Вера соскочила с коня и бросилась ему на шею, громко расплакавшись. Корнил Шахов тихо стоял в сторонке, придерживая сидевшую в седле маленькую Раду. Девочка с удивлением и небольшим испугом смотрела на свою маму, которая почему-то плакала всё громче и громче. Пётр попытался её успокоить добрыми словами и поцелуем, но помогло не очень. Вера обнимала мужа и ей было радостно, что наконец-то они вместе, им ничего не угрожает. И с Петром всё в порядке. Одновременно ей было стыдно за свою низость и подлость, ведь она изменяла мужу с его воеводой. Все те долгие недели пути, Корнил Шахов регулярно домогался супругу своего господина и она ни разу ему не отказывала. Почему? Зимой ей казалось, что ложась с ним в постель она спасает своему супругу жизнь. В дороге она считала это платой за защиту и за то, что он проводит их с Радой к мужу. Но теперь, глядя на супруга ей стало ужасно стыдно за себя. Наконец, Пётр вырвался из её объятий. «Ну хватит, успокойся!», — сказал он, жене. Но Вера уже не могла успокоиться. Пётр взял на руки дочь. Рада испугалась, но потом узнала отца и заулыбалась чистой детской улыбкой. Посадив дочь на левую руку, придерживая жену правой рукой, Пётр обратился к воеводе:

— Корнил! Ты спас мою жену и дочку. Ты вернул мне их целыми и невредимыми. Я твой должник навечно!

— Служить Вам огромное удовольствие и великая честь, господин.

Глава 12 Верьте моему слову

Практически всё лето ушло у Всеслава Строгова на то, чтобы собрать под свою руку Густошумье. После свержения Дома Юрьевых, никто не оказывал сопротивления, признав над собой владычество сильнейшего — державного князя Рустовесской земли. Приходилось решать в основном вопросы не ратного свойства: менять власть в маленьких острогах, объявлять по станам и общинам об изменении налоговой доли, приводить к окончательной покорности храм Аурина и Зары. Вводился новый вид налогов: повинность по отправке юношей на пожизненную службу в державную армию. Набору подлежали не все, лишь по одному человеку с определённого числа дворов. Это было тяжёлое бремя, но люди приняли его с пониманием. Так как государь требовал в свою пользу в половину меньше от того, что платили раньше крестьяне Дому Юрьевых, то его поддержка среди простолюдинов возросла неимоверно. Ровно так же были понижены сборы со всех остальных сословий. А выслеживание и безжалостное уничтожение разбойных ватаг, ещё более укрепляли уважение людей к державному правителю. Правда, действия по усмирению храма Аурина и Зары вызвали серьёзное недовольство среди элаитского духовенства и особенно заставили злиться Заморскую гвардию. Всем им казалось, что князь поступил слишком мягко. Вместо того, чтобы сжечь древний центр благоверия дотла, он запретил храму иметь собственную дружину, забрал все их земли и казну, сменил мудрейшего, заставил открыть для свободного доступа и обучения архив и библиотеку, запретил принимать пожертвования. Теперь храм должен был существовать на ежегодные выплаты со стороны казны. А в самом храме размещался отряд верных Всеславу воинов. Конечно же всё это не могло нравиться благоверам. Но они были проигравшей стороной, а потому покорно приняли все условия. Но все эти меры оскорбили наиболее фанатичную часть армии. Элаиты хотели сжечь храм и вырезать всех своих врагов. Пришлось приложить немало усилий, чтобы утихомирить недовольных. Решив все проблемы, Всеслав оставил в Густошумье крупные силы, более пяти тысяч воинов. У ратников был свой командир, обладавший властью только над ними. Управление же пределом осуществлял наместник, который не мог приказывать войскам. Остальную армию Всеслав повёл в Суломатье.

Холодные осенние дожди застали лагерь державной армии на реке Мицальте. Князь собрал своих полководцев на военный совет. Поставленные в шатре походные печи давали приятное тепло и запах тлеющих берёзовых дров. Вкупе с сухостью это создавало уютную обстановку, которая усиливалась от звуков ледяного дождя за пределами шатра. Всеслав Строгов велел подать своим людям горячий клюквенный отвар в деревянных чашках. Полководцы с удовольствием прихлёбывали согревающую влагу.

— Итак, мы пришли в Суломатье, — заговорил Всеслав. — Как нам быть теперь?

— Как и всегда, — улыбнувшись отозвался Харитон Волков, — побеждать!

— Я надеюсь, что здесь и нет тех, кто пришёл проигрывать, — поддержав шутку, сказал державный князь. — Вопрос в другом. Нам нужна быстрая победа. Как её достичь?

— Ты за что-то опасаясь? — поинтересовался Лютогост.

— Да. В наших интересах быстрее погасить пожар войны. Она и так идёт уже почти восемь лет. А у нас ещё Крайнесточье не усмирено.

— В чём опасения? Орёл и Прохор потеряли своё войско, у них нет сил, чтобы продолжить полноценную войну.

— Да, но у них есть силы, чтобы затянуть её. Вкупе с Видогостом Булатовым, продолжение борьбы может занять у нас слишком много времени. Орёл и Прохор могут пойти в леса и досаждают нам оттуда. Нужно придумать, как не допустить этого. Лютогост, ты четыре года вёл свою малую войну. Если Озеровы смогут устроить что-то подобное...

— Не смогут, — уверенно произнёс Лютогост. — Для такой борьбы нужна поддержка простонародья. Тех, кто будет снабжать тебя съестными припасами, прятать у себя твоих раненых. Пополнять твоё войско, в конце концов. Меня поддержали потому, что люди не слишком любили своих предельных князей. Потому что мой брат и отец были законными государями. А я старался защищать людей от разбойников и не отбирать у них последние крохи. Вряд ли Орёл и Прохор имеют такую же поддержку. К тому же слава о Всеславе Справедливом, который снижает подати вдвое и безжалостно истребляет разбойников, уже давно опередила твои полки.

— Всё так, — кивнул Всеслав, — но в любом случае нужно попытаться ускорить возвращение Суломатья под власть Древгорода. Всё было бы гораздо проще, если бы Орёл и Прохор попались нам на поле боя у городища густашумцев.

— Это точно, — присоединился к разговору Волк Озеров. — Ты ведь не забыл наш договор, государь? Я должен убить братьев собственной рукой. Они отобрали у меня жену и детей. Я заберу их жизни.

— Наш договор в силе, друг мой. Ты получишь свою месть. Но сначала нужно решить главный вопрос. Как поступить сейчас?

— Я думаю, у нас есть следующие способы, — Харитон Волков вытянул перед собой ладонь левой руки и стал правой рукой загибать пальцы. — Можно выманить князей на битву. Можно быстрым маршем дойти до Старогулья и осадить его, пока Орёл и Прохор не ускользнули. Хм... — молодой князь замолчал, крепко думая. Он загнул пока только мизинец и безымянный палец.

— Быстрого марша не получится, — ответил Всеслав, — дороги раскисли из-за дождей. На битву мы их тоже не выманит. В сражение вступает только тот, кто уверен в своих силах. Они же точно знают, что шансов нет.

— И как быть? — развёл руками Лютогост.

— Переговоры! — громко произнёс Всеслав.

— Что?! — Волк Озеров вскочил со своего места, едва не уронив пустую чашку. — Какие переговоры? А как же твоё обещание?

— Успокойся, Волк. Мы пригласим их на переговоры, чтобы убить.

— Но это же бесчестно, — удивлённо проговорил старший Озеров.

— А они по-твоему поступили честно? Твоя жена, твои дети, попрание воли вашего отца. Как быть с этим?

— Ты прав...

— И кто предложит им договариваться? — спросил у брата Лютогост. — Тебя они слушать не будут, меня тоже. Про Волка я вообще молчу.

Всеслав Строгов внимательно посмотрел на Харитона Волкова. Молодой предельный князь сидел молча, разглядывая дно своей чашки. Ему явно была противна мысль о том, чтобы убивать князей на переговорах. Но понимая всю выгоду такого поступка, способного быстро покончить с проблемой мятежных владык Суломатья и осознавая правоту Волка, жаждавшего мести, он помалкивал. В шатре воцарилась тяжёлая тишина. Было слышно потрескивание брёвен в печках, шум дождя на улице и поскрипывание пера, которым

придворный хронист Миша Воробей фиксировал подробности военного совета.

— Что? — спросил Харитон, поняв, что все смотрят на него.

— Ты должен ехать, — сказал ему Всеслав тоном не совсем приказным, но и не тем, который звучал как просьба. — Кому ещё поверят мятежники, как не молодому предельному князю Солоплажа?

— Мне бы не хотелось исполнять подобное поручение.

— Ты должен ехать, — повторил державный князь. — Если будешь убедительным, то приблизишь нашу победу и спасёшь тем самым сотни жизней. А может даже и тысячи.

Крупный отряд лёгкой и латной конницы приблизился к Старогулью неделю спустя. Возглавлявший его Харитон Волков поправил на плечах пропитавшийся холодной влагой плащ и посмотрел на деревянные стены города. Кивнул знаменосцу и тот выехал далеко вперёд, размахивая над головой зелёным полотнищем, означавшим, что они пришли с миром. Все воины отряда, включая самого князя, опустили острия своих пик к земле. Державный князь оказался прав, что быстрого марша не вышло бы. Харитон вновь мысленно прокрутил перед взором превратившиеся в холодную жижу дороги, пропитанные сыростью леса и вышедшие из берегов ручьи и речушки. Да, одним броском расстояние до столицы Суломатья было не преодолеть. С другой стороны и признаков, что они попали в поле зрения разведки, тоже не было. Хотя это могло говорить не о том, что за ними никто не следил, а о том, что следившие просто хорошо прятались. Молодому хозяину Солоплажа не нравилась возложенная на него миссия. Уговорить братьев Озеровых отправиться на переговоры, в то время как никто с ними не собирался ни о чём договариваться. А Волк так и вовсе жаждет кровавой расправы над братьями. Харитон только сейчас поймал себя на мысли, что Всеслав так и не сказал ему, какую же именно участь он уготовил для мятежных братьев. Может ему и не знать лучше? То, что Всеслава называли Справедливым было правда. Но не менее редко его называли Кровавым. Князь Волков мысленно помолился Элаю, чтобы ничего не получилось. Неприятно было выполнять подобный приказ. Хотя как верный слуга государя, он был обязан подчиняться. Да и сидеть под непрерывными проливными дождями в военном лагере тоже было скучно. А здесь хоть какое-то разнообразие.

Пока он размышлял, его знаменосца окрикнули со стены. Тот подъехал ближе и объяснил офицеру стражи цель их приезда. Судя по жестам, тот обещал немедленно доложить князьям. Время вновь потянулось медленно. Пока вестовой доложит, пока те примут решение, пока соберутся. Можно было бы и обед устроить. Прошло, наверное, не меньше часа, когда ворота открылись и в них показались хозяева Суломатья, ехавшие в окружение своих людей. Поравнявшись с Харитоном, Прохор и Орёл вежливо поздоровались и назвали свои имена. Молодой Волков также представился.

— И с чем к нам прибыл Харитон, сын Олега из Дома Волковых? — поинтересовался Прохор. Тон его на удивление был очень дружелюбен.

— Мой государь, Всеслав Строгов, просит вас обоих прибыть на переговоры. Он хочет мира.

— Только он хочет мира? — спросил Орёл.

— Мы оба хотим мира, — уточнил Харитон.

— А почему мы должны ему верить? Откуда нам знать, что это не обман.

— Ему нет нужды обманывать вас. Вы повержены, лишились своих дружин. Если он захотел бы, то явился под ваши стены с войском. Но он хочет предложить достойный выход.

— Это такой же как Хотену Юрьеву и его Дому?

— Бывший предельный князь Юрьев отказался с нами разговаривать. Не совершайте той же глупости.

— А мы сможем сохранить свои владения?

— Всё это вы обсудите лично с Всеславом. Он обещал вам обоим приемлемые условия.

— А как быть с нашим братом, Волком? У нас есть основания опасаться, что он не так жаждет мира как Всеслав, — данный вопрос очень волновал Орла. Брат его закивал головой в знак согласия.

— Его на переговорах не будет.

— Значит, ты предлагаешь нам положиться на честное слово Всеслава Строгова?

— Если не верите ему, можете верить моему слову. Так каков будет ответ?

— Нам надо посоветоваться с братом.

Братья Озеровы отъехали на некоторое удаление в сторону. Они были достаточно далеко, чтобы можно было разобрать детали беседы, но порывы ветра доносили сквозь шум дождя интонации разговаривавших. По ним и по жестикуляции было понятно, что Орёл не очень доверял предложениям Всеслава, а брат убеждал его в необходимости их принятия. Потом они словно поменялись. Вот теперь Прохор в чём-то сомневался, а Орёл убеждал его. Так прошло достаточно много времени. Харитон стал уставать от этой неопределённости. Он готовился к тому, что придётся убеждать Озеровых разными доводами, а получалось совсем не так. Они лишь выслушали его предложение и теперь что-то выясняли между собой. Наконец, их спор завершился и они вернулись к Харитону Волкову.

— Если ты гарантируешь нам неприкосновенность, мы с братом согласны договариваться.

— Есть лишь одно условие, я забыл назвать его.

— Какое?

— В ваших землях скрывается Пётр Строгов со своей дружиной. Его на переговорах быть не должно. Более того, он не должен о них ничего знать.

— Орёл и Прохор переглянулись.

— Годится. Когда и где?

— Через шесть дней. На Древгородском тракте, у хутора Кривоконь есть поляна. Прямо у дороги. Там и встретимся.

Холодный осенний дождь безжалостно хлестал ели и росший под ними кустарник, давно лишившийся своих листьев. Вереница всадников, над которыми висели два знамени, на зелёном поле которых серебряная молния была заключена в красный круг. Братья Озеровы прибыли на переговоры в назначенный день. Вот они, едут рядом, но каждый во главе своей колонны. Всеслав чётко видел обоих, невзирая на капли дождя, заливавшие глазницы стальной личины. Отряд Озеровых свернул с тракта и двинулся в сторону державного князя. Копыта коней давили мягкую покрытую жёлтой травой землю. Что заставило их так легко согласиться на переговоры? Харитон Волков утверждал, что братьев почти не пришлось уговаривать. Отчаянье. Скорее всего в нём крылся ответ. Они потеряли своих лучших воинов, надежд на помощь не было никаких и братья ухватились за первую же

возможность спастись. Призрачная надежда на чудо или смирение перед своей судьбой. Именно они заставляют приговорённых так безропотно класть свою голову на плаху. Весь отряд целиком оказался на поляне. Орёл и Прохор были уже совсем близко.

Всеслав Строгов поднял руку, будто для того, чтобы поприветствовать прибывших на переговоры князей, но затем поднял её выше и махнул, подавая команду. Немедленно ожили затаившиеся за кустами и елями лучники. На тракте появились копейщики, построившись в четыре ряда и плотно составив щиты, они перегородили попавшим в ловушку Озеровым путь к бегству. Сидевший в седле по правую руку от державного князя Харитон Волков отвернулся. Ему было неприятно наблюдать за этой сценой истребления доверившихся ему людей. Орёл выхватил меч и бросился на Всеслава, но поражённый меткими стрелками конь, повалился и придавил собой хозяина. Неподалёку умирал в сырой осенней траве его брат Прохор, которого так же поразили стрелы державных лучников. Бойня закончилась очень быстро. Озеровы привели с собой очень мало людей и все они сейчас лежали, пронзённые множеством стрел. На тракте раздался шум. Это прискакал Волк Озеров. Осмотрел поле и гневно ругаясь потребовал от копейщиков пропустить его. Всеслав одобрительно кивнул офицеру и тот приказал копейщикам расступиться. Волк Озеров бросился к государю.

— Как же так, государь?! Как же наш уговор? Ты же обещал! Где они?

— Ты о чём? — спокойно поинтересовался Всеслав.

— Ты обещал мне возможность отомстить! Я служу тебе только ради мести!

— Вон твои братья, лежат в траве мёртвые. Ты ведь именно этого хотел. Разве это не месть? И как понять, «я служу тебе только ради мести»? Я вот надеялся, что ты и дальше будешь мне служить.

— Да... — Волк огорчённо смотрел по сторонам, выискивая среди убитых свою родню. — Я сам должен был убить их...

Увидев, что искал, он подъехал к одному из охранников Всеслава. «Дай мне своё копьё», — сказал ему Волк Озеров, бывший предельный князь Суломатья, а ныне командующий Заморской гвардией Всеслава Строгова. Телохранитель поглядел на государя. Тот кивнул головой и тогда Волк получил из рук бойца копьё. Немедленно спрыгнул с коня и побежал к убитым. Казалось, что безумная ярость не только была внутри Волка, но и выплёскивалась наружу, разогревая вокруг него холодный осенний воздух. Он принялся колоть труп лежавшего перед ним Прохора, яростно приговаривая: «Получай, получай, на тебе. Гадёныш! Паршивец! Погань! За мою Валеску! За детей моих!!!» Копьё от безумных ударов сломалось. Обломок его остался торчать из превращённого в кровавое месиво тела. Тогда Волк вырвал из рук одного из покойников другое копьё и бросился на второго своего брата, Орла, который лежал неподалёку. Его тело он принялся так же яростно колоть и ругаться. Когда гнев немного отпустил обезумевшего от ярости Волка, он безвольно опустил руки и повесив голову поплёлся в сторону тракта. Копьё, оставленное им в теле Орла немного накренилось и стало падать. Увидев это, Волк подбежал и вонзил его обратно. Но копьё вновь стало крениться. Тогда он вырвал его и с диким рычанием, в котором не было ничего человеческого и от которого у всех присутствующих по спине пошли мурашки, воткнул копьё так глубоко, что оно прошило изуродованное тело насквозь и воткнулось в землю. Только тогда Волк Озеров пошёл прочь. Ему подвели коня, но он был уже не в силах забраться в седло и просто махнул рукой.

Харитон Волков поровнял своего скакуна с конём Всеслава и с укоризной сказал своему

правителю:

— Государь, воля твоя, но это не дело, которым нужно гордиться. Как мне с этим теперь жить, ведь я дал этим людям своё слово! Они поверили мне.

— Послушай, Харитон, — отвечал молодому князю Всеслав, — Мы на войне. Обман на войне это не подлость, а доблесть. Ты спрашиваешь как тебе жить с мыслью о том, что ты дал им слово и теперь они убиты? Ты заманил врага в засаду, живи лучше с этим. Живи с тем, что нам теперь без боя достанется Старогулье и всё Суломатье. Будешь размышлять и страдать о каждом своём поступке, не сможешь побеждать. И тогда тебя победят другие. Поехали. Нам ещё надо вернуть под власть короны наследие Дома Озеровых.

Всеслав направил коня вперёд. Харитон задумчиво посмотрел ему в след. Как у него всё просто складывается. Война, засада, обман. Когда выгодно поступает так, когда выгодно иначе, поступает по другому. И не думает над тем, правильно это или не правильно. Главное, что достигает цели. Видимо поэтому именно Строговы правят Рустовесской землёй. Именно сын их Дома возвращает рассыпавшееся было государство к покорности и единству.

Дружина Петра Строгова, растянувшись длинной вереницей вязнувших в грязи ратников и повозок, уходила из Суломатья в Крайнесточье. Беглому князю донесли, что Прохор и Орёл Озеровы отправились на переговоры с Всеславом. Вроде как одно из условий гласило, что Петра в известность ставить не надо. А отсюда уже могло вытекать, что условием перемирия между державной властью и Озеровыми станет сдача Всеславу его мятежного брата. Поразмыслив, Пётр приказал уходить в Крайнесточье к Булатовым. Это был последний предел Рустовесского государства до которого пока не дошла армия Всеслава Строгова. Тем более с Видогостом и Мириной у него были давние родственные и союзнические связи. Примут ли они его обратно? Кто знает, но из Суломатья точно надо уходить. Поэтому тянулась, утопая в грязи колонна сильно потрёпанной дружины. Из двух тысяч бойцов изначального состава у Петра осталось около тысячи. Остальные погибли, умерли от ран или были покалечены. Были и просто сбежавшие. Правда, не так много.

Воевода Корнил Шахов как всегда излучал непоколебимую уверенность и жизнелюбие. Прикрикивал на бойцов, отдавал приказы, ходил в разведку. Словом, глядя на воеводу было сложно понять, есть ли хоть что-то, способное испортить ему настроение. Совсем иначе выглядел Егор Михайлов. Главный телохранитель Петра Строгова был в последние недели мрачнее тучи. Его мучили тяжёлые мысли. Его господин потерял уже всё, что мог. Потерял своё войско, перешедшее к Всеславу, потерял трон в Древгороде, проиграл сражение, лишился союзников. Но не хочет прекращать сопротивления. Теперь они идут в Крайнесточье. Зачем? Ведь ясно, что Всеслав явится и туда. И к тому времени под державным князем будет такая мощь, что его не остановит ни Пётр, ни Видогост Булатов. И что потом, убегать в дикие степи или прятаться на Холодном камне?

Во время ночного привала, Егор Михайлов выставил посты у шатра своего господина, а сам ушёл на окраину лагеря и сел у костра. Закутался в тёплый плащ и не отрываясь молча смотрел как пляшут расцветшие на брёвнах языки пламени. Пётр двигал дружину в свой последний поход. Он был обречён. Это понимали все и в первую очередь сам князь. Но Егор не хотел смириться с мыслью, что он обречён. Он ещё молод и полон сил. В родовом остроге его ждёт престарелый отец, который воспитывает сына Егора, сосланного им туда накануне

возвращения Всеслава в Древгород. Ведь можно ещё жить! А слух, дошедший до него недавно вообще лишил главного телохранителя сна. Болтали, что якобы у державного князя есть тайная крепость, в которой он держит на цепи некую пленницу необыкновенной красоты. Взял он её в плен на берегу реки, когда та красавица бежала от погони. Она ему приглянулась, он посадил её на цепь и с тех пор посещает ту крепость, чтобы насиловать несчастную. Услышав об этом, Егор лишился дара речи. Всё ведь сходилось. Река, красавица, плен. Получалось, что его Агата жива и теперь томится в неволе у самого Всеслава Строгова. И как после таких известий можно покорно идти навстречу своей смерти? Егор решил, что никак. Они сейчас были в верховьях реки Хили, она осталась позади, дружина перешла её по наплавному мосту сегодня утром. Если двигаться вдоль реки, то можно прийти к месту, где она принимает в себя воды реки Самал. А там уже рядом родовой острог Малого Дома Михайловых. Дождавшись, когда большая часть ратников уснёт, он собрал свои вещи, деньги, оружие, отвязал коня и ушёл по истоптанной тропинке назад. Часовые его очень хорошо знали, поэтому никаких вопросов не задавали. Он вёл коня под уздцы, всё же его верный друг устал за день. Сердце телохранителя сжималось от боли и стыда. Столько лет он был рядом с Петром, охранял его, защищал, бился рядом с ним. Пётр взял его к себе, когда Егора настоятельно попросили убираться из храма Агуна и Кесы. Они были почти друзьями, насколько это было возможно для людей с их разницей в возрасте и положении. Он мысленно просил прощения у своего друга и господина. Егору показалось, что за ним кто-то идёт. Вроде он слышал как хлюпает грязь под чьими-то сапогами. Остановился. Было тихо. Егор пошёл дальше, шаги за его спиной возобновились. За ним кто-то осторожно шёл, в этом не было сомнений. Михайлов выхватил из ножен саблю и развернулся, принимая боевую стойку. Но оказавшийся прямо сзади него человек, прижал клинок Егора к его ноге. Он вынул сталь заранее. Без труда Михайлов узнал Корнила Шахова.

— Собрался куда-то? — с ехидной усмешкой спросил воевода.

— Да, собрался, — не стал юлить телохранитель и приготовился к худшему. — Далек.

— Понимаю, — неожиданно согласился Шахов. — Им всем конец. Всем этим Озеровым, Юрьевым, Булатовым. И наш молодой князь тоже решил утонуть. Я говорил с ним, но он непреклонен. Будет сражаться до конца. Что при таком соотношении сил простое самоубийство. Но он покончит не только с собой, но и со всеми нами. Я тебя понимаю, Михайлов. И не осуждаю. Не стоит умирать, когда можно жить. Тем более, когда есть зачем.

— Если ты всё понимаешь, почему тоже не уйдёшь?

— Пока не могу. Меня держит рядом с ним кое-что. И это вовсе не преданность Петру, а кое-что весьма приятное, — Корнил Шахов гнусно засмеялся. — Ступай, Михайлов. Пусть хранят тебя древние боги!

Егор развернулся и пошёл в темноту. На душе было ужасно скверно. Ходил грязный слушок про связь Корнила Шахова и жены Петра Веры Строговой. Теперь он знал, что это правда. «А чем я лучше, — подумал про себя Егор, — Шахов спит с Верой, а я просто предатель». В памяти всплыл заснеженный лагерь мудрейшего Вейкко и то, как он убегал тогда накануне решающей битвы.

Больше двух месяцев, вплоть до самой зимы ушло на подчинение державной власти Суломатя. Здесь, также как в Хладоручье и Густошумье, был посажен наместник и размещён отряд державной армии. Прибывшие в обозе Всеслава писари быстро наладили

управление пределом. Так же как и в других землях здесь понизили налоги. И вновь недовольство гвардейцев вызвало слишком мягкое обращение князя с благоверами, засевающими в храме Юма и Живы.

В первый месяц зимы Всеслав Строгов оставил свою армию и гвардию в Суломатье под командованием Лютогоста, а сам вместе с сыном Красимиром отправился в Древгород. Долгое отсутствие государя требовало его личного посещения столицы. Всеслав настоял, чтобы вместе с ним в Древгород поехал и командующий гвардией Волк Озеров. Он не хотел оставлять своего полководца в его родных землях без присмотра. Тем более, что тот был очень расстроен упущенной возможностью лично отомстить братьям. В глубине души Волк винил в этом Всеслава. Он подозревал, что государь намеренно приказал убить Прохора и Орла ещё до появления старшего брата. Вот только зачем? Ответа на этот вопрос у командующего гвардией не было, однако обида продолжала травить душу.

Всю дорогу Всеслав Строгов рассказывал Волку о том, что он правильно поступил, отказавшись от притязаний на отцовский престол. Время предельных владык, обладавших собственными войсками и практически неограниченной властью на своих землях ушло. Государство прошло через страшную смугу и теперь должно сплотиться. Князья, которые это поймут, займут своё достойное место в числе привилегированных полководцев новой армии. Волк поступил правильно. Теперь Дом Озеровых будет частью высшей знати Рустовесской земли. В отличие от Юрьевых, которые уже потеряли всё из-за своей глупости и Булатовых, которые по той же причине всё потеряют следующим летом.

— А Дом Волковых? — поинтересовался командующий гвардией.

— Это зависит от решения Харитона, — честно ответил Всеслав. — Я же сказал отныне в Рустовесье не будет вольных князей, владеющих собственными войсками и безраздельно управляющих землями.

Больше Волк Озеров ничего не спрашивал, вновь погрузившись в свои мысли. Бескрайние заснеженные просторы, поросшие густыми лесами с редкими дымками хуторов и ещё более редкими стенами городищ и острогов, заставляли даже большого князя чувствовать себя маленьким и временным гостем среди этих величественных картин. Чувствовать свою недолговечность. А заснеженные леса как стояли, так и будут стоять тысячелетиями.

Когда короткий зимний день уже близился к своему завершению и до Древгорода было уже рукой подать, Всеслав Строгов остановил своего коня и задумался. Можно было поехать прямо и уже совсем скоро оказаться в резиденции, рядом с женой и детьми. Или свернуть и за пару часов добраться до Вешневодья, где ждала его беззаконница. Разум подсказывал, что ехать надо домой. Нельзя оскорблять супругу таким явным пренебрежением. Она наверняка соскучилась и будет рада встретить победоносного мужа и старшего сына. Но какой-то оживший в глубине насмешливый голос недобро подмывал его свернуть на Вешневодье. Жена никуда не денется. Она ведь не стала выговаривать своему князю никаких обид. Значит она не имеет ничего против любовных связей своего мужа. Так что не надо размышлять, надо поступить так как хочется. Государь волен поступать по своему усмотрению. Решившись, Всеслав велел Волку Озерову с Красимиром и остальным отрядом ехать в Древгород. А сам с группой охранников направился по другой дороге.

— Не понял, — удивлённо произнёс Волк, — Всеслав, ты куда? А что нам Зиме сказать?

— Скажи ей, что я буду дня через три.

— Вот тебе раз...

Агата Лоскутова как всегда ждала его в горнице своего терема. Сняв засыпанную снегом верхнюю одежду, князь поднялся к ней. Войдя, он остановился, а она медленно поднялась к нему навстречу. Всеслав хотел подхватить её на руки, но понял, что этого лучше не делать. Агата стояла перед ним ласково улыбаясь, а под платьем её круглел большой живот. Всеслав приблизился и осторожно обняв женщину за плечи, поцеловал её в губы. Потом погладил живот.

— Значит... — задумчиво произнёс Всеслав.

— Да, — кивнула Агата. — Уже совсем скоро. Может через пару недель, а то и раньше.

— А кто будет, как думаешь?

— Надеюсь, что девочка. Хватит с меня мальчиков уже. Мне с ними не везёт. Милый, я соскучилась без тебя. Столько месяцев. И я знаю, что ты приехал не просто поговорить, — Агата погладила Всеслава по щеке и заговорщицки подмигнула ему, отчего щёки князя слегка покраснели. — Но сегодня тебе лучше ехать в Древгород. Мне уже совсем скоро рожать. В любой из ближайших дней. Приезжай потом, когда всё случится. Когда пройдёт время. Я покажу тебе младенца и мы сможем остаться вдвоём. Не хочу, чтобы ты видел как я рожаяю. Мужчины не любят это видеть.

— Тебе что-нибудь нужно? Я пришлю лучших повитух.

— Не надо. Я уже нашла из местных крестьянок. Хорошие женщины. Они мне помогут. Всё будет хорошо. Приезжай, когда я рожу и пройдёт время. Тогда мы разделим ложе.

Когда Зима узнала, что муж куда-то уехал на несколько дней, повернув чуть ли не от самых ворот Древгорода, она была в гневе. Дела? Важные обстоятельства? Всё было понятно без слов. Он уехал к Агате Михайловой. Решил прежде всего проведать свою любовницу после стольких месяцев разлуки. Решил в первую очередь разделить ложе именно с ней, а не со своей законной женой, матерью своих детей, которая тоже его не видела уже давно. Обида на Всеслава, тем более нанесённая им так неожиданно, затмила даже радость от возвращения старшего сына. Зима смотрела и глаза её радовались тому, как возмужал маленький Красимир. Маленький... Какой он маленький, вон какой большой уже вырос. Сын рассказывал матери про их поход, но она почти не слушала. В висках её звенела боль обиды. Значит, решил несколько дней развлечься со своей потаскушкой. В отсутствие мужа Зима хотела посетить Вешневодье, посмотреть на эту Агату Михайлову и поговорить с ней. Но потом решила, что это будет ниже её достоинства. Наверное, правильно, что она туда не поехала. Пусть развлечётся с этой потаскушкой, пусть... Пусть! Зима сжала кулаки, стараясь от обиды не расплакаться при сыне.

Но Всеслав приехал не через три дня, а через четыре часа. Когда Зима узнала об этом, то была весьма удивлена. Она хотела бросить в лицо своему неверному мужу все накопленные ей обиды и всё оскорбление, что он ей причинил. Но не стала. Сильнейшим усилием воли она убрала с лица гнев. Но он никуда не делся. Оставив доброжелательную улыбку и ласковый взгляд, гнев медленно утёк ниже, свернувшись горячим болезненным комом в животе и груди. Булькал там и отравлял кровь.

— А где Волк Озеров?

— Он отправился к жене, — ответила Зима.

— Правильно сделал. Как ты тут? Я читал все твои письма. Очень обстоятельно и грамотно составлены. Ты у меня просто умница, — Всеслав поцеловал жену. Та попыталась вложить в свои уста как можно больше нежности, чтобы муж не почувствовал на них

горький привкус обиды. — Хорошо, что я могу оставлять наместником именно тебя. А как жена Лютогоста, у неё всё хорошо?

— Почему ты спрашиваешь о ней?

— Мой брат остался командовать армией в Суломатье. Чтобы ему не было одиноко, я хочу послать туда Киру. Естественно, с сильным отрядом охраны.

— Да, я общалась и с ней и с супругой Озерова. Думаю, Кира будет рада увидеть мужа. Кстати, я уже давно учу катхорский язык, они мне помогают. Теперь я владею им в совершенстве, — Зима произнесла фразу, которая звучала очень похоже на то, что Всеслав слышал из уст своих союзников, когда они переселялись на запад.

— И что это значит?

— Это значит, что сейчас накроют большой стол для могучего хана.

— Надеюсь, для могучего хана накроют не только стол, но и ложе, где он сможет приласкать свою красавицу-жену, — Всеслав крепко обнял свою супругу.

Добрую часть ночи они провели в любовных утехах. Истопив свои силы, Всеслав, наконец, уснул. Зима ещё некоторое время лежала, глядя в потолок. В комнате было жарко от гревших очагов. По обнажённому телу Зимы ручьями тёк пот, после того как Всеслав в последний раз взял её. Теперь он спал рядом, а она размышляла. То, что муж ездил именно к любовнице, сомнений у неё не вызывало. Но вот почему он вернулся так скоро, ведь собирался остаться там на три дня или около того? Судя по тому, что сейчас было, вряд ли Всеслав получил от Агаты желаемое. Если бы получил, остался бы там. Все мужчины таковы. Зима не знала никого, кроме своего мужа, но она разговаривала с другими женщинами и все сходились в одном. Значит, что-то ему помешало и он был вынужден удовлетворять свою похоть с женой. Догадка была очевидна, скорее всего Агата Михайлова беременна. Всеслав отсутствовал много месяцев, а значит она должна быть на последнем сроке. Жар сошёл с её тела и Зима укуталась в меховое покрывало. Этого следовало ожидать. Любовница прижила от её мужа ребёнка. И что он будет делать? Поведение Всеслава пугало Зиму всё сильнее. Если он не таясь вытворит такие вещи, то в безопасности ли она сама и её дети? Что помешает ему сослать их куда-нибудь и жениться на этой потаскушке? А это безумие создаёт угрозу уже для всей Рустовесской земли.

Незаметно для себя, Зима Строгова заснула. Она вновь оказалась в том весеннем лесу. Сидела в телеге, рядом со своим раненым мужем, а их окружали вражеские ратники. Конные воины с копьями и мечами, над шлемами которых развевались знамёна Больших Домов. «Смерть! Смерть ему!» — бродило из уст в уста пугающее слово. Рядом не было никого, кто мог бы защитить раненого державного князя. Все его воины погибли. Враги приближались, угрожая князю смертоносной сталью. Зима слезла с телеги и отошла в сторону.

Глава 13 Погребальный костёр

Пётр Строгов, жмурясь от яркого солнца, смотрел на небо. Он всегда любил весну, всегда умел радоваться мелочам и видеть приятное в обыденном. Возможно, за это его любила Вера. Но он потерял эту способность. Весна четыреста двадцать второго года застала его в Миргороде, где он прятался ещё с осени прошлого года, попросив защиты у Видогоста Булатова. Быть может, если бы не его жена Вера и дочь Рада, он и не пришёл бы сюда. А если бы у него не было людей, за которых он отвечает, то он и вовсе бросился бы на меч. Проклятое голубое небо с этими пушистыми облачками, мирно плавающими на фоне яркого солнца... Лицезрение даже таких безмятежных картин больше не приносило радости. Напротив, лишь раздражало, составляя противоположность его душевной опустошённости. Он побывал у цирюльника, который тщательно выбрил Петру Строгову лицо. Сходил в баню и попарился там, смыв всю грязь. Он ощущал чистоту и то, как лёгкий ветерок ласкает его гладкие щёки, с которых убрали жёсткую щетину. Чувствовал, но не испытывал никакой радости. Будь оно всё проклято! Пусть Мроз и Килма заберут себе этот мир и правят в нём столько тысячелетий, сколько им влезет.

Пётр отправился бесцельно бродить сначала по резиденции, а потом по городу. Его жена Вера как всегда нянчилась с Радой на женской половине. Его воевода Корнил Шахов тренировал остатки дружины на плацу. Видогост Булатов был занят своим воинством. А в городе было всё то же самое. Люди занимались своими собственными делами. Суетились, толклись на рынке, работали в своих слободах. Хотя царила на улицах какая-то напряжённость. Ходили слухи, что армия Всеслава Строгова уже выступила в поход и со дня на день будет уже под стенами Миргорода. От этих слухов чернота совсем заволочла душу. Хотелось упасть на землю и биться об неё головой, пока весь лоб не разобьётся или покроется грязью. А потом прыгнуть в колодец и утонуть там. Но только так, чтобы никто об этом не узнал. Никогда. Пётр зашёл в харчевню, которая приглянулась ему уже очень давно. Хозяин знал князя и приветливо ему улыбнулся. Он в ответ тоже махнул ему рукой. День только тянулся к середине и в харчевне никого не было. Если не считать одного чудаковатого вида гостя, который уплетал жареную картошку, сидя в углу.

— Князь, приветствую! Купите у меня хоть что-нибудь. Совсем дела плохо идут.

— Да в резиденции пока вполне хватает и еды и питья. Хотя, — задумавшись медленно проговорил Пётр, — давай! Сколько можно у вашего господина дармоедничать?

Он купил себе небольшой бочонок пива, пару кувшинов медовухи и бутыль с обжигаловкой, как местные умельцы называли прозрачную жидкость, которую по особым рецептам вытягивали из браги. Расплатившись, Пётр вдруг понял, что всё это добро нужно отнести в резиденцию, а он совсем один. Раньше с ним всегда был Егор Михайлов. А теперь он сбежал. Молодой князь представил, как будет выглядеть, взвалив на спину эти бочонки. Сын великого Лесьяра Строгова и брат непобедимых Всеслава с Лютогостом, бывший державный князь тащит на своём горбу выпивку. Вот ведь позорище! От этой мысли стало ещё противнее. Видимо, поняв затруднение своего покупателя, хозяин трактира немедленно выделил ему двух юнцов, чтобы те дотащили покупки куда прикажут.

Трактир был не слишком далеко от резиденции, но всё же прогуляться пришлось. Посланные трактирщиком юнцы послушно брели за Петром, о чём-то тихо переговариваясь. Хорошо, что их ему дали в помощь. Теперь смотрят люди и видят, что идёт благородный

человек. А тащи он бочонки на своём горбу? Вот было бы позорище. Они вышли на главную площадь, где находилась резиденция предельных князей Миргорода. Впрочем, Видогост уже давно именовал себя самовластным князем. Вторую резиденцию, где он жил с семьёй ещё будучи наследником, и где потом пребывала под охраной Агата Лоскутова, беременная от Деяна, несколько лет назад разобрали. И на месте её построили высокую деревянную башню, которую Видогост посвятил своей любимой жене Мирине. Башня немного возвышалась даже над стенами города. Жена самовластного князя очень любила там бывать, проводя много времени с их детьми. Петру и самому там нравилось. С высоты башни открывался необыкновенный вид на город и даже за его пределы. Но сегодня Пётр шёл не туда. Сначала он думал отправиться на черновую кухню, где ели прислужники, чтобы там тихо посидеть без чужих глаз. Но потом решил не прятаться. Приказал своим спутникам нести напитки в малую трапезную. Когда они выполнили поручение, он отпустил их, дав каждому по медной резе. А прислужницам приказал подать ему на стол закуску и поставить кружку с чаркой.

Наполнив чарку прозрачной жидкостью, Пётр мысленно очень грязно выругался и выпил. Обжигаловка огненным маслянистым комком покатилась по пищеводу в желудок и наполнила брюхо приятной теплотой. Князь зажмурился, резко выдохнул и сделал большой глоток пива. Приятная горечь после такого огня. Он принялся уплетать поданные ему прислужницами картошку с грибами и поросячье мясо. Да будет здоров Видогост Булатов за свою щедрость!

В трапезную осторожно вошёл Эйно, писарь из Старогуля. Он бежал к Петру, когда братья Озеровы поехали на переговоры с Всеславом. В дружине он занимался учётом провизии. Пётр посмотрел на писаря. Тот стеснительно переминался с ноги на ногу. Пристрастие Эйно к хмельному уже давно стало предметом шуток среди ратников. Видимо, он искал Петра для того, чтобы решить какой-то вопрос или что-то ему доложить. Но увидев, что господин пьёт, он стал придумывать повод остаться. Быть может под шумок разговора ему удастся украдкой налить себе вожделенной влаги.

— Государь, повелитель! Я искал Вас... — Эйно смотрел на бутылку с обжигаловкой и мысли его путались. Так хотелось остаться, но придумать достойный повод не получалось.

— Присядь, Эйно. Раздели со мной еду и напитки, — Пётр прекрасно понял, что писарь явился на запах хмельного и решил помочь ему выйти из затруднения. Тем более, что собутыльник был весьма кстати. — Эй, — обратился он к девице-прислужнице, — милая, ещё чарку, кружку и тарелку со снедью!

Писарь уселся напротив князя и нетерпеливо потёр ладони. Пётр наполнил чарки обжигаловкой, а кружки пивом. Они выпили.

— Оооох, хороша! — воодушевлённо произнёс Эйно, кидая в рот картошку с грибами. — Государь, а ведь такая оказия со мной приключилась! Просто ух, какая оказия. Третьего дня отправился я за стены, чтобы...

— Умолкни, Эйно! — резко оборвал его Пётр. — Не желаю твой трёп слушать. Мне подуматься хочется. Будем молча пить. И вообще, чего я тебе наливаю? Давай ты следи, чтобы у меня в чарке и кружке дно не проступало.

— Да, да, государь. Как Вам угодно распорядиться. Будет исполнено!

Дальше они пили молча. Эйно твёрдо выполнял наказ своего господина и постоянно подливал ему. Растекавшаяся по желудку теплота обжигаловки растворялась холодной горечью пива. Опьянение мягкими пальцами приятно прощупывало голову, обволакивая

рассудок в пушистый мех хмельного дурмана. Ровные линии стола, стен, потолка, очертания кружек и чарок, лицо сидящего напротив писаря и фигуры прислужниц стали расплываться. Чем больше Пётр выпивал, тем сильнее они расплывались. Обжигаловка с пивом постепенно растворили гнетущее ощущение беспросветности. Стало немного легче. Уже не давило на голову и плечи понимание того, что он загнан в угол и выхода нет. Предавший Петра Егор Михайлов, который просто ничего не объясняя сбежал куда-то, не выходил из головы. Ведь он считал его своим другом, доверял ему свою жизнь. Хотя чему удивляться? Сам Егор рассказывал, как ушёл в ночь перед битвой на Михайловом лугу и прятался потом в остроге у своего отца. Можно ли было доверять такому человеку? Конечно же, нет! Но ведь тот же самый Егор, выполняя поручение своего господина, вышел на смертельный поединок со Скалогромом. Столько лет был рядом. Как было не доверять ему. Но он предал... Пётр выпил ещё. Обида отступила. Настроение улучшилось. Если вдуматься, всё не так уж и плохо. Воины тренируются, стены города высоки и крепки. А что может его брат? Все его победы призрачны. Он слишком быстро захватил себе очень громадные земли и ему нечем будет удержать их. По мере того, как пустела бутылка и уменьшалось количество пива в бочонке, уверенность в слабости Всеслава, переросла постепенно в веру в свои силы. Пётр и Эйно хряпнули ещё. Вера в мощь своей дружины обернулась уверенностью в победе. Победа близка, Всеслав обречён. Ничто не сможет спасти брата от неминуемого поражения. Есть в этом мире только одна неизбежность, это победа Петра Строгова!

Видогост Булатов вошёл в малую трапезную и сурово присвистнул. Один из столов был заставлен пустыми тарелками, испачканными жиром и остатками еды. Посреди них башнями возвышались две кружки и две чарки, заляпанные грязными пальцами. Самой высокой башней была полупрозрачная бутылка, на самом доньшке которой что-то ещё оставалось. Пустой пивной бочонок валялся под столом. Рядом с бочонком храпел какой-то человек в писарских одеждах. Видимо он заснул на столе, сполз на скамью, а уже оттуда повалился на пол. Стоял крепкий запах жратвы и выпивки. Во главе всего этого безобразия восседал его родич и гость Пётр Строгов. Он аккуратно взял бутылку и цедил из неё остатки обжигаловки в свою чарку. Увидев Видогоста, Пётр приветливо улыбнулся и махнул ему рукой, задев нож, который со звоном упал на дубовый пол. Лениво посмотрев на нож, Пётр попытался поднять его, но зашатался и решил не рисковать потерей равновесия. Допил остатки обжигаловки и снова заулыбался.

— Знатный у тебя тут пир, — покачал головой Видогост.

— Знатный, — подтвердил Пётр. — День сегодня такой чудесный, — он говорил медленно, проговаривая каждое слово, ощущая как непослушно шевелятся онемевшие от опьянения губы.

— Н-да... Я отправляюсь в рейд, хотел тебя с собой позвать. Мне нужны твои люди. Я же тебе говорил.

— Помню, — Пётр взял кружку, но увидев, что в ней пусто, разочарованно поставил её обратно. — Но ведь мы завтра собирались выступить.

— Лучше сегодня. Подозрительно тихо всё. Всеслав уже должен был вторгнуться в мои земли. Но сигнальные костры не горят. Хочу лично всё разведать.

— О, Видогост, ну так я с тобой! — Пётр поднялся на ноги, сильно шатаясь.

— Да уж ладно, побудь в городе. Но мне нужны твои конники.

— Конечно, бери, — заплетающимся языком пробормотал князь.

Видогост ушёл, одарив гостя презрительным взглядом. Но не успели его шаги стихнуть,

как в трапезной оказалась Вера. Она с разочарованием и обидой посмотрела на мужа:

— Пётр, ты что, опять напился?!

— Вовсе нет! Я трезвый.

Это утверждение мужа поставило Веру в тупик. Она не нашлась, что ответить. Просто обняла его и потащила за собой в опочивальню. По пути он рассказывал ей, что победа близка. Его старшие братья обречены. Потом хвастался тем, что никогда не блюёт после пьянки. «Все блюют, а я никогда не блюю!» — гордо кричал он, опираясь одной рукой на свою хрупкую жену, а другой рукой пытаясь удержаться за стену. В опочивальне Пётр рухнул в кровать. Вера стянула с него сапоги и уселась рядом, глядя его голову и спину.

— Ну зачем ты так, милый? Всем сейчас трудно. Мне тоже трудно. Я за тебя волнуюсь очень! Не пей. Пожалуйста. Кто защитит меня и Раду, если не ты? — Вера положила голову ему на спину и заплакала.

— Да хватит ныть! — внезапно огрызнулся Пётр. Вера от неожиданности подскочила. Слезы текли не останавливаясь. Она снова стала ласково гладить Петра, стараясь передать через ладони всю свою любовь и нежность. Но он неожиданно толкнул её ногой, отчего жена отлетела в угол комнаты, едва не ударившись головой об стену.

— Пётр!!! — испуганно крикнула Вера. — Что с тобой?!

— Это с тобой что? — он приподнялся на ложе. — Ты уже надоела мне своими воплями! Прикуси свой язык поганый! Мерзавка! Гадина! — пьяная весёлость сменилась противоположностью. Обида на себя и на весь мир искала выход и нашла его, выплеснувшись потоком брани на жену. Пётр, шатаясь, стал вставать с ложа. Глаза его были наполнены гневом, а лицо покраснело. Он сжал кулаки, желая избить подвернувшуюся супругу. Вера в ужасе съежилась, уткнула лицо в колени и прикрылась руками, ожидая града ударов. — Ты паршивка! Гнусь! Ты во всём виновата. У меня всё было хорошо, пока я тебя не встретил! Ненавижу тебя! Гадюка! Гадюка. Гадюка...

— Пётр, не надо! За что, Пётр? Не надо так, — Вера прятала лицо в коленях и плакала ожидая побоев. — Что плохого я тебе сделала? За что ты со мной так? Я ведь люблю тебя! Мы с Радой тебя любим. Милый, — страх ожидания удара перехватил дыхание. Неужто её любимый Пётр будет её бить? Он так никогда не делал. Это других жён бьют мужья. Не её. — Поговори со мной. Я всё что угодно для тебя сделаю. Тебе плохо? Что мне сделать для тебя? Ну ответь ты уже! Не молчи.

Ответом ей был сладкий храп. Пётр уснул пьяным сном на постели, куда он видимо повалился после того как поднялся на ноги. Комната была переполнена запахом спиртного. Вера прекратила плакать. Её охватила злость. Вот так вот значит? Это она во всём виновата? Этот злобный пьяный человек хотел её избить. И за что? Просто так. Настроение плохое. Она почувствовала к мужу отвращение. «Это у тебя что ли всё было хорошо, пока ты меня не встретил? — думала Вера. — Нет, это у меня всё было хорошо до встречи с тобой». Острая необходимость восполнить своё унижение и обиду сама собой вызвала в сознании образ другого человека. Наглого, хамоватого, грубого, всегда весёлого. Который мало пил и был бесстрашен. Который не боялся рисковать всем, чтобы добиться желаемого.

Корнил Шахов пришёл в свою комнату поздно вечером. Бросил в угол пояс с ножнами и скинул сапоги. То, что в его комнате кто-то есть, он понял сразу как вошёл. То, что этот кто-то не представляет угрозы, понял мгновение спустя. Оттачиваемое годами воинское чутьё позволяло безошибочно определять опасность. Этот навык не раз спасал ему жизнь. Воевода уже хотел обратиться к незваному гостю с вопросом, как к нему юркнул знакомый женский

силуэт. Женщина обняла его и принялась жадно целовать в губы. Он не сопротивлялся, увлеченно прижав её тело к себе.

— Вера? — спросил Шахов, когда они оторвались друг от друга, чтобы отдышаться. —

Очень рад тебя видеть. Не ожидал, что ты придёшь ко мне сама.

— А ты против? Мне нельзя к тебе прийти самой?

— Можно, конечно. Просто раньше ты так не делала. Никогда.

— Ну а теперь сделала. Раздевайся давай!

— О как? — усмехнулся Шахов. — А муж твой?

— Он напился в стельку и дрыхнет.

— Да, твой дядя говорил. Он конников забрал...

— Тссс! — Вера прижала указательный палец к губам Корнила и стала раздевать его. —

Чего ты стоишь как пень? Я тебя не узнаю!

— Я тебя тоже, — улыбнулся воевода и стал снимать с Веры платье.

Под рукой Видогоста было четыре сотни конников. Последние конные силы, которые имелись в распоряжении Дома Булатовых. Среди них полсотни всадников из дружины Петра Строгова. Подумать только, а ведь совсем недавно владыка Миргорода выводил на поле боя десятки тысяч воинов, в числе которых тысячи были всадниками. И вроде были ещё люди в Крайнесточье, паслись на его лугах кони. А вот конное войско осталось в прошлом. Лишь четыре сотни легковооружённых бойцов шли под знаменем его Дома. Как только Всеславу удаётся содержать такую рать? Хотя чему удивляться, он забрал под свою руку все пределы государства. Видогост был последним. Как победить, он не имел никакого представления. Силы были слишком неравны. Упросить державного князя заключить мир? Для этого нужно вести переговоры, а все уже знали, что случилось с братьями Озеровыми, которых просто убили даже не дав открыть рот. Так что война. Уже сколько лет идёт война. Видогост и забыл как жил в мирное время. Впрочем, мужчина княжеского рода и появляется на свет только ради войны. Но всё же в войнах приятнее побеждать, чем хлебать постоянную горечь поражения.

Они столкнулись с врагом у лесной речушки. Сразу даже и не поняли, что именно произошло, пока над отрядом врага не взметнулось вверх знамя Дома Волковых — копьё, меч и топор, скрестившиеся на бледно-голубом поле. Дорога в этом месте шла в лесу и почти сразу упиралась в речку. Моста на ней не было, так как глубина была совсем небольшая. Песчаное дно позволяло с лёгкостью преодолевать водную преграду. Всадники врага, по всей видимости, услышали приближающийся отряд Видогоста и загодя приготовились к бою. Булатовым же и в голову не пришло таиться, ведь они были всего в двух днях пути от Миргорода. Пламя на сигнальных вышках не горело, а значит вторжение ещё не началось. Поверить в то, что так близко к предельному городу рыскает крупный отряд врага было невозможно. Но пришлось, когда на Булатовых посыпались стрелы и дротики.

Видогост скомандовал к бою и оцепеневшие было ратники пришли в себя. Рядом с князем кого-то убило стрелой. Владыка Миргорода прикрылся щитом, выставил вперёд пику и повёл людей на врага. Конники Булатовых быстро преодолели речушку, тем не менее оставив в ней несколько трупов. Когда добрались до Волковых завязалась жаркая сеча. Враг бросился на них, но упустил возможность загнать ратников Видогоста обратно в воду. В ход

пошли пики, мечи, топоры, дротики и стрелы. Организованный натиск Булатовых заставил вражеский отряд начать отступление. Оказалось, что на одного ратника Волковых приходится по четыре врага. Видогост громогласно посрамил отступавших бранным словом и в это мгновение один из конников, повернувшись в седле, пустил в князя стрелу. Владыка Миргорода стал поднимать щит, но не успел прикрыться, она вонзилась ему в плечо.

— Вперёд! Чего встали?! — крикнул Видогост и сжал зубы от боли. Стрела засела глубоко, по всей видимости повредив кость.

— Князь, не нужно!

— В чём дело?

— Мы взяли пленного. Он говорит, здесь рядом всё их войско.

— Во имя Агуна и Кесы! Тогда уходим скорее. Нужно подготовить Миргород к обороне.

Дрожащее пламя нескольких свечей бросало на стены чёрные тени. Была глубокая ночь. Видогост Булатов лежал на столе и тяжело дышал. Мирина стояла рядом с мужем и протирала ему пылающий лоб тряпкой, смоченной в холодной воде. Она постоянно шептала его имя. Уже почти беззвучно, лишь шевеля потрескавшимися губами. Пётр Строгов стоял чуть поодаль, печально смотря на убитую горем сестру, склонившуюся над своим умирающим мужем. Его жена Вера вместе с дочерью Радой и детьми Мирины спали на верхнем ярусе башни. Мирина настояла, что нужно перейти сюда. Резиденция слишком большая. Может не хватить воинов для её защиты. Но Пётр понял, что дело не в войнах. Мирина не хотела, чтобы лишние созерцатели стали свидетелями последних часов жизни Видогоста.

Когда отряд вернулся из рейда, хозяин Крайнесточья ещё был в сознании, хоть рана его уже гноилась. Лекарь обработал её, но дальше развёл руками: зараза уже проникла в кровь, сделать ничего нельзя. Мирина набросилась на лекаря и расцарапала ему всё лицо. Её с трудом удалось оттащить от него. К вечеру Видогост впал в беспамятство. Вместе с ним лишилась рассудка и сама Мирина. Она велела перенести мужа в башню, забрала с собой детей и Петра с его семьёй. Когда старший сын и наследник Видогоста Игнат сказал матери, что ему нужно распорядиться о защите города, та наорала на него и приказала оставаться в башне. «Ворота и без тебя закроют, а здесь твой отец!» — кричала Мирина. Из красивой статной княгини она в одночасье превратилась в самую простую женщину, на лице и фигуре которой тут же проявились все прожитые годы. Волосы Мирины были спутаны, вокруг глаз проступили чёрные круги, губы потрескались, она ссутулилась от постоянного стояния над мужем. Лицо покрылось морщинками. Но ей было наплевать на внешний вид. Раньше она прихорашивалась только ради мужа, а что теперь? Он лежал рядом и гнил заживо. Мирина ничем не могла ему помочь.

Эта беспомощность убивала её и лишала рассудка. Она промывала рану Видогоста, мазала его лекарствами, протирала его лоб влажной тряпкой, давала ему пить. Но он не выздоравливал. Не разговаривал и не смотрел на неё. Только лежал с закрытыми глазами и бормотал что-то. Она пыталась понять, что он говорит, но это было невозможно. Она постоянно повторяла его имя, взывала к богам. Пусть они сотворят чудо, излечат её Видогоста. А она за это... Да нет ничего такого, что она не отдаст за это. Даже собственную жизнь. Но боги молча наблюдали за ней и не вмешивались. Пусть им плевать на её страдания, она готова была страдать всю жизнь, если он выживет. Но Видогосту становилось

только хуже.

Пётр Строгов заснул у стены прямо на полу. Над ним шевелились тени, которые Мирина и Видогост отбрасывали на стену. Ей показалось, что в комнате ещё кто-то есть. Может это дети или Вера? Но здесь никого не было. С той стороны, где за тонкой стенкой была винтовая лестница, Мирине почудился какой-то странный звук. Она не спала, не бредила, но готова была поклясться, что увидела Благослава Булатова, родного брата Видогоста, который правил Миргородом, когда она только приехала в Крайнесточье, чтобы стать его женой. Благослав был ранен стрелой в схватке с кочевниками и умер от того, что рана его воспалилась. Он был здесь и смотрел на своего младшего брата. Два брата с такими разными жизнями, которые закончились одинаково. Мирина закрыла своего мужа. «Что тебе нужно здесь?» — спросила она тихо, обращаясь к Благославу. Но тот не ответил. Рядом с ним появилась Любица, его жена. Видогост и Мирина никак не повлияли на смерть Благослава. Но Мирина помнила свои руки, которые бросили яд в кубок с водой и как она подала этот кубок Любице. Та тоже стояла у постели умирающего мужа. Тоже горевала, не пила и не ела. Но воду в том кубке, что подала ей Мирина она выпила. «Да, я сделала это, — сказала Мирина призраку, — слышишь? Я это сделала с тобой и не жалею!» Но Благослав и Любица смотрели молча и ничего не отвечали. От их молчания сделалось жутко. Но если они здесь, то где же... Ну да, вот он. Во тьме появился Деян Булатов, единственный сын Благослава и Любицы. Тоже смотрит. Он был владыкой Крайнесточья, пока не пал жертвой интриг Мирины и Видогоста. Пока ему не отрубили голову по их приказу. «Тоже будешь на меня смотреть? — обозлилась Мирина. — Смотри. Смотрите все вы! Я не боюсь вас. Ты Деян, был просто слишком скудоумный. Потому и умер так глупо. Чего вы уставились?!»

— Мирина, — послышался голос Видогоста, который заставил её вздрогнуть, — ты... С кем ты говоришь?

— Любовь моя! — она обняла его очень осторожно.

— Я чувствую холод, — лицо Видогоста было искажено страхом. Губы дрожали. — Меня засасывает туда... В темноту...

— Видогост, милый, тебе уже лучше! Я здесь, я с тобой.

— Ты здесь... Но там тебя нет... Там только холод. Темнота. Я боюсь... Мне страшно, — Видогост дрожал от страха и плакал. — Не отдавай меня той холодной тьме... Пожалуйста! Мирина...

Видогост больше не дышал. На дворе была ночь, но её темнота даже частью не была похожа на ту тьму, что окутала сердце Мирины. Её любимый, с которым они прожили в счастье и согласии девятнадцать лет, был мёртв. Она не мыслила себя без него. Не знала как можно жить без его улыбки, его сильных рук, без его ласк и заботы. Её без него просто не было. Мирина повалилась на пол и завывала так, как даже дикие звери не воют в дремучем лесу. Пётр вскочил на ноги и с испугом вжался в стену, хватаясь за кинжал. Спавшие на верхнем ярусе дети повскакивали с коек и с топотом прибежали в комнатку. Испуганно заплакала маленькая Рада. С нижних ярусов прибежали стражники. Все с ужасом смотрели на Мирину. Теперь она не выла и не каталась по полу, а просто горько рыдала.

Харитон Волков привёл войско к Миргороду. Он возглавлял передовую рать. С ним были его собственные войска, усиленные несколькими отрядами из армии Всеслава. Сам государь с основными силами был в трёх днях пути позади. Предельный князь Солоплажа

осматривал город, разместившийся на месте слияния Лумы и Сувы. Крепостные стены производили впечатление своей мощью, штурмовать их будет сложно. Но Всеслав рассказал Харитону, что штурма не будет. Он тайно сговорился с миргородскими купцами о помощи. Их не устраивала политика раздора, которую вёл глава Дома Булатовых. Быть служилым торговым сословием в едином Рустовесском государстве, иметь возможность брать займы в Ссудной казне, нанимать готовых бойцов из Путевых отрядов, получать гарантированные заказы и не платить лишних податей, было для купцов слишком заманчивой перспективой, чтобы от неё отказываться. Поэтому Всеслав предупредил Харитона Волкова, что как только под стенами Миргорода окажется вся армия, то заговорщики просто откроют ворота и прикажут страже покинуть стены. Что же, хорошо если так.

Как только войско Харитона подошло к городу, можно было наблюдать дозорных на стенах, как они суетились и бегали по стенам, видимо исполняя поручения, передавая весть о том, что видны вражеские знамёна. Но по прошествии примерно часа предельный князь Солоплажа заметил странное. Движение на стенах прекратилось. Через какое-то время с них вообще пропали люди. За войском Харитона никто больше не наблюдал.

— Господин, смотрите! — находившийся рядом с князем урядник указал на городские ворота. Они со скрипом открывались.

— Сейчас нас попытаются атаковать, — произнёс Харитон. — К бою!

Войско, часть бойцов которого уже начала строить прямо на дороге укрепленный лагерь, слажено развернулось в боевые порядки. Князь с запасным конным отрядом занял холмик, прикрыв себя копейщиками и лучниками. Но из ворот никто не показывался. Не было слышно в городе ни шума труб, ни треска барабанов. Стояла гнетущая тишина. На стенах так же никого не было видно. Небольшая тучка закрыла солнце, бросив тень на город и стоявших под ним воинов. Потом вновь всё утонуло в ярком весеннем свете. Время шло. Из ворот так никто и не объявился.

— Что всё это значит? — спросил сам у себя Харитон Волков. Хотя ответ уже сам напрашивался. Похоже купцы приняли его войско за всю армию Всеслава и поспешили выполнить свою часть уговора.

— Я не знаю, что это значит, господин, — отозвался один из полковников. Всеслав строжайше запретил ставить в известность офицеров.

— Урядник! Возьми своих людей и проскачите вдоль стен. Загляните в ворота на сколько это возможно. Но в город не лезьте.

Офицер бросился исполнять приказ. Всё войско наблюдало за тем как сотня конников осторожно двигалась под стенами, держа их под прицелами своих луков и по возможности прикрываясь щитами. У ворот отряд ненадолго остановился и ратники посмотрели внутрь. Потом все вернулись обратно.

— Ну что там?

— Князь, на стенах пусто. За воротами тоже никого насколько можно видеть. Ни воинов, ни даже жителей не видно. Тишина стоит. Что будем делать?

Офицеры, едва ли не перебивая друг друга стали уговаривать Харитона отдать приказ. Ворота открыты, в городе нет войск, нельзя упускать такой шанс. Но князь думал. В Миргороде у Видогоста Булатова и Петра Строгова были ещё достаточные силы. И хоть в поле у них было мало надежды против Харитона, но в городе совсем другой разговор. Узкие улицы, дома. Там не развернёшься. Занять весь город не получится, он слишком большой, а у Харитона маловато сил. Войти и занять часть города? Тогда их можно будет окружить, тем

более, что Булатовы там у себя дома. Но и ждать три дня до прихода Всеслава нельзя. За это время купеческий заговор будет подавлен и ворота закроются, тут офицеры правы.

— Так, — сказал после раздумий предельный князь, — осторожно, без суеты входим в ворота. Впереди копейщики под прикрытием лучников. Конница замыкает. Выполнять!

Ратники двинулись в город. Они входили осторожно, проникая в ворота компактными группами, которые там уже разворачивались, прикрывая себя щитами и копьями. За ними входили лучники и брали под прицел все возможные направления. Отряд легковооружённых бойцов из племенного союза шумян занял укрепления над воротами. Постепенно всё войско Харитона Волкова оказалось в городе. На улицах было пусто и тихо. Лишь брехали потревоженные дворовые собаки. Сил было мало, поэтому ратники Волковых заняли кожевную, стекольную и гончарную слободы в северной части города, начав укрепляться в них. Продвигаться дальше было опасно. Тем более, что день уже клонился к закату.

Как и следовало полагать, город не вымер, люди просто попрятались. Когда ратники начали перегораживать улицы, образуя линию обороны, им стали попадаться местные жители. Некоторые выходили из домов и испуганно смотрели на то, чем занимаются пришельцы. Харитон собрал у себя слободских старост и разъяснил им, что он именем Всеслава Строгова, державного князя Рустовесского государства подавляет мятеж Дома Булатовых. Если жители не будут мешать, то им ничего не угрожает. Если они окажут поддержку, то благодарность государя будет безграничной. Это слегка успокоило кожевников, стекольщиков и гончаров. Когда стемнело, к Харитону явился старшина купеческих союзов. Он был весьма озадачен.

— А... Где государь Всеслав Строгов? — вопрошал купец. — Почему с вами такое маленькое войско?

— Государь вместе со своей армией прибудет позже.

— Но как же так?! С этими силами вы не возьмёте весь город. Вас просто выбьют отсюда.

— Если вы так переживаете, то зачем открыли ворота так рано?

— Мы думали что вы и есть вся армия. Передовой отряд. У вас же были все знамёна!

— Точно, — Харитон зажмурил глаза и провёл по лбу пальцами. В его воинстве есть несколько отрядов под серебряной звездой Дома Строговых. — Мы и есть передовые силы, но государь будет позже. Может поможете нам?

— У нас слишком мало сил, чтобы бросать вызов Булатовым. К тому же это не входило в условия договора. Мы должны были открыть ворота, мы их открыли. Хорошо хоть Видогост мёртв, иначе бы вас уже штурмовали!

— Подожди, — перебил купца князь Волков, — что ты сказал? Видогост мёртв? Но как так вышло?

— Он ходил в рейд и был ранен в схватке. Его рана воспалилась и сгноила кровь. Предельный князь умер прошлой ночью.

— А его наследник?

— Мирина обезумела от горя. Мешает Игнату управлять. Но это ненадолго.

Разговор шёл ещё некоторое время. Никакой военной поддержки от купцов Харитон не добился, но те пообещали доставить его ратникам съестные припасы. Тоже немало.

— Перегораживайте улицы, — обратился Харитон к офицерам. — Утром нас наверняка попытаются выбить, здесь он прав. Пошлите отряд снять ворота. Город должен быть открыт в любом случае.

— Но ворота и так открыты, — возразил кто-то. — Зачем рисковать людьми?

— Пусть снимут их вовсе. С петель. Даже если Булатовы займут стены, у них не должно быть возможности закрыть город. И самое главное. Пошлите гонцов к Всеславу. Державный князь должен быть здесь как можно скорее.

Облачённый в погребальные берестяные доспехи Видогост Булатов лежал на столе, сжимая холодными руками деревянный меч. Его убитая горем жена стояла рядом, обнимая покойника. От постоянных слёз белки её глаз покраснели и на фоне чёрных кругов и морщин выглядели ужасающе. В комнатке витал смрадный запах гниения, но Мирина его не замечала. Здесь же стояли её дети и брат со своей женой. Вера была в ужасе и буквально пряталась за Петром. Все молчали. Восемнадцатилетний Игнат Булатов, старший сын Мирины и Видогоста то и дело порывался заговорить с матерью, указывая на то, что ему нужно брать в свои руки власть. Но на любую попытку заговорить с ней Мирина отвечала криком, порицая своего первенца за отсутствие любви и уважения к покойному отцу. С момента смерти Видогоста прошли уже сутки. На дворе вновь была ночь, но в мрачной башне никто не спал. Все скорбели по умершему.

Снизу донёсся шум разговора. Пришедший что-то грубо доказывал охранявшим башню стражникам. Пётр узнал голос своего воеводы, Корнила Шахова. Мелькнула надежда, что тот хотя бы на время сможет вытащить своего господина из этой комнатки, в которой он был вынужден лицезреть ужасающую картину того, как изводит себя его родная сестра, стена над трупом любимого человека. Наконец, перепелка внизу утихла и стали слышны шаги, поднимавшегося по винтовой лестнице человека. В комнатку осторожно вошёл воевода. Он поклонился Мирине и стараясь не шуметь, подошёл к Петру. Весть принесённая им была ужасна. Днём в город вошёл крупный отряд державной армии. Лишённые командования офицеры стали роптать. Многие из них бежали из города. Началось дезертирство из рядов войска и стражей. Нужно было что-то предпринимать, иначе к середине следующего дня уже некому будет оборонять не то, что город, но и резиденцию с башней. Всё это Корнил Шахов повторил Игнату. Тот вздохнул, собираясь с духом.

— Мама, — осторожно произнёс наследник Видогоста. — Мама, ты слышишь меня? Мать! В городе враг, мне и Петру нужно срочно уходить собирать войско.

— Как ты можешь думать о чём-то другом, когда твой отец лежит здесь мёртвый? Ты лучше бы проявил почтение! Твой отец был ещё так молод, а теперь он мёртв...

— Мать, ратники Всеслава заняли северную часть города.

— Что? — Мирина будто только сейчас поняла смысл сказанных сыном слов. Она перестала плакать, но слёзы продолжали катиться по её бледным щекам. Она подняла измученные глаза на своих сыновей и Петра. — Армия Всеслава уже в северной части города? Почему вы ещё здесь?! Видогост мёртв и не осталось у меня защитника... Вы готовы отдать родную мать на поругание проклятым врагам?! Ступайте и принесите мне голову Всеслава! Без победы не являйтесь.

Мирина благословила Игната и Петра на битву. «Мы тоже пойдём в бой», — в один голос произнесли братья-близнецы Павел и Стоум. Им было уже шестнадцать. Видогост всегда говорил, что из них выросли хорошие бойцы. Мирина благословила их тоже. Мужчины ушли, а женщины остались в башне. Воспользовавшись моментом, Вера и дочери Мирины прокрались на верхний ярус и легли спать. Сама же хозяйка Миргорода осталась с

мужем.

Остаток ночи ушёл на приведение войска к готовности. Всех сил, что удалось собрать, вместе с остатками дружины Петра оставалось около трёх тысяч бойцов. Это очень много по нынешним временам. Ратников вполне хватило бы для обороны городских стен. Но хватит ли сил, чтобы выбить из города передовые отряды армии Всеслава? В любом случае когда враг перешагнул твои стены, выбора нет. Только в бой.

Утреннее солнце осветило стольный город Крайнестьчья. Его появление означало, что наступил решающий момент. Ратники враждебных сторон приготовились к битве. Остальные жители попрятались, вмешиваться в разборки князей, которые уже столько лет делят не понятно что, им не хотелось. Над Миргородом повисла тяжёлая тишина. Примерно в седьмом часу утра она была нарушена поступью княжеской рати Дома Булатовых. Вели её сыновья Видогоста. Рядом двигалась дружина Петра Строгова, во главе которой шёл он сам и его воевода Корнил Шахов.

Как и сообщали посланные на разведку мальчишки, улицы вдоль слободских границ были перекопаны. Канавы не были глубокими, но исключали возможность конного натиска и нападения плотным строем. Поверх отвалов были нагромождения брёвен, бочек, снятых заборов и разного хлама. Пётр Строгов заметил даже створки ворот. На заграждениях держали строй копейщики, за которыми стояли лучники. Отсюда не было видно, но наверняка позади них были в запасе мечники, собранные там на случай прорыва основной линии обороны. На фоне утреннего неба колыхались знамёна Волковых, Строговых и племенного союза шумян. Пётр с Игнатом переглянулись, кивнули друг другу и повели воинов на штурм.

Засвистели стрелы. Но державные лучники били не залпами, как во время полевых сражений, а пускали оперённую смерть точно. Никто не знал, когда нужно прикрываться щитом. За каждой смерть приходила отдельно. Остановить натиск защитников Миргорода таким способом было нельзя, но потери они несли серьёзные. Пока добрались до заграждений, на землю пали десятки убитых и раненых. Плевать, строй и так потерян. Пётр приказал двигаться бегом. Его примеру последовал Игнат Булатов. Это позволило ратникам быстро добраться до заграждений и начать карабкаться вверх. Не такие уж они были и высокие, но наверху их уже встречали копейщики, дружно коловшие нападавших. Лучники не прекращали свою работу. Державные ратники стойко держались на гребне завалов, битва здесь превратилась в кровавое топтание на месте. Из-за узости пространства сражаться могли только стоявшие в первых рядах. Они кололи друг друга копьями, рубили мечами и топорами, падали под ноги своих товарищей, уступая место новым бойцам. Ров заполнялся телами убитых, шло истребление людей. Оборонявшиеся не могли отбросить нападавших. Нападавшие не могли отеснить оборонявшихся или прорвать их ряды. Убитых становилось всё больше и больше. Казалось, что в этой свалке победит лишь тот, кто вывел на эти улицы больше людей. Чьи ряды растают позже, чем ряды врага.

Игнат Булатов и Пётр Строгов пошли в самую гущу кровавой схватки, чтобы ободрить бойцов своим присутствием. По команде Корнила Шахова на приступ заграждений бросили новую сотню ратников. Страшный водоворот убийства затянул в себя ещё людей, чтобы вскоре они посыпались на землю горами истерзанных сталью покойников. Но неожиданно натиск возымел успех. Ряды державных копейщиков прогнулись и треснули прямо посередине. В образовавшуюся брешь с радостными криками бросились ратники Булатовых и дружинники Петра. Князя с боевым кличем последовали за своими людьми. Но

неожиданно проломившаяся стена копейщиков вновь сомкнулась, хоть и не без труда преодолев сопротивление рвущегося в брешь врага. Пётр Строгов оказался лицом к лицу с ратником Волковых. Ударил его мечом по голове. Но лезвие скользнуло по шлему и лишь оглушило бойца. В этот момент кто-то ударил Петра в бок копьем. Острие пробило кольчугу и вошло в плоть примерно на треть. Знакомое ощущение боли добавило ярости и Пётр вновь полез в самую гущу боя.

Прорвавшиеся за строй волковских копейщиков бойцы, наткнулись на точно такую же стену щитов и копий. Только над теми был стяг державного Дома. Кольцо окружения замкнулось. С флангов, там где загодя были проделаны проходы в заборах на них обрушились мечники. Их удар дополнялся дождём дротиков, которые метко бросали лёгкие пехотинцы племенного союза шумян. Когда истребление окружённых было окончено, державшие натиск копейщики вновь поддались удару и пропустили новую группу вражеских ратников. Их постигла та же участь. Войско Харитона Волкова, будто большими стальными челюстями откусывало куски от рати защитников Миргорода, безжалостно разжёвывало их и выплёвывало на землю грудями убитых. Затем насытившись, отрывало новые куски и также нещадно уничтожало.

Пётр Строгов попытался остановить ратников, вновь бросившихся в брешь. Но ни крики, ни приказы, ничто не могло их образумить. Воины словно обезумели и сами бросались навстречу своей смерти. Уже несколько ран было на теле князя, но он не покидал поле сражения. Наконец, ещё один удар рассёк ему плечо. Князь стал терять сознание и упал на спину. Последнее, что он запомнил, это были подхватившие его руки и мелькавшие головы, спины и ноги сражавшихся людей.

Он с трудом смог открыть глаза и тут же зажмурился от боли. Превозмогая себя Пётр всё же осмотрелся. Кольчуги на нём уже не было, её кто-то снял. Тело покрывало множество ран и порезов, очень неумело перевязанных. Некоторые продолжали кровоточить. Прямо перед собой он увидел лицо жены и улыбнулся ей. Позади Веры стоял стол, на котором лежало одетое в берестяные доспехи тело, покойника обнимала женщина. Он в башне, его принесли в башню, понял Пётр.

— Очнулся? — над Петром склонился Корнил Шахов.

— Ага, — кивнула Вера.

— Давно я здесь? — спросил Пётр.

— Нет. Полчаса где-то. Битва проиграна, нам пришлось отступить.

— Помогите мне встать.

При помощи Корнила и Веры Пётр поднялся на ноги. Голова нестерпимо закружилась, а к горлу подступила тошнота. Около стола лежали два тела. Князь узнал их, это был Игнат Булатов и его брат Павел. Второй близнец, Стоум, стоял рядом, опустив голову. Как же теперь Мирина? Муж, два сына... Пётр ещё раз осмотрел свои ранения и внезапное понимание поразило разум. Мирина... А как теперь будут Вера с их дочерью Радой? В сражении со сваяльцами, когда Пётр со своим отрядом помогали Хотену Юрьеву защитить столицу Крайнесточья, ему тоже нанесли множество ран. Но они не были так глубоки как эти. Тогда ему оказали помощь лучшие лекари, а сейчас, судя по этим неумелым повязкам, в городе не осталось нормального знахаря. И эта боль, ужасная боль, от которой рябит в глазах.

Пётр собрал усилием воли свои последние силы. Приказал вывести его из комнатки. Около винтовой лестницы, он обратился к жене:

— Вера, любовь моя. Битва проиграна, мы потеряли город и войско. Пока ещё не поздно, вы с Корнилом отправитесь к пристани.

— А ты? — испуганно воскликнула Вера.

— Вы меня подождёте там. И я приду. Нам нельзя уходить вместе, чтобы нас не заподозрили. Я приду через час примерно. И мы сбежим из Рустовесья куда-нибудь в Южные земли, где не бывает снега. Или наоборот, на Холодный камень. Ты поняла меня? Иди заberi Раду и уходите. Я за вами.

Когда Вера ушла на верхний ярус за дочерью, Пётр Строгов внимательно посмотрел в глаза своего воеводы. Они поняли друг друга без слов. Князь обнял Корнила Шахова. Тот постарался удержать расстояние, но Пётр прижался очень крепко, не боясь повредить раны.

— Плевать уже, — горько улыбнулся он. — Обещай мне одно, Корнил. Обещай, что защитишь мою жену и дочь.

— Да, государь, — ответил Шахов. — Я всё сделаю. Они будут в безопасности.

— Ты верный друг, Корнил. Я горд, что ты был со мной рядом. Спасибо тебе. И прости, что не смог победить. Я подвёл всех кто мне верил.

— Не переживай, Пётр, сын Лесьяра! Для меня была великая честь служить тебе.

Когда Вера с дочерью спустились, Пётр лишь кивнул им головой и медленно пошёл в комнатку. Пусть думает, что они скоро увидятся. Прощания с ними он бы не выдержал. К тому же, знай Вера правду, она бы не ушла. Корнил Шахов надёжный человек, он выполнит последнюю волю своего господина. Пётр лёг у стенки и уставился в потолок. Все эти передвижения и разговоры отняли последние силы. Раны открылись и кровь обильно текла из них. А вместе с ней утекала жизнь. Петру было не жаль себя. Он жалел о своей глупости. Жалел о том, что не пошёл и не сдался Всеславу. Ведь брат бы его помиловал. Иначе и быть не могло. Но Пётр решил сражаться. Глупец. Ведь братья всегда превосходили его и умом, и доблестью, и хитростью, и решительностью. Да всем! И вот теперь закономерный итог: Всеслав Строгов правитель всего государства, держит под рукой многотысячную армию и богатую казну. А он, Пётр лежит на полу в башне рядом со своей обезумевшей сестрой, её погибшим мужем, сыновьями, напуганными дочерьми и жизнь вытекает из него вместе с кровью. О себе не жалел младший сын Лесьяра. Он жалел о тех людях, что пошли за ним, поверили ему и напрасно погибли. Жалел свою жену Веру, которую он клялся защищать и любить, а сам передал на поруки другому мужчине. Жалел о маленькой дочери, которой этот мужчина теперь будет отцом. Благодарил Корнила Шахова. И посреди этих горьких мыслей возникла одна светлая. Его друг Егор Михайлов жив. Он правильно сделал, что ушёл той ночью из военного лагеря. Пётр ненавидел его за предательство. Но предательство ли это? Егор не погиб в сегодняшней ужасной схватке в гончарной слободе. Он не умирает на грязном полу от ран, забытый всеми и никому не нужный. Егор Михайлов будет жить. «Я прощаю тебя, Егор! — думал Пётр. — И вы простите меня все. Вера, Рада, Корнил, Егор Всеслав, Лютогост, Мирина. Простите меня те тысячи ратников, что пали по моей вине в больших и малых сечах. Все жители Рустовесской земли. Простите меня, что не смог стать вам хорошим правителем...» Мирина опустилась на колени перед лежащим у стены младшим братом и обняла его холодное тело.

Корнил Шахов и Вера Строгова с дочерью осторожно шли по пустым улицам, пробираясь в сторону городских ворот. Они заглянули в заваленную ранеными и мёртвыми

резиденцию и забрали деньги Петра. Двадцать две золотые калисты, пятьдесят три серебряные улы и четыре пригоршни медных рез. Это было меньше, чем рассчитывал Корнил, но тоже неплохо. Вера продолжала без устали щебетать о том, где именно они подождут Петра и куда отправятся. Дура. Была бы повнимательнее, поняла бы, что муж её одной ногой на погребальном костре. Шахов знал это наверняка, за свою жизнь предостаточно насмотрелся на умирающих. Это означало, что Корнилу нужно бежать куда подальше и прятаться. И здесь Вера с Радой ему только помешают. Что полезного можно получить с жены покойного изгнанника? Корнилу нравилось предаваться с Верой распутству, когда в любой момент их связь могла быть раскрыта. Стоять рядом с Петром и вспоминать как драл его жену было очень весело. Привносило в жизнь остроту и разнообразие. А сейчас? Никакого интереса. Более того, имея на руках такую обузу далеко не уйдёшь. Но и бросать их было неинтересно. Попадёт Вера в лапы Всеслава, напоёт ему всякого. Зачем это надо? К тому же у Корнила давно назревал личный счёт к Петру Строгову. Будь он поумнее, сидел бы сейчас в Древгороде и правил оттуда страной. А при нём и Корнил бы достиг величия и славы. Но нет, не смог Пётр удержать трон. Не стал Шахов из-за тупости своего господина влиятельным человеком. Да ещё и умирая, потребовал от него заботиться о его жене и дочери. Сам о них заботься!

— Если битва проиграна, — спросила Вера, — то почему Всеслав не займёт весь город?

— Потому что Всеслава в городе нет. Здесь только передовое войско Харитона Волкова. А у него сил недостаточно. Нужно уходить, пока вся армия сюда не явилась, — Шахов достал саблю.

— Это зачем?

— Опасное место. Вдруг кто нападёт.

— А... Ну да.

Вера пошла дальше, придерживая за ручку Раду, которая шла первой. Корнил немного отстал. Ладонь воеводы твёрдо легла Вере на плечо. Она хотела повернуться, но он держал её очень крепко. Потом резко дёрнул на себя и Вера почувствовала страшную боль между лопаток. Звук разрезаемой плоти и из груди её вылезло окровавленное сабельное лезвие. Женщина повалилась на землю и громко закричала из последних сил. Рада не успела испугаться, Корнил Шахов зарубил её одним ударом. В левую ногу его, поверх сапога будто вонзили топор, так было больно. «Что ещё за?!» — Шахов повернулся, таща за собой Веру. Женщина вцепилась ему в ногу зубами и ногтями и рвала ими мясо вместе с ключьями штанов. Ещё несколько раз рубанув саблей, он стряхнул со своей ноги убитую и, хромя, стал уходить. Потом задумался и вернулся обратно. Когда Шахов покинул место убийства, там остались трупы женщины и её маленькой дочери. Свои отрубленные головы Вера и Рада держали в руках.

Вечером того же дня в Миргород вошла армия Всеслава Строгова. Выслушав рассказ Харитона Волкова, государь лично отправился к резиденции, около которой в башне заперлась Мирина и её дети. Сил теперь хватало с избытком и город был полностью занят. Подъехав поближе к башне, Всеслав громогласно крикнул:

— Мирина! Война окончена! Все, кто покинет эту твердыню, будут помилованы! Выходите, иначе я сожгу башню. Выбирай!

Услышав голос брата, княгиня Булатова посмотрела на детей. Они смиренно стояли и

ожидали своей участи. Лишь Стоум гордо поднял голову. По винтовой лестнице послышались шаги. В комнатку вошёл старшина, командовавший стражниками, оборонявшими башню.

— Старшина, — не дожидаясь вопроса заговорила Мирина, — ты со своими людьми можешь уйти. Твоя война закончилась. Но мы не можем сдаться. Уходите, мы не будем считать это изменой.

— Госпожа... Я благодарю Вас. Мы все благодарим Вас за великодушие.

Мирина поднялась на верхний ярус и смотрела в бойницу как полтора десятка стражников покинули укрепление. Видела как у них забрали оружие и подвели к Всеславу. Он что-то спросил у стражников, они ответили. Видогост, почему ты не убил Всеслава, когда была такая возможность?! Будь ты проклят, брат... Мирина вернулась в комнатку.

— Дети... Мроз и Килма пришли за нами. Мы, потомки Большого Дома Булатовых проиграли войну со злом. Ваш отец, ваш дядя и ваши братья погибли, сражаясь. Но зло оказалось сильнее. Оно пришло за нами, чтобы забрать наши души. Вон там, — она указала в сторону откуда доносился голос Всеслава, — стоит живое воплощение Хлада. Оно заберёт нас. Но мы не позволим этому случиться. Мы спрячемся от Хлада в огне и он не сможет забрать наши души. Покажем врагу, что Булатовых можно уничтожить, но нельзя победить! — в руке Мирины блеснул кинжал.

Всеслав слез с коня и посмотрел на башню. Уже стемнело и её очертания стали сливаться с мраком ночи. Время шло. Кроме стражников никто покидать укрепление не собирался. К Всеславу подошёл Лютогост. Чуть позже появились Харитон Волков и князь Озеров.

— Ну и что будем делать? — спросил брат.

— Ну а что делать? — Всеслав пожал плечами. — Не хочет наша сестра выходить. А вытаскивать её силой смысла нет. Лучники!

Стоявшие неподалёку стрелки подожгли пакли на стрелах и принялись пускать их в башню. Через какое-то время она была покрыта горящими пятнами. Некоторые стрелы залетали в бойницы. Харитон Волков с ужасом смотрел на своего повелителя.

— Зачем так? — спросил он.

— Я тоже не понимаю, зачем строить башню на пустом месте. Она должна быть частью стен.

— Да я не об этом! Там же твоя сестра и твои племянники.

— Они ведь не стали выходить, хоть я и предложил...

В комнатке наверху башни лежали тела Видогоста, Петра Строгова, Игната Булатова. Мирина своей рукой убила остальных детей: Лайну, Харитона, Софью и Ладу. Стоум, будучи уже взрослым, убил себя без помощи матери. Мирина села на пол возле трупов, сжимая в руках скользкий от крови кинжал и некоторое время слушала как трещит охватывающее башню пламя. Всё-таки Всеслав выполнил своё обещание. «Я проклинаю тебя, брат! Проклинаю тебя и твою семью, твой Дом и страну, которой ты правишь!» — выкрикнула Мирина и пронзила себе сердце.

Половина города была освещена горячей башней, ставшей громадным погребальным костром для Дома Булатовых и Петра Строгова. Жители с ужасом наблюдали за тем как он полыхает. В нескольких местах загорелись дома, на которые снесло искры, но ратники державной армии быстро их потушили.

— Ну вот и всё, — сказал Всеслав. — Война окончена, все враги повержены.

— Да уж... — Харитон Волков находился под сильнейшим впечатлением от того, что видел. Державный князь впервые предстал перед ним в образе жестокого расчётливого человека, который не пощадил даже родную сестру и племянников, спалив их без всякой на то надобности.

— Война окончена, — повторил Всеслав, — а это означает, что нам с тобой нужно решить один очень важный вопрос, Харитон.

— Какой? — князь Волков не мог отвести взгляд от огня.

— Ты верой и правдой служил мне. Ты и твой отец делом доказали свою преданность государству. Поэтому твой Дом займёт важнейшее место в деле военного и мирного управления Рустовесской землёй. Я гарантирую тебе это.

— Что ты мне гарантируешь? — возмутился Харитон Волков. — Я предельный князь!

— Послушай, время предельных князей безвозвратно ушло. Но мне и стране всегда будут нужны полководцы в армию, наместники в города и земли. Дом Волковых должен продолжать служение. Ты должен согласиться, иначе...

— Иначе уничтожишь меня? — Харитон шарахнулся в сторону и выхватил меч. — Сожжёшь моих родных в башне?

— Иначе Волковы не смогут служить государству в новой мирной жизни, — закончил мысль Всеслав. — Убери меч, зачем он тебе?

— Он мне затем, чтобы сражаться! Хочешь забрать престол моих предков? Попробуй. Я объявляю тебе войну!

— Стоявшие вперемежку ратники Строговых и Волковых схватились за оружие.

— Уберите мечи! — приказал Всеслав. Но послушались его только ратники его армии и бойцы Гвардии Единого.

— Я заметил, ты любишь предоставлять выбор, государь. Я тоже даю тебе выбор. У тебя сутки, чтобы изменить решение, иначе война. Любого, кто сунется в расположение моего войска я убью лично!

Харитон Волков, окружённый своими ратниками быстро удалился в темноту, в северную часть города, где укрепились войско его Дома. Горящая башня накренилась и стала осыпаться.

Всеслав Строгов ходил взад-вперёд в тронном зале резиденции Булатовых. Лютогост угрюмо наблюдал за братом, сидя на престоле. Он всегда восхищался молодым предельным князем Солоплажа и возможность военного столкновения сильно его печалила. Какой приказ отдаст Всеслав? Что он надумает?

Всеслав напряжённо думал. С одной стороны, он готовился к разговору с Харитоном уже давно. Но сейчас он допустил ошибку, затеяв беседу, когда тот был под впечатлением от случившихся событий. Это нужно было предвидеть. Самому Всеславу было тошно от того, что он сжёг башню с Мириной и племянниками, что уж говорить о молодом князе. Что касается Мирины, то выбора не было. Врага нужно уничтожать беспощадно, не считаясь при этом с родственными связями. Булатовы показали себя как непримиримые враги, значит судьба их была предрешена. Но как быть с Харитоном Волковым? Он последний предельный князь Рустовесской земли, который имеет собственное войско. Предложенные условия перехода на службу ему не нравятся. Харитон хочет сохранить и земли и рать. Объявил войну и выставил условия. Это прямой мятеж и лучшего повода уничтожить строптивного

князя не придумать, хоть сам он и вызывает симпатию. Но уничтожить его сейчас не получится. Только что одержана победа, главная заслуга в достижении которой принадлежит молодому Волкову. Ратники не пойдут убивать союзников. И как быть? А ведь ещё нужно усмирять сваяльцев. После предельных князей, они последние, кто не признаёт над собой власть Древгорода. Последняя вольница. Если у тебя есть две проблемы, которые решить в одиночку очень сложно, то эти проблемы могут решить сами себя! Главное, свести их вместе. В тронный зал буквально вбежал Волк Озеров:

— Всеслав, у нас мятеж!

— Знаю, как раз думаю, что делать.

— Нет, ты не понял. Гвардия отказывается исполнять приказы. Требуют тебя к себе!

— Да чтобы их!

Гвардия расположилась в бывших казармах Железного войска Булатовых. Всеслав Строгов пришёл вместе с Лютогостом и своими телохранителями. Гвардейцы почтительно приветствовали державного князя. Это было хорошим знаком. Когда он поинтересовался в чём дело, они зашумели и стали кричать каждый что-то своё. Странное дело, обученные искусству слаженных действий бойцы, вели себя как толпа склочных баб. Всеслав поднял руку и дождался пока галдёж смолкнет.

— А теперь кто-то один, — сказал князь. — в чём дело? Почему вы отказываетесь выполнять приказы начальника?

— Государь, — вперёд вышел самый старший из гвардейцев, — сегодня ты сказал, что война окончена. И раз она окончена в твоей земле, мы должны начать поход на запад. Там много стран, где не ведают Элая. И мы должны принести им свет истины. Вспомни, что когда мы только прибыли, ты обещал после победы в Рустовесье, начать поход в другие страны. Или сожитительство с языческими любовницами для тебя важнее служения Элаю?

Слухи, слухи, слухи. Шила в мешке не утаишь, любовницу тоже не спрячешь. Так или иначе, но про Агату Лоскутову было известно всем. С той лишь разницей, что бойцам армии не было особого дела с кем изменяет своей жене Всеслав. Для фанатично верующих в Элая гвардейцев, это имело очень важное значение. Разврат вне брака очень порицался, тем более если речь шла о женщине иной веры. Итак, третья проблема — Гвардия Элая. Они мечтают о завоевательных походах, мирная жизнь им не нужна, спокойно восстанавливать государство после многолетней кровавой смуты гвардейцы не дадут. Если соединить все три проблемы, то они уничтожат сами себя. По крайней мере надо попытаться.

— Я поведу вас в другие страны, как только мы закончим наши дела в Крайнесточье. Но вы, доблестные ратники, забыли кое о чём. Остался один племенной союз, который не принял единого бога. Сваяльцы не признают Элая, они поклоняются лешему. Разве можно оставить их здесь, а самим уходить на запад? Вы поможете мне разгромить сваяльцев?

Старший гвардеец стал оглядываться на своих товарищей. Те, подумав немного, стали кивать в знак одобрения.

— Да, господин, — сказал гвардеец, — мы поможем тебе одолеть сваяльцев. Но не вздумай обмануть нас! Наш гнев и гнев Элая сметёт твою власть с лица земли.

Ранним утром стоявшие в карауле ратники Волковых увидели, что на пустынной улице появились три человека. Это были Всеслав Строгов, его походный прислужник и писарь, в котором признали Мишу Воробья. Приблизившись к передовым заграждениям на расстояние

полёта стрелы, державный князь остановился. Нарочито медленно снял с себя шлем, доспехи, кольчугу, пояс с ножнами, он передал их прислужнику. Оставшись совершенно безоружным, он направился ко рву, перегораживающему улицу. Следы вчерашней битвы в виде множества трупов, торчавших из земли стрел и валявшегося оружия, оставались нетронуты.

— Боишься? — спросил Всеслав у Миши.

— Боюсь, государь, — честно признался тот.

— Не волнуйся, я же ведь буду говорить. А ты делай что должен, запоминай.

Когда они подошли ко рву, их взяли на прицел лучники.

— Стойте! Князь велел убивать любого, кто приблизится.

— Убьёте безоружных? К тому же я не любой, я ваш государь. Я пришёл поговорить с князем Волковым.

Всеслава и Мишу проводили к Харитону, который занял один из домиков в центре гончарной слободы. Молодой предельный князь выглядел крайне уставшим, было видно, что он не спал уже несколько дней. Видимо, эта ночь тоже не принесла ему покоя. Харитон пригласил Всеслава сесть за стол, напротив себя.

— Ты со своим вечным спутником? — улыбнулся предельный князь.

— Да, Миша талантливый хронист. Книга которую он пишет о наших трудных временах, достойна всяческого внимания.

— Я же дал тебе сутки на ответ. Почему ты пришёл заранее, уже есть что мне предложить?

— Для начала мне есть, что рассказать тебе, Харитон. Если через два часа я не вернусь к своей армии, то она возьмёт твои укрепления штурмом и перебьёт всех.

— Угрожаешь, государь? Пришёл сюда один, без оружия и угрожаешь мне, — усмехнулся Харитон. — Я сделаю тебя заложником и заставлю выполнить свои требования.

— Нет, я не угрожаю. И если ты пленишь меня, это никак не поможет. Штурм начнётся в любом случае. Но моё убийство тебе не поможет.

— Не боишься умирать? — Харитон в очередной раз поразился хладнокровию державного князя.

— Боюсь, конечно. Но у меня есть наследник, полководцы. Моё дело не пропадёт. А вот ты, убив меня, станешь мятежником и преступником. За мятеж и преступления тебя ждёт смерть в любом случае. Ты ведь единственный наследник своего отца, не женат, детей у тебя нет. Оставшиеся твои родственники слишком слабы и малочисленны, чтобы взять под свою руку Солоплаж. Погубишь свой Дом. И всё твоё войско погибнет. Но довольно о плохом. Ты хочешь быть предельным князем? Будь им!

— То есть? — Харитон очень удивился. После услышанных угроз, не предвещавших ничего хорошего, такой поворот беседы был совершенно неожиданным. Задумка Всеслава сработала, молодой князь проглотил наживку. Показав непреодолимую проблему, он предложил её решение.

— То и есть. Мы же союзники. К чему нам так глупо ссориться? Ты хочешь сохранить вольности своих предков, это естественно. Я подумал и решил, что твои требования справедливы. Солоплаж и все права на него Дома Волковых оспариваться не будут.

— Я рад, государь, что ты решил именно так.

— Но нам нужно решить одну проблему. Если так, то ты должен мне десять тысяч золотых калист и двадцать тысяч серебряных ул в счёт налогов и снабжения.

— Сколько?! Но... За какое такое снабжение? Когда князь сражается за своего государя, он исполняет долг и его питание забота господина.

— Это когда князь на службе в армии. Тогда ему достаточно лишь служить, а вооружение и кормёжка ложатся на государство. Но если князь вольный, он снабжает своих людей сам. Так что ты должен мне десять тысяч золотом и двадцать тысяч серебром.

— У меня нет таких денег, — отрезал Харитон.

— Не беда. Верни долг по другому. Усмири племенной союз сваяльцев и мы в расчёте. А я обязуюсь снабдить твоё войско провизией и оружием.

— Моих собственных сил может не хватить.

— Я дам тебе под командование Гвардию Единого. Ещё усилим тебя разбойниками.

— Разбойники не воины, а просто мусор, — заметил Харитон.

— Сваяльцев нужно жестоко покарать. И для этого разбойники вполне сгодятся.

— Значит, если я покараю сваяльцев, то ты простишь мой долг и позволишь спокойно править Солоплажем?

— Именно. Подчиним Крайнесточье, осень проведём в Древгороде, а зимой отправимся в поход. Ведь с запада нам ничто не угрожает больше. Вечерние короли заняты катхорами, в киврийских землях правит наш союзник, твой старый знакомый Вендель. Разгром сваяльцев в твоих собственных интересах в том числе. Потом вернёшься в Удольчин, женишься, детей нарожаешь, будешь править спокойно. Ну что, каков твой ответ?

Харитон некоторое время думал.

— Да, я согласен.

— Тогда пойдём, покажемся нашим ратникам!

Когда они выходили из домика, Всеслав шепнул на ухо Мише Воробью: «В книге укажешь, что предельный князь Харитон сам попросился возглавить поход на сваяльцев». Хронист понимающе кивнул. Когда князя поднялись на заграждения, наблюдавшие за ними воины Строговых и Волковых радостно закричали. Если, князя мирятся, значит простые воины убивать друг друга не будут. Всеслав и Харитон обнялись.

— Кстати, — сказал молодой Волков, — мои люди поймали Корнила Шахова. Он пытался из города удрать.

— Корнила Шахова? Нужно срочно отправить его в темницу под охрану. И Лютогосту пока не говори ничего. Я ему сам скажу.

Арестант сидел на полу в своей маленькой камере и с демонстративным пренебрежением посматривал через решётки на пришедших. Лютогост сжимал руками стальные прутья так, что костяшки пальцев побелели. Всеслав стоял позади брата.

— Зачем ты убил мою жену и моих сыновей?! — выкрикнул Лютогост. — Или будешь утверждать, что это не ты?

— Я убил не твою жену, я убил свою любовницу, — лениво ответил Корнил Шахов, ковыряя соломинкой грязь под ногтями. — А ты что же, не знал? — усмехнулся он. — Она и не считала тебя своей женой, Элли любила меня. Кстати, она родила мне дочку. Впрочем, ты наверняка и так знаешь. Кстати, твои сыновья тоже меня уважали.

— Зачем ты убил их?! Зачем ты убил её?

— Просто они стали мне мешать, — ответил Шахов с такой лёгкостью, будто говорил о пыли, которую смахнул с сапога.

— Ты так запросто говоришь об убийстве женщины и детей?

— Поверь, Лютогост, убивать женщин и детей не сложнее, чем мужчин. Забавно.

— Ты убил их ради забавы?

— Я убил их потому, что они мне мешались, я же сказал. Забавно вот что. Я вас обоих хорошо помню. Державный князь, его прославленный брат, воевода Старшей дружины. В походах вас часто видел. В Древгороде доводилось. А вы меня не помните. Просто не обращали на меня внимания. А вон как вышло. Я спал с твоей женой. Она говорила, что любит меня, а не тебя. Родила от меня дочь. А я убил её и ещё твоих сыновей в придачу. И вот теперь вы мной интересуетесь, разговариваете со мной наедине. Во как!

— Вера Строгова и её дочь, — вмешался в разговор Всеслав, видя что Лютогост сейчас выйдет из себя окончательно, — ты убил их?

— Нет.

— На твоей сабле кровь.

— Ха-ха-ха, государь! А на чьих саблях сейчас нет крови? Я их не трогал.

— Элли и её сыновья держали в руках свои отрубленные головы. Веру и Раду нашли в таком же виде.

— Аааа, точно! — Шахов шлёпнул себя ладонью по лбу и усмехнулся. — Не смог удержаться. Да, их тоже убил я. Вера тоже была моей любовницей. Правда она ко мне в постель ложилась не так охотно, как Элли и никогда не говорила, что любит меня. Но тем не менее с Верой я тоже спал.

— А зачем убил её?

— Вера и её дочь стали мне обузой. Как Элли.

— Зачем отрубать головы и класть их в руки?

— Ты правда не понимаешь, государь? Это же так смешно. Лежит труп и держит свою собственную голову в руках! — Корнил Шахов залился таким жутким смехом, что Всеславу стало не по себе.

— Поединок!!! — прокричал Лютогост. — Я вызываю тебя на смертельный поединок!

— Не буду я с тобой драться, — лениво отмахнулся Корнил Шахов.

— Почему?

— Просто не хочу. Отрубите мне голову и закончим на этом. Хочешь отомстить, отруби мне голову сам.

— Я воин, а не палач. Мы будем драться.

— Не будем. Мне это не интересно.

Всеслав взял брата под руку и оттащил его в сторону.

— Лютогост, что ты привязался к нему с поединком? Давай просто казним его. Самым ужасным способом. Каким хочешь. Можно дождаться зимы и пусть он отведаёт «Поцелуй Килмы». Зачем тебе драться с ним? Дашь ему в руки оружие и он получит шанс. Твоей жене и сыновьям он шанса не давал. Мне не нужно, чтобы ты рисковал так глупо.

— Тебе не нужно, опять ты решаешь как быть. Напомню тебе, что если бы мы не повезли твою поблядушку в Вешневодье, моя жена и дети были бы живы. Но ты хотел, чтобы Пётр ушёл. Тебе так было нужно. Я хочу отомстить за своих родных. И за твоих, кстати, тоже. Мне нужен бой.

— А ему не нужен.

— Не лезь! Это не твоё дело.

Лютогост опять подошёл к решётке и, вцепившись в неё пальцами, стал трясти. Но

строители заключевницы поработали на славу, прутья сидели прочно и она не гремела и не тряслась, раскачивался лишь сам Лютогост.

— Почему ты не хочешь драться со мной, боишься?

— Нет, — ответил Шахов, — просто не хочу. Зачем мне это? Что мне даст этот бой, кроме того, что ты потешишь своё самолюбие?

— Что тебе даст этот бой? Хммм.. — Лютогост задумался. — Давай так. Будем сражаться насмерть. Если ты убьёшь меня, то Всеслав возьмёт тебя полководцем в свою армию. Получишь все мои доходы и привилегии.

— Ты с ума сошёл? — Всеслав взял брата за плечо и встряхнул, пытаясь привести в чувства. Но Лютогост уже загорелся своей безумной идеей. Корнил Шахов тоже оживился. Вместо откровенной скуки и отрешённости, глаза его загорелись неподдельным интересом.

— Ничего я не сошёл с ума, — огрызнулся Лютогост. — Если Шахов убьёт меня, то заберёт себе всё, что я имею. И ты это гарантируешь.

— И жену твою новую тоже себе заберу! — воодушевился Корнил.

— И жену заберёшь, — подтвердил Лютогост.

— Тогда я согласен!

Два часа спустя толпа ратников собралась на плацу в резиденции Булатовых. Здесь же были все офицеры армии и гвардии, включая высших полководцев. Лютогост Строгов и Корнил Шахов вышли на плац. Одеты они были в штаны и рубахи, каждый был вооружён только щитом и саблей, так решили сами поединщики. Всеславу этот бой не нравился с самого начала. Понятно было желание Лютогоста отомстить за Элли и сыновей, но место этому Корнилу было на плахе или на дыбе, а не здесь. Такой подлец не заслужил смерти в честном поединке. А уж обещанная ему Лютогостом награда в случае победы, была просто безумием. Тем не менее, Всеслав, наблюдавший за боем с возвышения, дал команду начинать.

Противники сошлись. Некоторое время они бились в половину силы, отыскивая слабые места и определяя, кто на что способен. Всеслав сразу заметил, что его брат, больше привыкший к тяжёлому мечу, орудует саблей не очень уверенно. Корнил Шахов же наоборот, работал своей собственной саблей, которую много раз использовал в бою. Правда Шахов прихрамывал из-за раны, которую нанесла ему умирающая Вера, но воевода умело компенсировал этот свой недостаток техникой боя. Лютогост выложился по полной, заставив Корнила обороняться и отступать. Нанёс ему несколько неглубоких ран, кровь от которых стала растекаться пятнами по рубахе. Шахов сделал несколько выпадов и похожие кровавые пятна появились на рубахе Лютогоста. Строгов решил, что добивается успеха, но в этот момент Корнил перешёл в контратаку. Оказалось, что всё это время он бился лишь в половину силы, позволяя Лютогосту использовать все свои возможности. В этот момент брат державного князя пожалел, что не взял свой верный меч. Несколько ударов и Корнил поранил Лютогосту руку. Судя по кровотечению, порез был глубоким. Удар ногой и Лютогост упал на спину. Шахов отбросил в сторону свой щит. Победа уже близка, Лютогост лежал на спине. Когда Корнил занёс над лежащим свою саблю, Строгов сделал кувырок назад, поднимаясь на ноги. Когда через мгновение земля и небо вновь заняли свои привычные места, он снова был готов к бою. Но в боку Корнила Шахова торчал дротик. Кровь обильно лилась на песок, а сам раненый выронил саблю и хватался руками за древко. Лютогост оглянулся. Дротик метнул его брат, Всеслав.

— Зачем?! — закричал Лютогост. — Его должен был убить я! Он мой!

Оглядевшись вокруг, Лютогост осёкся. Нельзя вести себя как истеричка, когда за тобой наблюдают сотни бойцов и десятки офицеров. Но боль из-за унижения, была ужасной. Родной брат Всеслав, с которым они прошли столько сражений и походов унизил его на глазах чуть ли не всей армии, не дав отомстить за жену и сыновей. Лютогост подошёл к Корнилу, который лёжа в песке, пыхтел и охал, пытаюсь вынуть из пробитого бока дротик. Брат державного князя занёс над ним саблю и остановился. Потом с гневом отшвырнул её в сторону. Убивать раненого он не станет, даже такую мразь.

Корнилу Шахову остановили кровотечение и подвесили на верёвках над северными воротами резиденции. Там он висел целых два дня, пока не умер в мучениях. Труп его так и оставили украшением для ворот, устроив пир для воронов.

— Я Мирину не любила никогда, — сказала Агата, когда Всеслав закончил свой долгий рассказ о походе в Крайнесточье. — Она ведь просто использовала меня в своих интригах против Деяна. Но всё равно жутко. Даже жаль её немного, ужасная смерть. Но зато ты победил теперь окончательно. Но я так и не поняла, зачем ты в Шахова дротик кидал?

— Не мог позволить, чтобы он убил Лютогоста, а всё к этому и шло. Откуда мне было знать, что брат вывернется и встанет на ноги, он ведь лежал. Тссс... Спи, малыш, спи, — Всеслав качал на руках своего маленького сына.

— Ой, вот этот Шахов ужасный тип. Он ведь поначалу ко мне пытался подступиться, хотел, чтобы я стала его любовницей. Но я его отвергла, тогда он Элли соблазнил. Бедная Элли! И Веру жало очень. Я ведь с ними дружила, особенно с Верой. Хорошо, что он умер, надеюсь долго мучился. А Лютогост с тобой так и не разговаривает?

— Неа...

— Но как же он конницей командует, если не говорит с тобой?

— По службе общается, а так стороной держится. Он ведь хотел сам убить Шахова, а выходит, что я помешал.

— Понятно, жаль, что так... Надеюсь вы скоро помиритесь. Хорошо, что война закончилась. Давай его мне, я отнесу в колыбель. Смотри как заснул быстро на твоих руках! И не плакал даже, почувствовал папу.

— Война не закончилась ещё, — ответил Всеслав, передавая Агате сына. — Ещё со сваяльцами будем зимой сражаться.

Агата уложила сына и вернулась к любовнику. Обняла его, положив голову ему на грудь. Он наслаждался ароматом её волос.

— Когда же теперь в поход? Месяца через два?

— Примерно.

— Тогда пойдём в спальню. Я так соскучилась по тебе!

— Слушай, Агата, я тут подумал. Перевезу ка я тебя в Древгород! Будем чаще видеться. И не надо будет ехать несколько часов до тебя, ещё по грязи по такой. Поселю тебя в тереме своего дяди Николая, он всё равно пустует.

— А как же твоя жена? Ей точно не понравится такое. А гвардейцы? Ты говорил, что они вообще тебе угрожали в том числе из-за меня.

— Жена... Зима и так про тебя знает. А насчёт гвардейцев не волнуйся, не так долго им осталось!

Зима Строгова оглядела сидящих за столом мужчин. Лютогост, Волк Озеров, Харитон Волков, самые ближайšie и надёжные помощники её мужа. Она сама пригласила их. Четыре дня назад Всеслав привёз в Древгород свою беззаконницу Агату Михайлову и сына, которого та прижила от него. Поселил их в тереме, в котором проживал когда-то казнённый за предательство Николай Строгов. Зима и глазом не повела, делая вид, что ей наплевать. Но это было не так. Этот поступок Всеслава был очень странным. А что если он решил развестись с Зимой и жениться на этой Агате? Сделать наследником своего сына от неё? Этого допустить нельзя. Такой опрометчивый поступок может сломать только что устоявшуюся систему управления Рустовесского государства, которое ещё не оправилось после многолетней междоусобной войны. Не говоря уже о том, что Зима не могла допустить, чтобы её дети лишились всего. А значит, ей нужны союзники из самого ближайшего окружения Всеслава. По сравнению с теми временами, когда Зима только прибыла в Древгород, теперь она очень хорошо разбиралась и в политике и в людях. Все собравшиеся были так или иначе недовольны её мужем. Всех он чем-то обидел. И все они были его самыми ближайшими полководцами. Зима Строгова сама налила каждому из гостей пиво, себе же взяв чашу с клюквенной водой.

— Спасибо за угощение, госпожа, — поблагодарил её Волк Озеров. — Но ты ведь вряд ли пригласила нас просто, чтобы попотчевать пивом.

— Конечно, я звала вас не за этим, — улыбнулась Зима. — Мне нужны друзья. Надёжные друзья, — подчеркнула она. — И я хочу поговорить с вами, чтобы понять, можем ли мы доверять друг другу. Возможно ли мне, скромной женщине, рассчитывать на дружбу и поддержку столь могучих и прославленных мужей.

Глава 14 Усмирение лешего

Готовясь к походу, Харитон Волков часто смотрел на карту сваяльских земель. Точнее, картой это было назвать сложно. Просто северо-западная часть Густошумья, на которой было подписано название племенного союза, обозначены верховья реки Рустовесь и границы Хладоручья и Солоплажа. Точной карты владений самого воинственного племенного союза ни у кого не было. Сваяльцы ревниво охраняли свои родные леса от внимания предельных и державных властей, не допуская визитов чужаков. По правде говоря, к ним никто и не стремился пробраться. Слишком это было опасно, так как путь в одиночку означал смерть, а путь большим отрядом войну.

Только оказавшись в землях сваяльцев, Харитон Волков понял, что скрывает бумага, на которой были обозначены земли сыновей лешего. Леса. Дремучие заснеженные леса и промёрзшие, наверное, до самого дна болота. Никаких дорог там не было, только тропы. Звериные и людские тропы, посреди бескрайних хвойных лесов. На карте все эти края можно было накрыть ладонью. На месте они казались настолько громадными, что в них бесследно исчезало многотысячное войско. Что уж говорить об одном человеке, когда он глядя на исполинские двухсотлетние ели понимал, насколько временным гостем является в этой жизни.

Жителя Рустовесского государства было сложно удивить стоящими непроходимой стеной большими деревьями, его родина была практически вся покрыта густыми лесами. Но леса сваяльцев были какими-то особенными. Таили они в себе какую-то страшную загадку, заставлявшую чувствовать необъяснимый ужас, поселившийся в душе с того момента, как рать переступила порог сваяльских владений. Это было не просто ощущение угрозы, которую несли летучие отряды врага, нападавшие на ратников из засад. То был именно ужас перед кем-то, кто незримо хозяйничал тут. Недовольный незваными гостями, он поселил в каждом из них страх, который то разгорался до панического ужаса, то отступал, будучи слабо заметен, но никогда не исчезал полностью, досаждая как вцепившийся в тело клещ-кровосос.

Здесь, в этих лесах, Харитон стал понимать почему сваяльцы не принимают Элая и даже к древним богам относятся без должного почтения, хотя на словах причисляют себя к благоверам. Но на деле называют себя сынами лешего и вышивают на своих чёрных знамёнах жуткий туманный лик, злые зелёные глаза которого дополняются кровавым оскалом рта. Лютогост Строгов рассказывал Харитону, что во время своей войны на севере заходил несколько раз в сваяльские земли. Тогда они были союзниками в войне против Юрьевых, Озеровых и Булатовых, поэтому сыновья лешего давали его отряду временное убежище, не позволяя тем не менее, углубляться в их владения. Говорил Лютогост о странном обычае, когда самую красивую девушку после особых таинств, раздевали донага и вечером отправляли на другой берег речки, ручья или озера. Смотря по тому, у какого водоёма стояло поселение. Однажды брат державного князя сам был очевидцем такого обряда. На противоположном берегу девушка садилась на бревно или камень и все ждали темноты. И когда спускалась ночь, темноту разрывал жуткий вскрик, услышав который, все жители поселения начинали радостно молиться и петь хвалебные гимны. Но молились они вовсе не Позару и Светлобе, молились они своему отцу лешему, благодаря его за то, что принял их щедрый дар.

Харитон медленно, но настойчиво вёл свою рать вглубь владений сваяльцев. Под его началом было собственное войско, а также Гвардия Элая, командующим которой он был назначен и всякий разбойный сброд, собранный в отдельный отряд, чтобы получить возможность искупить свои преступления, воюя за державного князя. Чуть больше восьми тысяч человек шли против сваяльцев, но это был только передовой отряд. В Белошумье расположился Всеслав Строгов с двадцатитысячной армией, готовый по первому зову прийти на помощь своему подданному. По замыслу Харитон наносил сваяльцам первый сокрушительный удар, должный до крайности истощить их и без того не великие силы, подорванные длительным противостоянием с Домом Юрьевых. Нужно было не просто нанести поражение их боевым отрядам. Перед князем Волковым и его ратью была поставлена цель лишить восставший племенной союз той основы, без которой невозможна ни одна ратная организация. Для этого Всеслав дал разрешение подвергать их селения полному разорению и истреблению. Самый бунтарский племенной союз Рустовесской земли должен был понять, что время мятежей закончилось. Поднимать восстания можно было в прошлые века, когда побеждённых каждый раз великодушно прощали, позволяя сохранить своё самобытное устройство и даже собственное войско. Теперь времена изменились. Либо сваяльцы будут жить мирно, вместе со всеми другими племенными союзами и сословиями отстраивая и защищая общую родину, либо им придётся умереть. А чтобы сомнений не оставалось, Харитон Волков должен учинить самый страшный погром, какой только возможно. Молодой князь всячески противился подобному плану войны. Убийства мирных жителей были не в чести среди рустовесской знати, старавшейся сберечь своих подданных. Но Всеслав убедил Харитона, что это единственная возможность победить мятежников.

В полном соответствии с замыслом, предельный князь Солоплажа принёс сваяльцам кровь и огонь. Пленных они не брали с самого начала. Попадавшиеся на пути мызы, хутора и посёлки безжалостно разрушались и выжигались, всех живших там сваяльцев от мала до велика убивали. Из-за постоянных набегов летучих отрядов, приводивших к большим потерям и заставлявшим строить укреплённые лагеря, продвижение вглубь сваяльских лесов шло очень медленно. Много времени уходило на то, чтобы отыскивать и разорять поселения. За войском Харитона тянулся шлейф сожжённых и разграбленных мыз.

Поначалу мирные сваяльцы не пытались прятаться, рассчитывая на то, что в эту войну всё будет как прежде. Но после того как в нескольких мызах все жители были показательно перебиты, поселенцы стали убегать из своих изб, когда к ним приближался отряд державных ратников. Это не помогало. Опустевшие избы сжигались, а запасы продуктов уносились. Что не удавалось утащить, тоже сжигалось. Для поселенцев это означало верную смерть от голода и холода. Потом ратники стали изощрённее и хитрее. Учились отыскивать самые глухие деревушки. Они устраивали облавы, не позволявшие обитателям укрыться в лесах, беря одну мызу или несколько в большое кольцо, на манер охоты. Иной раз воины приходили в ещё спящие селения и совершали там свои ужасные преступления. Войско двигалось как эпидемия, не оставляя за собой ничего живого.

Поначалу Харитон находил в этой безжалостной тактике основу будущего успеха. Захватывая амбары и убивая скот, рать постоянно обеспечивала себя зерном и мясом. Уничтоженные мызы не позволяли летучим отрядам сваяльцев использовать их для снабжения и отдыха. Это само собой очистило тылы и через какое-то время риск подвергнуться удару крупных сил сзади значительно снизился. Но в то же время сопротивление сваяльцев также стало ожесточённое. Они тоже не брали пленных. А если

брали, то подвергали их всяческим пыткам и умерщвлению.

Была и другая сторона. Воины, привыкшие к честным схваткам с равным по силе врагом, постепенно превращались в палачей и карателей. Бывший при войске отряд, набранный из приговорённых к смерти разбойников, естественно был первым из тех, кто увлёкся грабежами и убийствами. Им не нужно было для этого меняться, они просто продолжили делать то, что делали всегда. Вслед за ними началось разложение Гвардии Единого. Гвардейцы пришли в эти леса во имя обращения сваяльцев в новую веру. Именно этим они и занимались на словах, на деле же просто грабя избы и жестоко убивая детей и женщин. Очень скоро особых различий между гвардейцами и разбойниками уже не было. Последними водоворот бессмысленной жестокости поглотил ратников Дома Волковых. Бесстрашные воины, прошедшие со своим князем все сражения последних лет и походов тоже стали чудовищами в человеческом облике. В короткий срок под началом Харитона была уже не княжеская рать, а многотысячное сборище жадных до преступлений негодяев. В первых мызах, что они сожгли, воины убивали жителей очень просто, как и привыкли. Один-два удара копьём или мечом и всё. Теперь же на их зверства было жутко смотреть. Изнасилованные и расчленённые женщины, дети, которым вырезали внутренности, посаженные на кол или сожжённые заживо старики. Иные воины стали собирать трофеи, достойные демонов. Харитон видел как некоторые хвастаются перед товарищами количеством собранных черепов. Кто-то отрубал руки и заботливо складывал их в мешки. С большой радостью приходили ратники в новые мызы, обвешанные гирляндами костей и пополняли там свои коллекции.

Видя такое разложение своих войск, Харитон и сам был ужасно удручён. В кого он превратился? Был князем, главой Большого Дома, а теперь он кто? Просто кровавый главарь шайки убийц. То, что эта шайка насчитывает несколько тысяч человек сути её не меняло. У Харитона уже не поворачивался язык назвать их воинами. Хотя и на людей его сброд походил всё меньше и меньше. Единственную возможность скорее прекратить гибель своей рати молодой князь видел в быстром достижении целей похода. Где-то в глубине сваяльских владений было их главное племенное городище, Околешье. Там были чертоги вождя и совета старейшин, самых уважаемых людей племенного союза. Взятие этого городища сулило победу. А значит и прекращение этой кровавой бойни. Он отдаст Всеславу свой долг и сможет вернуться в родной Удольчин. Поэтому Харитон гнал свою рать вперёд.

За их жестокость Элай покарал войско не только потерей дисциплины, боеспособности и человеческого облика. В столкновениях с отрядами врага они несли всё более тяжёлые потери. Сваяльцы бились за свою землю, за свою жизнь. Воины Харитона за то, чтобы сжечь очередную мызу и пополнить свои трофеи. Каратель не может быть воином, а воин карателем. Но не только этим покарал Единый своих заблудших сынов. В войске Харитона свирепствовали болезни. Множество гибло от обморожений, особенно много жертв рустовесский мороз собирал из числа гвардейцев.

Продвижение вперёд всё сильнее и сильнее замедлялось. Наконец, настал момент, когда стало понятно, что свою роль тарана, сокрушающего ворота крепости, они сыграли. Было самое время, чтобы в крепость ворвались штурмовые отряды. Харитон послал группу с донесением для Всеслава. Князь призывал государя вести армию, чтобы добиться решающей победы. Но шло время, а державная армия всё не являлась на выручку. Вернувшиеся гонцы сообщили, что Всеслав просил передать, что начинает поход немедленно. Но знамёна с восьмиконечной серебряной звездой так и не появились. Тогда Харитон послал ещё

донесение, а потом ещё несколько. Армия не явилась.

Предельный князь Солоплажа спешил на окраине мызы. Его ратники только вошли сюда и бесчинства едва успели начаться. Пойманные в ловушку обитатели не успели бежать и теперь подвергались издевательствам. Несколько гвардейцев пинали ногами немощного старика. Один ратник насиловал женщину прямо на морозе и без всякого стеснения. Потом перерезал ей горло и продолжил насильничать несчастную, не смотря на то, что кровь брызгала во все стороны. Боец, которого Харитон по прошлым походам знал как бесстрашного и благородного воина, раскрыл своим топором череп какому-то мальчишке лет четырёх и весело засмеялся. Молодая женщина в разорванной одежде, стояла на коленях прямо в снегу и держала на руках мёртвого младенца, из животика которого торчала стрела. Она рыдала и сыпала проклятия в адрес убийц своего ребёнка. Потом по одеждам и походке признала в Харитоне важного человека и выкрикнула:

— Сдохни ты, проклятый! Убийца! Наша кровь на тебе!

— Заткнись! — подскочивший ратник ударил её по лицу рукоятью меча. Рот и нос женщины превратились в месиво, а во все стороны брызнули выбитые зубы. Подбежали ещё двое, вырвали из её рук младенца, бросили его в снег, сорвали с женщины одежды и принялись насиловать.

Харитон отвернулся. Его ратники дошли до такой степени падения, что попробуй он им сейчас что-то запретить, они сами его убьют. Князь пошёл дальше. В избах выламывали двери, тащили оттуда съестные припасы, убивали скотину и поджигали постройки. Он понял. Осознал это уже давно, но осмелился проговорить мысленно только сейчас. Харитон попался в яму, вырытую для него Всеславом Строговым. И как попался! Сам в неё радостно запрыгнул. Ведь государь сразу говорил, что его цель это полное подчинение отпавших пределов Рустовесской земли. Время предельных князей ушло. Ты либо служишь, либо тебя вообще не будет. Дом Волковых станет частью новой знати Рустовесья. Дом Клыковых сгинул в пучине междоусобной войны. Дома Юрьевых и Булатовых уничтожены не без помощи Харитона. А Дом Волковых... Харитон последний, кто имеет бесспорное право на предельный престол. Остальные уцелевшие представители его Дома слишком мелки для этого. А сам Харитон не женился и не зачал наследника. Он посмел бросить вызов самому Всеславу, но сделал это сгоряча и не подумав вовсе. Всеслав же всё взвесил и принял решение. Прикинулся, что пошёл на уступки, а на деле? На деле столкнул легковерного Харитона, своего врага, со своими врагами сваяльцами. И ещё добавил сюда Гвардию Единого, которая тоже выступала против Всеслава. Лютогост, которого Всеслав оставил в Древгороде под предлогом необходимости обучения новых сил, умолял Харитона быть осторожнее. Говорил, что беспокоится за него. Но даже Лютогост не знал точно, что же задумал его старший брат.

И что теперь будет? Он сгинет здесь со своим войском, а государь объявит Солоплаж коронными землями? Харитон завёл свою рать так глубоко во владения сваяльцев, что отступить уже поздно, ему в тыл ударят отряды врага. А уходить придётся мимо уже разорённых селений, где ни ночлега, ни пищи не найти. Единственное, что можно сделать, это идти вперёд и тем самым продолжая выполнять замысел Всеслава. Вот как надо планировать войны. Чтобы твои враги уничтожали друг друга, а ты просто пользовался плодами их глупости. И даже поняв, что к чему, не имели возможности выскользнуть из сетей.

У Харитона нет шансов на прямое военное противостояние с государем. Он проиграет

однозначно и очень быстро. Но есть шанс. В Древгороде Зима Строгова собрала группу недовольных, в числе которых были князь Озеров, Лютогост и сам Харитон. Она говорила с необходимостью держаться друг друга. Что Всеслав ведёт не совсем правильную политику. Что можно привлечь на их сторону элаитское духовенство и даже Тайную стражу. Понятно, что Зима раздражена не столько политикой мужа, сколько тем, что он не скрываясь завёл любовницу. Но ведь это уже заговор. Это та щёлка, в которую можно выскочить из тупика.

Есть два возможных способа действия. Нужно попробовать договориться со сваяльцами о перемирии и объединении сил против общего врага, Всеслава. Потом просить помощи у Зимы и заговорщиков. Они поддержат его, сомнений нет. Но то, что удастся уговорить сваяльцев, это вряд ли. Своей жестокостью Харитон настроил их против себя крепко. Но попробовать стоит. Если же договориться не получится, нужно пробиваться в Солоплаж. Закрыться в Удольчине и просить помощи. Харитон впервые почувствовал небольшое облегчение, которое всегда несёт с собой надежда. Он вольный князь вольного предела и он сможет победить! Вокруг Харитона горели избы и амбары, воины насильовали и убивали. Жар от горящих строений плавил снег, на котором валялись в разных позах обезображенные тела убитых мирных жителей. В небо тянулся густой дым пожара.

Поздно вечером Зима пришла в терем, где её муж поселил свою любовницу, Агату Михайлову. Все служанки кланялись жене государя, когда она вошла, но Зима жестом показывала, чтобы они молчали. Ей было любопытно застать беззаконницу своего мужа врасплох. Это почти получилось. Агата стояла у окна, когда вошла Зима. Женщина обернулась, по лицу её пробежала тень удивления, но уже через мгновение она сообразила что к чему и взяла себя в руки, сделав низкий поклон. Зима пригляделась к ней. Её не обманывали, Агата действительно была очень красивой женщиной. Фигура, ноги, лицо, волосы, грудь. Всё, что так привлекает падких до женских прелестей мужчин. Теперь понятно, как Всеслав так легко сошёлся с ней. Наверняка, Агата ещё и умна.

— Госпожа, — произнесла беззаконница и в голосе её не было слышно ни страха, ни смущения, — Ваш визит неожиданность для меня. Но для меня честь Вас принять.

— «Тебя», — поправила её Зима, улыбаясь.

— Простите?

— Принять тебя. Давай называть друг друга на «ты», как подруги. Всё же так вышло, что мы не чужие друг другу.

— Как скажешь, Зима.

— Сколько тебе лет, Агата?

— В этом году исполнится двадцать девять.

— Как и мне. Выходит, мы ровесницы. Почему ты отказалась от охраны? Наверняка, мой муж предлагал дать тебе надёжных стражников.

— Предлагал, но я не захотела. Я не из тех, кто нуждается в постоянной защите. Тем более, что со мной будет в столице Рустовесской земли? Стражникам быстро наскучит сидеть у меня. А для взрослых полных сил мужей это прямой путь к пьянству, обжорству и безобразиям.

— Разумно. Я вижу, ты разумная женщина.

Зима быстро приблизилась к Агате и, взяв её руку в свои ладони, глядя в глаза, произнесла:

— Ты любишь его? Только отвечай быстро, не раздумывай. Любишь?

— Нет. Он нравится мне, — быстро проговорила Агата. — Он сильный, властный, умный, решительный, хитрый. Он мне симпатичен, но я его не люблю.

— Тогда почему?

— У меня не было другого выхода. Мой собственный муж оставил меня на берегу реки, а сам уплыл с Петром Строговым и его людьми. Это был мой единственный шанс уцелеть.

Зима отпустила Агату и улыбаясь прошлась по комнате.

— В этом мы похожи. У нас обеих не было выбора. Я стала его женой, а ты стала его любовницей. Ты ведь родила ему сына. Покажи, я хочу взглянуть на него.

Агата проводила Зиму в комнатку, где в колыбели спал её мальчик. Достала его и с опаской протянула жене своего любовника. Зима осторожно взяла спящего и покачала.

— Не бойся, — шёпотом сказала она, заметив волнение Агаты, — я ведь сама мать. А это братик моих детей. Как вы его назвали?

— Егор.

— Егор?! Так ведь зовут твоего мужа.

— Ну и что. Это предложила я, Всеслав не отказывался.

Зима уложила младенца обратно в колыбель и они ушли. Поговорили ещё немного. На прямой вопрос, Агата сказала, что хотела бы вернуться к своему мужу, но не знает жив ли он.

— Я рада была поговорить с тобой, Агата. Прошу тебя, будь моей подругой. То, что мы стали игрушками в руках мужчин не означает, что мы должны ненавидеть друг друга.

— Я тоже была рада поговорить с тобой, Зима. Если ты этого хочешь, то мы будем подругами.

Пока слуги подавали ей шубу, Зима размышляла. Значит, у Агаты не было выхода. Скорее всего это правда. Но теперь она не просто нашла выход, она нашла возможность возвыситься так, как никому из её Дома не снилось. У неё уже есть ребёнок от Всеслава. Сын, наследник. Теперь ей останется только стать его женой. Такая красавица сможет уговорить Всеслава, тут сомнений нет. Надо подружиться с ней. Врагов нужно держать рядом.

На улице громко лаял пёс. Снизу раздавались женские крики и мужская ругань. Агата прислушалась. «Не положено! — голос престарелого прислужника, ведавшего колкой дров и чисткой снега. — Куды? Сейчас стражу позову!» Кого-то толкнули и он громко упал на пол. Твёрдая поступь сапогов по деревянным полам и лестнице. Просто не терем, а проходной двор. Два дня назад была жена державного князя, теперь этот гость шумит. А в Вешневодье Агату никто не посещал, только Всеслав. «Где она?! Где она, я спрашиваю!» — голос показался очень знакомым. Долго думать не пришлось, дверь в её комнату распахнулась и она увидела Егора Михайлова, своего законного супруга. Он был гладко выбрит, подтянут, одет в тёплую меховую одежду запорошённую снегом и подбитые мехом сапоги, которыми только что гремел по всему терему. Увидев жену, Михайлов застыл. Мгновение спустя в её комнату вбежал пожилой прислужник с топором, позади которого стояли испуганные кухарки со скалками.

— А ну пошёл отсюда, ворище! — мужик угрожающе покачал топором.

— Уймись, старый! — Егор положил ладонь на рукоять своей верной сабли, висевшей

на поясе. — Не доводи меня до смертоубийства!

— Убивец! Ночной убивец! Уйка, беги стражу зови!!! На госпожу напали.

Агата вышла вперёд и примирительно сказала:

— Всё в порядке. Этот человек пришёл ко мне в гости. Просто он устал с дороги и замёрз, поэтому так грубит. Стражу звать не нужно. Спасибо тебе, Мировой.

— А... Ну, — дворовый мужик был в лёгком недоумении, но явно обрадовался, что не нужно будет драться. — Ну если что, мы рядом, госпожа.

Прислужники, пятясь назад, вышли. Закрыли за собой двери, из-за которых донеслась перебранка:

— Уйка, дура, почему ты дверь на засов не заперла?

— Сам ты дурак. А ты почему ворота не запер?

Голоса удалились.

— Ворота он как раз запер, — сказал после неловкой паузы Егор, — но я через забор перелез. А вот собаку не отвязал. И правда дурак.

— Интересно, как ты его перелез?

— Так ты жива, Агата? — это было для Егора намного важнее, чем преодоление забора.

— Жива, как видишь.

— Значит, всё это правда? Людская молва не врёт. У Всеслава есть любовница. И эта любовница ты, моя жена? Ты стала подстилкой державного князя. Дрянь! Потаскушка!

Звонкая пощёчина выжгла закипавшую в Егоре злость и он на мгновение замолчал.

— Вот так ты заговорил, Егор, сын Андрея? Это я виновата, что оказалась в чужом доме и в чужой постели? А как же Василий, наш с тобой сын. Уж не ты ли отобрал его у меня и отправил в свой родовой острог? — Агата не кричала, говорила спокойно, но в голосе её лязгала сталь. И большее всего было то, что слова жены были чистой правдой. Это заставило Егора опустить глаза и виновато выслушивать. — А кто бросил меня совершенно одну на берегу Рустовеси? Кто спокойно смотрел, как вокруг его жены кружат княжеские конники и при этом не стал разворачивать ладью и спасать её? Это был ты, Егор. И теперь ты хочешь обвинить меня в чём, что я осталась жива? Значит, ты предпочёл бы мою смерть, лишь бы я сберегла твою честь? А сам-то ты! Твой господин Пётр Строгов мёртв. Его жена Вера и их дочь мертвы. Все их воины. Даже тот грязный паскудник Корнил Шахов и тот убит. Я даже не буду спрашивать как ты смог уцелеть в такой бойне. Я спрошу тебя, зачем ты уцелел? Зачем продал свою честь? Чтобы найти свою обманутую тобой же супругу и обвинять её в том, что она не берегла твою честь, которой у тебя и так нет?

— Агата, нет, я не... — Егор попытался обнять свою жену, но она грубо оттолкнула его.

— В чём ты обвиняешь меня? В том, что нашёлся человек, который взял меня под свою защиту? Думаешь, я могла отказаться? А сам то ты! Со сколькими поблядушками ты схороводился с того дня, как бросил меня? Смотри сюда! — Агата шагнула к лежащему у стенки ларцу и достала оттуда что-то. Ткнула в лицо Егору и на глазах того навернулись слёзы. Это был её брачный браслет. — Смотри. Смотри внимательно. Узнаёшь?! А твой где? — она схватила его за рукав и стала щупать. — Чего-то нет его. Потерял? Пропил?

— Агата, он дома, в моём родовом остроге.

— Дома значит оставил? Чтобы продажных девок не смущать с которыми ночевал по пути сюда?

— Агата... Всё совсем не так. Ну, не совсем так. Да, я подлец, я плохой муж и плохой отец. Я предал Петра и сбежал от него. Дезертировал. Но это потому что я не мог сгинуть не

увидев тебя. Нет, не так. Я не хочу пропадать один. Мне нужна ты. Нужна, потому, что я люблю тебя. Тебя и нашего сына. Вернись ко мне. Прости меня.

— Ты просишь прощения у меня?

— Да.

— Тогда проси как следует, чтобы я поверила. Проси на коленях. Иначе откуда мне знать, что ты не лжёшь?

Егор не задумываясь упал на колени перед своей женой и повторил всё за что он хочет просить прощения. Умолял её вернуться. Клялся, что не держит на неё никакого зла. Чтобы проверить это, Агата рассказала ему про своего сына от Всеслава. Узнав, что она назвала сына Егором, муж заплакал от умиления. Поклялся, что возьмёт её ребёнка и будет воспитывать как родного. В довершение Агата велела Егору целовать её ноги. И он, здоровый и крепкий мужчина, который был едва ли не в три раза крупнее её, прошедший многие битвы и не раз смотревший в глаза смерти, целовал ноги своей жены, чувствуя огромную радость, что она готова простить его. Наконец, Агата велела ему подняться. Она его простила и обещала найти способ бросить державного князя и вернуться к мужу. «Только быстро этого не получится, Всеслав сейчас в походе», — сказала Агата. Муж обещал ждать. По просьбе Егора она показала ему спящего в кровати тёзку, зачатого от Всеслава. Муж погладил младенца и поцеловал его в лобик. Сказал, что если Агата любит мальчика, то и он будет его любить.

Потом она велела прислуге постелить своему мужу в соседней комнате. Сказала всем, что он привёз вести от её семьи. Когда кровать была застелена, она отпустила прислугу в черновой домик. Терем опустел. Агата погасила свечи и неожиданно для Егора ласково обняла его. Он не смел шелохнуться.

— Если бы мне можно было... Я так скучал без тебя, Агата! Любимая моя!

— Тебе всё можно. Ты ведь мой муж.

Он раздел свою жену и, взяв её на руки, понёс в постель. Наутро Агата велела супругу уйти как можно раньше и пообещала решить вопрос с возвращением. Покидая Древгород, Егор Михайлов ещё никогда в жизни не чувствовал себя таким счастливым. Наконец-то в его мрачной жизни появился лучик солнца.

Сидящий на коне Харитон Волков сжал в руках длинную палку с привязанной на конце зелёной тряпкой и посмотрел в сторону врага. Нестройные толпы сваяльского воинства застыли прямо напротив его рати. Это было уже не то Поместное войско, ходившее под рукой князей Юрьевых в начале войны. И не то войско, что воевало с теми же Юрьевыми позже. Племенное ополчение, вот кто это был. Плечом к плечу стояли безусые юнцы, почти дети, а рядом с ними старики, по обычным правилам уже негодные для ратной службы. Но жизнь всегда сложнее писанных правил. Были в войске сваяльцев и взрослые мужи, но мало. Очень многие погибли в сражениях последних лет и последнего месяца. Поэтому защищать свои земли вышли даже женщины, что особенно поразило Харитона. Вооружены эти люди были кто чем. Кольчуги были только у начальников сотен. Чуть большее число ратников имело суконные платья, подбитые пенькой с нашитыми поверх металлическими кольцами. Кое у кого можно было заметить кожаные панцири, но они тоже были редкостью. В основном защитой служили шкуры и толстые шапки. Оружие также пестрело разнообразием, но было весьма бедным. Даже столь любимых сваяльцами боевых топоров теперь не хватало.

Сыновья и дочери лешего вышли на бой с копьями, кольями, дубинами, колунами, рогатинами, тесаками, дротиками и луками. На лицах этих людей отразилась суровая решимость победить или умереть. Позади сваяльского воинства возвышались стены их главного городища, Околешья. Деревянные и довольно неказистые, они производили странное впечатление. Об этом месте ходило столько слухов, столько легенд и сказаний, что глаз был готов узреть нечто особенное, громадное и величественное. Но вместо этого перед Харитонем предстали обычные деревянные стены самого захолустного городка, коих он видывал множество за время своих походов.

Предельный князь продолжал размахивать тряпкой, ожидая реакции. Надежды мало, но попробовать необходимо. Наконец, из толпы сваяльцев вышел рослый воин в кольчуге, шлеме и с большим боевым топором. Судя по сапогам, это мог быть сам вождь или человек не сильно меньший по статусу. Он помахал Харитону рукой и тот двинулся навстречу. Было страшно. Какой-то необъяснимый ужас холодил живот и заставлял дрожать колени. Главное, чтобы сваялец этого не заметил. Всеслав Строгов практически один заявился в лагерь катхоров, пришёл к князю Волкову в Миргороде, сняв с себя всё оружие. Интересно, было ли ему страшно? По крайней мере вида он не подавал никакого. Подъехав, молодой князь спешился.

— О чём со мной хочет говорить жалкий свинячий сын? — презрительно бросил сваялец.

— О взаимовыгодном союзе, — Харитон понимал, что дружелюбия можно не ждать и решил переходить сразу к делу.

— Союзе?! — вождь задрал голову и засмеялся так, что его хохот разнёсся по всему полю, на котором собрались рати. Наверное, в городище его тоже слышали. Остальные сваяльцы поддержали смехом своего предводителя. — Какой союз может быть между вольным человеком и презренной шавкой, жрущей гнилые объедки?

— Любой вольнице в Рустовесской земле пришёл конец. И моей, и вашей. Мы все обречены. Но я предлагаю объединиться нам против Всеслава и вместе победить. У меня есть союзники в Древгороде. Помогите мне против Всеслава и получите свободу. Вас никто не тронет больше. Будете жить как жили.

— Грязная шавка, что сидит на привязи, дарует свободу вольной птице? Это как?

— Просто соглашайтесь. Вместе у нас есть возможность победить, порознь точно нет.

— Ты, Харитон, сын Олега, явился в наши земли. Сжигал наши дома, убивал и насиловал наших жён и дочерей, резал глотки нашим отцам и матерям, грабил наши пожитки, а теперь хочешь примириться? Если я заключу мир с тобой, мои собственные люди меня прирежут. Я сам себе выпущу кишки, если соглашусь на такое. Тебе всё ясно? Иди к своим шавкам и готовься к смерти! Все вы сдохните сегодня.

Харитон сел на коня и поехал к своему войску. Пусть так, значит битва неизбежна. Понять сваяльцев можно. Ведь именно войска, ведомые князем Волковым, учинили в этих землях такую страшную резню и погром, коих не было возможно никогда в их истории. Значит, остаётся последняя надежда. Нужно победить здесь и сейчас и прорываться в Удольчин. Рать Харитона выглядела самым жалким образом. Вооружена она была лучше сваяльцев, но поход был для неё губителен во всех отношениях. Столкновения с врагом, болезни и холод унесли половину войска, и теперь оно было примерно равно по численности силам сваяльцев. А постоянные убийства мирных жителей, изнасилования и грабежи, превратили войско в сброд карателей. Обвешанные черепами и костями, набившие

свои мешки чужим добром, они уже не хотели биться насмерть, это было слишком опасно и не так увлекательно. Но ничего, им придётся победить сегодня. А после победы Харитон уведёт их в Солоплаж и вновь выкует себе настоящее войско.

Харитон слез с коня и велел увести его, встав в первые ряды. Ратники князя Волкова и ополченцы сваяльцев бросились друг на друга. С обеих сторон раздавались боевые кличи, главным словом в которых была «вольница». Конницы у противников практически не осталось, поэтому на поле столкнулись пешие массы. Ратники Харитона уже разучились держать строй, ополченцы сваяльцев никогда и не умели. Завертелся кровавый вихрь, в котором смешались крики людей, звон стали, треск костей и копий, звук разрушаемой плоти и шипение стрел. Снежное поле покрывалось кровавыми пятнами и телами убитых. Какое-то время казалось, что сваяльцы вот-вот дрогнут и побегут. Потом натиск противников друг на друга стал примерно равным. Резервов не было ни у одной из сторон, поэтому бросить на чашу весов отряд, который решительно переломит ход битвы, не имелось возможности. Это произошло совершенно неожиданно. Сначала бросились бежать бывшие в войске Волковых разбойники, потом ратники основных сил. И уже совсем скоро дрогнуло и посыпалось всё войско. Сваяльцы увидели перед собой сотни и тысячи бегущих спинок. Это воодушевило детей лешего и они принялись увлечённо рубить проигравших.

Харитон Волков пытался остановить свою рать, кричал на бегущих, призывая построиться. Но князя никто не слушал, ратники убегали. Харитон почувствовал сзади удар по голове, от которого с него слетел шлем. Он развернулся готовясь ударить нападавшего мечом. Перед ним стояла молодая девушка в суконном платье, поверх которого были одеты шкуры. Из-под железной шапки торчали волосы. Она держала в руках боевой топор и готовилась нанести новый удар, но испугалась, Харитон был крупнее её раза в два. Он мог убить её одним взмахом своего клинка, но не стал. Что даст убийство этой девушки, которая защищает здесь своё племя? Сколько таких убитых и изнасилованных осталось по пути следования его войска? Но сваяльцы не были склонны к размышлениям. На Харитона бросился паренёк лет двенадцати и сбил его с ног. Они оба повалились в снег, но парень быстро вскочил. «Чего ждёшь?» — выкрикнул он девушке и та занесла над головой топор. В руках паренька была дубинка. Они принялись дружно бить лежавшего в снегу князя Волкова. Потом подбежал ещё кто-то, тоже с топором. Харитону раскрыли голову, пробивали нагрудную пластину и прорубили грудь. После того как он умер, ещё некоторое время продолжали бить уже бездыханное тело.

Княжеское войско подверглось жестокому истреблению. Лишь примерно полтысячи смогли оторваться от преследования и стали уходить по знакомому пути. На следующий день беглецы увидели ратников державной армии и знамёна с серебряной звездой Дома Строговых. Однако радость их была недолгой, все уцелевшие были безжалостно перебиты.

Двадцатитысячная армия Всеслава Строгова была под стенами Околешья спустя два дня после битвы. В стальных доспехах, прекрасно вооруженные и дисциплинированные, они одним своим видом подавляли волю к сопротивлению. Державные ратники не жгли и не грабили. Более того, бывшие при обозе лекари оказывали раненым сваяльцам помощь. Кое-где даже были розданы продукты. Такое поведение шокировало жителей, ожидавших полного и окончательного истребления.

Устроив громадный лагерь прямо у стен городища, Всеслав потребовал к себе всех

предводителей племенного союза сваяльцев для принятия полной капитуляции. После долгих совещаний те прибыли в лагерь государя и сложили к его ногам оружие и знамена. За свои постоянные мятежи и беспокойный нрав сваяльцы карались лишением родных земель. Они должны были в полном составе переселиться к подножию Мирлийских гор и служить там на Засечной черте, обороняя государство от разбойных набегов. Также сваяльцы должны были поставлять рекрутов для службы в державной армии. За это им было даровано десятилетнее освобождение от всех налогов. Вождь и старейшины приняли все условия, отдали Всеславу заложников и стали готовиться к переселению.

В ночной тьме из лесной чащи вышло громадное, покрытое шерстью существо. Оно вылезло на просеку, начавшую обрастать молодыми берёзками и двинулось в сторону мызы. Но вместо изб и сараев оно увидело там лишь заснеженные обгорелые остовы. Повсюду лежали изрубленные и обглоданные дикими животными тела обитателей. Тех, кто боготворил это существо и приносил ему всяческие дары. Теперь все эти люди были мертвы. Повсюду был запах гари и смерти. Так было и в других поселениях. Попадались ему и не разорённые. Там не было пожаров и не лежали вмёрзшие в снег трупы. Там просто никого не было. Леший посмотрел в небо, где на чёрном фоне сияла яркая звезда и потянул к ней свою мохнатую лапу. Звезда манила его своим ледяным мерцающим светом, но дотянуться до неё было невозможно. Также как невозможно было понять, куда делись все жители.

Глава 15 Цена молчания

После окончательного усмирения племенного союза сваяльцев и его переселения к подножию Мирлийских гор, Всеслав направился в Удольчин. Туда державный князь привёз останки Харитона и с большими почестями захоронил их на родовом кладбище Дома Волковых. Молодой князь был объявлен великим героем, сложившим свою голову за единство Рустовесского государства. Солоплаж стал последним пределом, объявленным коронной землёй, управлять которым назначался особый наместник. Разместив в Солоплаже часть своей армии, Всеслав Строгов отправился домой.

Державный князь вошёл в Древгород в разгар весны, в день когда тронулся лёд на реке Рустовесь. Восторженные толпы горожан приветствовали великого сына Лесьяра Строгова, сумевшего победить в жестокой междоусобной войне и принесшего долгожданный мир измученным рустовесцам. Мятежные князья были разгромлены, а остатки их Домов, ослабленные и лишённые былых амбиций, перешли на державную службу. Усилиями Поместной стражи, которой оказывали помощь крестьяне, были уничтожены все крупнейшие банды разбойников, устранившие людей в разных местностях и не дававшие им спокойного житья. Купцы и ремесленники были переведены в разряд служилых сословий, обязанных нести повинности в пользу государства. Уничтожение крупнейших княжеских Домов с их войсками и дворами позволило сосредоточить деньги и богатства в руках одного Дома Строговых. Благодаря этому налоги были снижены вдвое. Что вызвало огромную радость людей и ещё более повысило популярность державного князя среди простонародья. Созданная Всеславом армия заменила старые отряды. Правда, для её пополнения были введены новые повинности, когда на службу нужно было посылать одного человека с определённого числа дворов. Но повинность эта была встречена с пониманием. Вместо сгинувшей в сваяльских лесах Гвардии Элая, Всеслав сформировал новую гвардию, служба в которой была необходимым условием получения офицерского звания. Пополнялась она сынами ратных и княжеских Домов, желавших связать свою жизнь с военной службой. Наконец, на границах Рустовесского государства наступил относительный мир. Киврийцы, правителем которых стал Вендель, женившейся на родной сестре Всеслава Дарине, устремили свои набеги на более богатые земли запада. Вечерние короли увязли в войне с катхорами. На востоке пока не появлялось серьёзных угроз. Мир на внешних границах связывался с именем державного князя и считался его несомненным достижением, которое признавалось всеми.

Было раннее утро, когда Всеслав проснулся. Сквозь щели в приоткрытых ставнях в комнату тянулись лучи новорожденного солнца. Прохладный воздух наполнял опочивальню утренней свежестью. Приятно было просыпаться так, в тишине и покое после всех походов, волнений и битв. Когда не нужно было вскакивать и бежать, будучи в центре внимания тысяч людей, ждущих от тебя быстрого и правильного решения. Агата сидела на постели, спиной к нему и тщательно расчёсывала гребнем свои красивые каштановые волосы, рассыпавшиеся по её белым плечам. Всеслав не мог удержаться. Он протянул руку и стал гладить изгибы её ладной спины, наслаждаясь мягкой нежной кожей.

— Проснулся уже? — спросила Агата не поворачиваясь. — Только первый день лета, а

уже такая жара рано утром.

— Угу...

Всеслав водил рукой по спине любовницы, а сам крепко думал. Война закончилась победой. Но он победил не просто политических врагов. Это была победа над старыми богами, тянувшими его страну в бездну распада. Они не сдались легко, но при покровительстве Элая он одержал победу. Теперь Единый бог должен помочь ему в восстановлении государства. В руках державного князя сейчас собрана такая власть, какой быть может не было ещё ни у кого из правителей Рустовесья. И он должен распорядится этой властью разумно. Он заложит основу не только для улучшения жизни людей, но и для развития науки и технологии. Быть может удастся разгадать хотя бы часть загадок, что оставили после себя Древние и в далёком будущем попробовать возродить их могущество. Об этом мечтал его отец. За это погибли тысячи ратников и простолюдинов в ходе прошедшей войны. Но отец говорил, что Элай не помогает тем, кто этого не достоин. И Всеслав понимал, что теперь нужно оставлять замашки военного вождя и становиться настоящим государем. Суровым, справедливым. Даже праведным. Только так можно удержать любовь народа и армии. Только так можно сохранить покровительство Единого. И самое главное препятствие на пути к перерождению из вождя в государя сидело рядом, нагая и прекрасная, расчёсывая гребнем свои каштановые локоны. Нужно было расстаться с Агатой уже давно, но Всеслав всё оттягивал это решение. Он привязался к ней как к любимой игрушке и ему не хотелось оставлять её. Но затягивать дальше было глупо. Слухи ходят уже давно, тем более, что он и не скрывал своих отношений. Сейчас, на фоне побед и прекращения войны, люди прощают своему правителю эту блажь. Но постепенно, когда золото триумфа потускнеет, наличие любовницы станет причиной больших проблем. Всеслав решил, что время пришло. Сегодня была последняя ночь. Больше они не будут вступать в близость друг с другом. Но как сказать об этом Агате? Всеслав думал.

— Всеслав, — внезапно сказала Агата, повернув слегка голову, так что стал заметен профиль её красивого лица, — мне нужно поговорить с тобой. Очень серьёзно. Я долго думала над этим. Ты нравишься мне. У нас с тобой ребёнок. Но я хочу просить тебя, чтобы ты отпустил меня к мужу. Нам нужно расстаться.

Это было невероятно. То о чём Всеслав не решался заговорить, Агата предлагает ему сама. Такую возможность ни в коем случае нельзя упускать.

— Агата, — Всеслав старался говорить как можно более ласково и медленно, чтобы скрыть свои радостные интонации, — ты прекрасная женщина. Ты подарила мне столько чудесных мгновений. Я благодарю Единого за то, что он свёл нас с тобой. Но если ты действительно хочешь этого, то я отпущу тебя.

— Ты... не сердишься? — она с сомнением посмотрела на него, но тут же отвернулась, не в силах выдержать его взгляд и сразу принялась чесать волосы гребнем.

— Нет, милая, я не сержусь. Но твой муж, он примет тебя обратно, ты уверена?

— Примет. Зимой, когда ты был в походе он тайно приехал в Древогород. Приходил сюда и умолял меня вернуться. Я переспала с ним, прямо здесь.

Всеслав перестал поглаживать спину Агаты и сжал руку в кулак. Он захотел ударить её. Ему стало неприятно, что любовница рассказывает о том, что спала с кем-то прямо на этом ложе. Конечно, ему донесли, что Егор Михайлов был здесь. Донесли, что он оставался у Агаты до утра. Но Всеслав не стал ей ничего говорить. А теперь она сама рассказывает... Агата почувствовала, что любовник сжал руку. Она перестала расчёсывать волосы, закрыла

глаза и стала с трепетом ожидать удара. Но Всеслав глубоко вдохнул и разжал кулак. Егор её муж. Остаётся только восхищаться его храбростью. Заявиться в стольный город ради жены, зная, что тебе может угрожать смерть, за такое можно уважать. Даже хорошо, что он был здесь. Агата задумалась о возвращении, что было выгодно Всеславу.

— Войди в моё положение, Всеслав, — когда Агата поняла, что её не ударят, она поспешила объяснить свою просьбу. — Я жила в остроге своих родителей. А потом, после того, что случилось, они отправили меня в Миргород, в свиту к Мирине. Я познакомилась там с Верой, с твоим братом. А потом с Егором, который его охранял. Так как Егор служил у нас не своей вотчины. Мы всегда были где-то. Миргород, Древгород. Теперь я снова в Древгороде. Но у меня появилась возможность обрести дом. К тому же там мой сын, Василий. Ему уже пять. А я видела его последний раз, когда ему было два годика. Он и не помнит меня уже, но я скучаю очень.

— Вроде Егор не наследует острог?

— Не должен был. Но его старшие братья погибли. Двое выжили, но они увечные. А отец старый уже. Кроме моего мужа некому взять власть.

— Да, после войны много острогов осталось без правителей. Мне придётся назначать туда наместников. Но если твой муж сохраняет Дом, то это хорошо. Я отпущу тебя к нему.

— Только отпусти со мной сына, прошу тебя! Я не выдержу разлуки.

— Маленького Егора? Конечно, пусть едет с тобой. Такая мать как ты ему будет полезнее, чем такой отец как я. Твой муж?

— Он примет его, — сказала Агата. — Спасибо тебе! Я даже не знаю, как благодарить...

— Я придумал! — перебил её Всеслав и, вскочив с постели, оказался посередине комнаты. — Вот как мы поступим. Мы больше не будем спать друг с другом. Подождём и убедимся, что ты не беременна. Я лично напишу тебе грамоты. Помилование для твоего мужа за участие в войне на стороне Петра. Грамоту тебе, что ты будешь под особым покровительством. Это на всякий случай. И отдельную грамоту, в которой я признаю маленького Егора своим сыном без права на престол. Дарую ему казённое содержание до пятнадцати лет, пока он не поступит на военную или мирную службу. Ты пройдёшь таинство Приобщения Четырёх Стихий. Дом Михайловых тоже должен будет принять элаитство. Вот так. Через месяц я соберу армию и самых знатных людей на... Где бы мне их собрать? На Багровых полях! Это будет очень символично. Мы приплывём туда на ладье, все вместе. Там я оглашу манифест об окончании войны и наступлении мира. Потом попрошу у своей жены прощения за то, что изменял ей. Тебя с маленьким Егором посадим на ладью и вы отправитесь прямо к мужу. Ведь острог Михайловых где-то на слиянии Самала и Хиля. По реке будет удобнее всего добраться. И быстрее. Да, точно! Вот так мы и поступим, это будет правильно, благородно и красиво. Люди любят такое. Возьму с собой Мишу Воробья, он всё запишет. Это будет прекрасное окончание хроники о моих походах. А Зиме я пока ничего не скажу. Это будет подарок. Что такое? Чего ты?

Агата смеялась, уткнув лицо в колени.

— Ты же голый! Вещаешь так вдохновенно и размахиваешь тут своим...

— Ой, точно! — смутившийся державный князь принялся одеваться.

Тем же утром, после молитвы в городской бейте, Зима Строгова не вернулась в

резиденцию державного князя. Она отправилась в домик Главного алима. Служанка проводила её на второй этаж, где в комнате жену государя уже ожидали. Помимо хозяина дома здесь были Лютогост, Волк Озеров, а также исправник Тайной стражи Трифон Кривин. Гости сидели в резных деревянных креслах, расставленных полукругом. Два кресла пустовали. Поздоровавшись, Зима заняла своё место.

— Кого ещё ждём? — спросил Главный алим, указывая на одно, оставшееся свободным место.

— Никого, — мрачно произнёс Лютогост. — Здесь должен был сидеть Харитон Волков. Он тоже был с нами. И всегда будет. Но Всеслав всё-таки сумел его прикончить.

— Всё же князя Волкова убили сваяльцы, а не Всеслав, — заметил начальник Тайной стражи.

— Мой брат полон дарований. Его враги гибнут без его участия.

— Стоит признать, что государь очень тонко разыграл данную комбинацию.

— А ведь я предупреждал Харитона, чтобы он был осторожнее, — Лютогост очень жалел молодого князя.

— Ну а что он мог сделать? — спросил Волк Озеров. — Давайте признаем, никто из нас ничего не смог бы сделать.

— Ладно, — отмахнулся Лютогост. — Зима, где Всеслав сейчас, он в резиденции?

— Нет, опять у поблядушки своей ночевал. Значит скоро не будет. Завтракает он там же.

— Поведение государя вызывает обоснованное сожаление, — осторожно начал Главный алим. — Он изменяет своей законной супруге с язычницей на глазах у всего города и всего государства. Он подставляет под смерть заслуженных князей, кровью доказавших свою преданность престолу. А то как державный князь поступил с Гвардией Элая, бросив её без помощи в сваяльских лесах, вообще является преступлением. Гвардейцы были истинными последователями и защитниками Единого. Они отреклись от всех земных благ ради защиты элаитства. Гвардейцы были почти святы, но он бросил их умирать. Ещё неизвестно кто нашептал ему в ухо такое решение. Его любовница из благоверов или может быть вообще, сам Разрушитель Гармонии, — при этих словах алим осенил себя охранительным знаменем. — Меня, как духовного наставника Рустовесского государства очень печалит всё это. Скажите, Трифон, — обратился алим к исправнику Тайной стражи, — а почему Вы с нами?

— Я всю жизнь служил Дому Строговых. Защищал интересы Рустовесского государства. С тех пор как я принял элаитство, я защищаю и Единого. И я признаю, что наш государь Всеслав одержал блестящую победу в войне. Но его последние поступки настораживают меня. Если он так поступает сейчас, то что будет дальше? Если его разум затуманится окончательно, то мы рискуем потерять все успехи, что были достигнуты в войне. А этого нельзя допускать. Слишком много людей погибло. Лютогост говорил со мной. Мы пришли к пониманию. Мы вместе воевали с ним на севере и хорошо знаем друг друга.

— Позвольте я выскажусь, — заговорила Зима. — Мы все здесь не желаем новых смут и новых потрясений. Рустовесская земля истощена войной и нового кровопролития она не вынесет. Поэтому мы должны продумать как повлиять на моего мужа. Нужно убедить его в необходимости начинать мирное восстановление страны. Для начала пусть выгонит свою любовницу и перестанет раздражать народ. Мы, здесь присутствующие, должны придумать как убедить моего мужа.

— Нужно действовать осторожно, — заметил Трифон Кривин.

— Согласен, — присоединился к его мнению Волк Озеров. — Я видел как Всеслав действует в трудной ситуации. Да и все мы видели. Нельзя просто заявиться к нему и сказать: вот мы все такие, сделай как мы хотим. Он ответит, что со всем согласен, что так и сделает. А через какое-то время мы повиснем в петлях. А может и вообще будем вынуждены передавить друг друга.

— Ты прав, Волк, — Зима кивнула головой. — Встретимся ещё, тайно. Обговорим всё без спешки и подробно. В конце концов мы ведь действуем на благо страны.

Спустя три недели Зиме и её союзникам пришлось собраться вновь. Всё это время они спокойно обсуждали как им поступить в сложившихся обстоятельствах. Мужчины даже шутили. Но сегодня в доме Главного алима воцарилась напряжённая тишина. Сильнее всех нервничала Зима Строгова. Она сжала руки в кулаки и смотрела на мужчин с тревогой и надеждой. Теперь от их решимости зависела её судьба, а также будущее детей. Да и судьба Рустовесского государства тоже. Если державный князь сможет учинить свою незаконную глупость в отношении жены и детей, то какое ещё безумие поселится в его голове?

— Пока мы с вами размышляли как нам поступить тихо и осторожно, — заговорила Зима, — мой муж тоже не терял времени даром.

— Думаешь, он узнал о нашем объединении? — поинтересовался Волк.

— Может узнал, может догадывается. Но в любом случае он уже действует. Лютогост, Волк, вы крупные полководцы в армии моего мужа. Что за большой смотр войск он назначил на послезавтра?

— Мы не знаем точно, — ответил за них двоих Лютогост. — Велел собрать все имеющиеся под рукой войска и вывести на Багровые поля. При полном вооружении и с начищенными доспехами. Знамёна, трубы, барабаны, всё как полагается. Но туда же созваны горожане, все кто пожелает.

— Именно! Это то, что известно вам, полководцам. А ещё я расскажу, что знаю сама. На Багровые поля собирают не только ратников и горожан. Туда отправлюсь и я со своими детьми. Там же будет и Агата с её сынком. Смекаете, что это значит?

— Ты думаешь, что он решился...

— Я думаю, что это его ответ на наши тихие посиделки! Последние недели Всеслав не ночевал у Агаты. Даже не ходил к ней. Более того, как бы сказать? Ну... — Зима смущённо оглядела мужчин, но потом решилась. — Ладно, все здесь взрослые люди. Он любился только со мной.

— Но это же хорошо, — развёл руками Волк.

— Хорошо? Хорошо было бы, если бы он выгнал Агату из города. Тогда сомнений в его добродетели не оставалось бы. Но она в городе, к её терему он приставил стражу и у меня нет возможности поговорить с ней. Что это означает? Значит, он просто пытается отвлечь моё внимание. Вы ведь ратные люди, зачем отвлекают внимание? Чтобы нанести неожиданный удар! Я пробовала разговорить Всеслава. Узнать, что он задумал, но он только улыбается и отшучивается. Сказал, чтобы я не волновалась. Что всё будет хорошо.

— Знакомые речи, — Лютогост указал рукой на пустующее кресло. — Харитону Волкову он говорил то же самое. Но зачем ему везти всех вас на смотр войск?

— Ты не понимаешь? Воины и горожане обожают его. Они одобряют любое решение своего государя. И никто из нас не сможет его оспорить, если он получит такое всеобщее

одобрение. Я думаю, на смотре он огласит решение развестись со мной и взять в жёны Агату. Признает её сына наследником.

— Агата Михайлова несколько дней назад прошла таинство Приобщения Четырёх Стихиям, — заметил Главный алим. — Теперь она наша сестра по вере. Это подтверждает опасения госпожи.

— Вот видите! Есть ещё кое-что. Он лично своей рукой написал четыре грамоты и поставил на них свою гербовую печать. В одной манифест об окончании войны и наступлении мира. Что в трёх других грамотах неизвестно, но можно догадаться, если сопоставить с остальными приготовлениями. И ещё. На смотр он возьмёт с собой Мишу Воробья.

— Да он всего лишь безобидный хронист, — отмахнулся Лютогост, — какая от него угроза?

— Хронист пишет историю. Он ведь брал его во все походы, чтобы тот смог описать их. Здесь то же самое.

— Вы ведь отправитесь на ладье? — спросил Трифон Кривин.

— Да, муж сказал на ладье.

— Я говорил с кормчим. После Багровых полей, они должны будут отвезти кого-то в особое место. Всеслав скажет куда именно, только на полях. Путь не самый близкий, поэтому на ладью загрузят запас провизии.

— Всё ясно, — сокрушённо произнесла Зима. — Перед лицом народа и армии Всеслав провозгласит окончание войны и объявит Агату своей женой. А меня и детей отправит куда-нибудь подальше.

— Зима, — попытался утешить её Главный алим, — мы не допустим такого беззакония в твоём отношении.

— Не допустите? Всеслав это просчитал и вот его ответ несогласным. Если он огласит своё решение на Багровых полях, то уже никто и ничто не сможет помешать.

— Есть лишь один способ помешать, — мрачно произнёс Лютогост. — Если на Багровых полях будет провозглашён новый державный князь. Тогда старый должен не доплыть до них...

В комнате наступило молчание. Было слышно как потрескивают свечи в светильниках, раскачивая бледные тени по стенами. На улице уже смеркалось, но до полной темноты было ещё далеко.

— И кто помешает Всеславу доплыть до полей? — Зима испытующе посмотрела на мужчин.

— Я не могу, — сказал Лютогост. — Я ненавижу его, но он мой брат.

— Я тоже не смогу, — Волк покачал головой. — Это будет выглядеть слишком подло с моей стороны.

— Да уж, — усмехнулась Зима. — Но в ваших словах есть истина. Это должен быть одиночка. И этот одиночка должен потом исчезнуть. У меня есть дальний родич в охране Всеслава. Надеюсь, что смогу убедить его. Тем более, что он не в восторге от распутства своего господина.

— А любовница Всеслава, Агата?

— Ей тоже незачем приплывать на поля. Её сына я заберу и воспитаю как своего, мальчик ни в чём не виноват и не должен пострадать.

— А что потом?

— Потом мы сделаем так, — Зима поняла, что эти могучие и влиятельные мужчины смотрят на неё как на своего предводителя. — Перед народом и армией Красимир будет провозглашён государем. Под моей опекой до совершеннолетия. Лютогост, ты станешь его наставником. Волк, тебе будет доверено командование армией. Трифон, ты должен обеспечить безопасность государства, как и полагается исправнику Тайной стражи.

— А я обеспечу вам поддержку элаитов по всей стране, — заключил Главный алим. — Теперь нужно обсудить детали.

В полдень назначенного дня державный князь Всеслав Строгов в сопровождении своей семьи и ближайших офицеров отправился на городскую пристань. Государь пребывал в приподнятом настроении, шутил и всячески приободрял спутников. Те тоже старались вести себя также. Яркое летнее солнце, изредка прятавшееся за пушистыми белыми облачками и свежий ветер, дующий с реки, были прекрасной декорацией для задуманного действия. Армейские полки и горожане отправились на Багровые поля ещё утром и сейчас должны были быть там. Настало время и государю явиться к своим подданным. Зима уговорила мужа не брать с собой остальных детей, поэтому с ними был только Красимир. Он увлечённо возился со своим сводным братиком, Егором. Тащил его на плечах от городских ворот до самой пристани. Малыш смеялся и радовался. Перед тем как садиться в ладью, Зима предложила мужу одеться в доспехи. Неожиданно её поддержала Агата. Вдвоём они уговорили Всеслава, что будет лучше, если он сойдёт с корабля уже в снаряжении. При помощи походных прислужников, государь облачился в кольчугу, стальной нагрудный панцирь, поножи, наручи и наплечники. Опясался мечом. То же самое сделали Волк Озеров, командующий гвардией и Лютогост Строгов, начальник тяжёлой конницы.

Гребцы дружно опустили вёсла и ладья медленно поползла вверх по течению реки. Всеслав прохаживался по палубе и наблюдал за своими спутниками. Зима была напряжена, хоть и делала вид, что это не так. Как и велел ей муж, она надела свои самые красивые наряды. Агата была одета гораздо скромнее. Она немного грустила, но в то же время в глазах её можно было заметить приятное волнение. Заканчивались её скитания и впереди эту красавицу ждала спокойная семейная жизнь с законным мужем и детьми. Не об этом ли мечтает каждая женщина? Всеслав искренне желал ей счастья и просил Единого, чтобы он послал Агате и Егору ещё детей. Красимир игрался с карапузом, показывал ему что-то на пальцах, тот радостно смеялся. Это было приятно. Волк и Лютогост стояли около спущенного за ненадобностью паруса и о чём-то тихо переговаривались. Трифон Кривин, исправник Тайной стражи разговаривал с Главным алимом. Охранник Всеслава, дальний родич его жены Герман, прохаживался вслед за своим господином. Придворный хронист Миша Воробей, делал пометки на дощечках. До Багровых полей оставалось около половины пути.

Всеслав взошёл на нос корабля и стал смотреть в даль, любуясь открывавшимися видами могучей реки, давшей имя их великому государству. Герман стоял рядом. Он посмотрел на Зиму Строгову и та едва заметно кивнула охраннику. Герман, навалившись всем телом, вытолкнул государя за борт. Оказавшись в воде, Всеслав Строгов пытался плыть и срывать с себя доспехи, но тяжёлая сталь увлекла его на дно. Некоторые гребцы повскакивали со своих мест. Иные, кто был предупреждён заранее, сидели смирно. Ладья перестала двигаться стала медленно закручиваться, подхваченная течением. Красимир

прижал своего маленького братика, стараясь защитить того от возможных угроз. Карапуз испуганно заплакал. Герман довольно повернулся к Зиме и попытался что-то сказать, но возле него уже был Лютогост. Брат Всеслава выхватил кинжал и несколько раз вонзил его в сердце охранника. Оставив того умирать на палубе, Лютогост подбежал к Агате, смотревшей за борт. Когда женщина повернулась, он приставил ей к горлу окровавленное лезвие. Она поняла, что это смерть. Но Лютогост почему-то медлил. Агата поняла почему. Он был настоящим воином и не в его правилах было убивать безоружных, тем более женщин. Видимо, ему никогда и не доводилось так поступать. Но надолго ли хватит его благородства, тем более, если её решено убить? Агата выскользнула из рук Лютогоста и упала на колени перед Зимой Строговой.

— Госпожа, помилуй меня! Я и мой сын ни в чём не повинны. Мне ничего не надо, — Агата принялась целовать сапоги жене своего любовника. — Смилуйся, прошу тебя!

Зима сжалась над своей противницей. Она была повержена и теперь не представляла никакой угрозы. К тому же увидев, как муж её тонет в водах Рустовеси, Зима вдруг осознала, что его больше не будет рядом. Никогда. Ни плохого, ни хорошего. Никакого. И ребёнок, которого она носит под сердцем, родится уже без отца. Осознание ужаса содеянного также повлияло на Зиму.

— Хорошо, Агата, я помилую тебя. Но ты должна рассказать людям и ратникам, что здесь случилось. Поклясться им в виденном. Поднимись с колен.

— Да, конечно, госпожа. Я расскажу всё, что видела!

— А что ты видела?

— Я... — Агата стала судорожно соображать. — Я видела как охранник Всеслава, безумный фанатик, выбросил государя за борт. А Лютогост убил этого безумца, потому, что он хотел покуситься и на твою жизнь. Лютогост защитил тебя и Красимира.

— Так всё и было, умница. Подтвердишь всё и я отпущу тебя к мужу.

Зима открыла подсумок, в котором лежали грамоты. Сломала печати и принялась читать. Читая, она мрачнела всё больше и больше. Потом передала свитки своим сообщникам.

— Во имя Единого! — воскликнула Зима. — Проклятье! Они все для Агаты.

— Промысел Элая не предсказуем для детей его, — сказал Главный алим, убирая грамоты в подсумок и передавая его Агате. — Нам не дано возвращать время вспять. Нужно жить дальше. Быть может сегодня душа грешного князя была спасена для того, чтобы стать помощником Элая в деле умножения Гармонии. Нам остаётся только жить дальше. Теперь судьба Рустовесской земли в твоих руках, Зима. Значит будем действовать как задумано.

— Да, нужно жить дальше. Но как...

Раздался громкий всплеск за бортом. Сбросивший свои одежды Миша Воробей кинулся в воду и теперь яростно грёб к далёкому берегу. «Вернуть его, быстро!» — скомандовала Зима. Волк Озеров взял лук и наложил стрелу на тетиву. Мгновение спустя около головы хрониста просвистела оперённая смерть.

— Эй, писарь! — выкрикнул Волк. — Возвращайся на ладью. А то следующая тебе прямо в затылок угодит.

Миша подплыл обратно и, схватившись за весло, был втянут на борт. Ему дали одежду, чтобы прикрыть наготу.

— Хронист, ты ведь ещё не дописал историю походов моего мужа?

— Почти дописал. Осталась только концовка.

— Вот. Напишешь концовку. Как пал от руки предателя-одиночки твой повелитель. И как армия присягала новому князю. Ты всё понял?

— Да, госпожа.

— Если мне понравится твоё сочинение, то я оставлю тебя при дворе. Будешь писать новые хроники.

— Спасибо, госпожа.

— Всё, — скомандовала Зима, — вёсла в воду! Пльвём к Багровым полям.

Ладья, снесённая течением вниз, вновь уцепилась за волны и поползла вперёд. Агата сидела на скамье, успокаивая перепуганного Егора. Красимир подошёл к матери. Он был напуган и растерян, но говорил твёрдо.

— Мама, что здесь случилось? За что Герман убил отца?!

— Сынок, — Зима обняла Красимира, — случилось ужасное. Тебе нужно быть сильным. Теперь ты наш государь!

К*О*Н*Е*Ц

Больше книг на сайте - Knigoed.net